

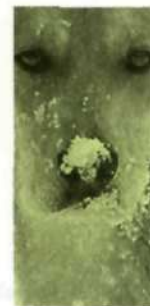

Р.И. Шиян

**ПОЛЕВОЙ
ДОСУГ
ГОНЧИХ**

Р.И.Шиян

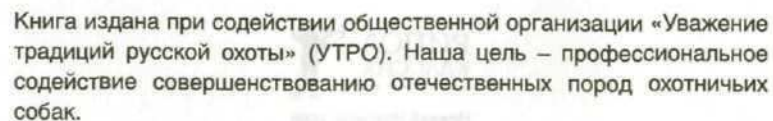
ПОЛЕВОЙ ДОСУГ ГОНЧИХ

РИПОЛ
КЛАССИК
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОО

Нижний Новгород 2006

«По-моему, истинный охотник - раб страсти, как художник, должен преклоняться перед всем лучшим, моё ли это, чужое ли - заимствовать, поддерживать и, если есть возможность, улучшать.»

С. Гейер. Гончая в ружейной охоте, 1899 г.

Всероссийской родословно-племенной книги охотничьих собак я постоянно исполнял роль одного из кураторов её, сначала по англо-русским и эстонским гончим, а затем и по русским. С 1973 года на протяжении 30 лет был членом комиссии по гончим, а с 1981 и председателем, как всероссийской, так и всесоюзной таких комиссий.

За прошедшее время я сумел постажироваться и поработать со всеми экспертами старшего поколения, а также дал путевку в жизнь многим моего и более младшего поколений своими рекомендациями на повышение им категорий званий экспертов.

Так что с позиции прожитых лет и накопленного опыта я и приступаю к изложению поставленной темы.

ВВЕДЕНИЕ

К сожалению, мы не знаем с полной определенностью, где и когда возникли гончие, способные длительное время преследовать поднятого зверя в голос по следу - это скрыто от нас во тьме веков, и все предположения на сей счет всего лишь догадки. Хотя о появлении гончих на российской земле можно уже говорить с большей долей достоверности, что появились они здесь, скорее всего, с запада вместе с восточными славянами, заселившими в своё время Русскую равнину.

Полевые качества гончей собаки появились и формировались в стародавние времена со времени возникновения и формирования этой обособленной и своеобразной породной группы, безусловно имеющей древнее происхождение. Полевой досуг гончей для всей этой группы генетически несравненно старше, чем все экстерьерные особенности, присущие ныне существующим породам их. Так что, в конце концов, не внешний вид охотничьей собаки, а её внутреннее содержание - полевой досуг определяет - гончая это или нет.

Не следует также забывать, что гон зверя по следу может достигнуть своего идеала только в работе гончих собак в группе, т.е. в стае... Почему испокон века подавляющая часть их культивировалась всегда как стайные собаки, а элементарной рабочей единицей, пригодной для гона зверя всегда считался как минимум смычек т.е. две гончие собаки. Вот только поэтому, когда в 1900 году уже с полной определенностью встала проблема изучения индивидуальных качеств гончих собак в целях их рационального разведения, тем не менее, их начали испытывать лишь в смычках, а затем в стаях и стайках. Только в 1925 году подошли к индивидуальным испытаниям - в одиночку. О способности гончей в одиночку исполнять вполне сносно работу на гону, «конечно, в более скромных размерах», впервые заговорил Н. П. Кишенский (23, с. 69), и это

Стая гончих И.Н. Кольникова

вполне оправдывается всей нашей нынешней практикой. Правда, объективности ради надо отметить, что когда в России вплотную подошли к вопросу организации испытаний гончих в поле, тот же Н. П. Кишенский высказался за испытания их только в стае (22).

Н. П. Кишенский стаю определяет следующим образом: «Стая может быть большая, хоть из восьмидесяти гончих, может быть и гораздо меньше и может, наконец, состоять всего из одного смычка, т.е. пары собак». Определение это вызывает некоторое недоумение, поскольку трудно поверить, чтобы восемьдесят собак одновременно могли вести по следу одиночного зверя, все поголовно участвуя в этой работе. На мой взгляд, в этом вопросе более авторитетен П. М. Губин (8, ч. I, с. 8), определивший, что «самая большая псовая охота должна состоять не более как из стаи гончих в сорок собак... самая малая, но вместе с тем самостоятельная псовая охота должна состоять не менее как из стаи гончих в восемнадцать собак...». Вот, наверное, эти максимальные пределы мы и должны

учитывать, говоря о стае.

Первые правила полевой пробы гончих не устанавливали верхнего предела численного состава испытываемых стай и, скорее всего, по той причине, что подружейные стаи всегда были менее многочисленны, чем псовые. Но в то же время в этих правилах было четкое деление испытываемых единиц по трем группам: испытание гончих в смычках; испытание гончих «в стайках для ружейной охоты, количеством от 2-х до 4-х смычков, при произвольном составе стай в отношении числа выжлецов и выжловов и четного или нечетного числа собак, при пешем охотнике»; и испытание в стаях «количеством от 4-х смычков и больше, при верховом доезжачем, или, по желанию владельца, при пешем охотнике» (38).

К сожалению, многие годы мы не видим на испытаниях и состязаниях не только конных доезжачих, но и стай. А о том, что по тем правилам было непременно условием иметь в распоряжении судей верховую лошадь, наверняка подавляющему большинству наших гончатников совершенно неизвестно.

Нынешние правила предусматривают испытания гончих в одиночках, в смычках и стаях, начиная с 2-х смычков. К сожалению, испытание гончих в составе полутора смычков действующими правилами не предусмотрено.

Основные принципы изучения полевого досуга подружейных гончих разрабатывались очень большим числом любителей и знатоков этой охоты с ними, а общие установки были сформулированы по сути дела первым апологетом и страстным популяризатором её - Н. П. Кишенским (23, с. 8). Вот как он писал по этому поводу более ста лет тому назад: «Пробный камень всех вообще гончих - это островной беляк, только на нем и можно вполне оценить мастерство; для этого надо выбирать незайчистые острова. Проба гончих не должна ограничиваться беляком; их следует пробовать также и по красному зверю, отдельно по волку и лисице. Теперь развелось очень много гончих, гоняющих только по зайцам, гончих, которые трусливее овцы; обладать такими сокровищами вовсе не-приятно.

«пробный камень» — взрослый заяц беляк

Кроме того, есть гончие, которые гонят по лисице и не гонят по волку, или наоборот. Хорошая ружейная гончая должна гнать по всякому дикому зверю, исключая мыши, крысы, крота и белки». Эти основные принципы, заложенные Н. П. Кишенским, по сути дела и являлись путеводными для всех последующих разработчиков полевых правил испытания гончих.

Правда, практика охоты с гончими в последующем внесла определенные коррективы в рекомендации нашего классика. Так с полной определенностью была признана в условиях нашей

страны нецелесообразность охоты с гончими по копытным. И, прежде всего по лосю и кабану, как менее продуктивную по сравнению с охотой по ним с лайкой, так и губительную для использования таких гончих по основным объектам охоты — зайцам и лисице, поскольку притравленные по копытным гончие, перестают исполнять свою основную работу. Нецелесообразно применение их и по медведю.

Главным же объектом, по которому наиболее полно открываются основные полевые достоинства гончих, как и определил в свое время Н. П. Кишенский, для нас был и остается заяц, прежде всего взрослый заяц-беляк. В свете последних дискуссий о роли красногонов в формировании гончих пород я все более убеждаюсь, что гончатники прошлого существенно выше оценивали значимость и роль зайца в деле испытания гончих, чем многие нынешние «знатоки» этого дела. Ведь недаром в первых правилах полевой

пробы гончих 1900 года (38) было прямо записано: «Расценка гончих производится по работе их по зайцу, преимущественно по взрослому беляку». В правилах испытания гончих Русского охотничьего клуба (37), в составе комиссии по разработке которых, кстати сказать, был и Н. П. Кишенский, также приоритет отдается зайцу, хотя написаны они для испытания стай (от 3-х до 6-ти смычков) по зайцам и красному зверю (волку): «§21. Все записанные стаи первоначально испытывают по зайцам, и только те из них, которые оказались вполне удовлетворительными в работе по зайцу, допускаются к испытанию по красному зверю. Те же, которые в работе по зайцам оказались неудовлетворительными, не подвергаются дальнейшему испытанию, как лишившиеся права на всякий приз». А ведь эти правила писали известные знатоки — владельцы стай, для которых добыча волков и лисиц из-под гончих была обыденным явлением, они наверняка значительно лучше нас знали цену зайцев и лисиц с волками в деле оценки их полевого досуга.

Очень высоко ценили зайца в этом плане и наши зарубежные собратья — гончатники. К примеру, в публикациях Де-Коннора (32) я нашел перевод статьи «Руководство к охоте с гончими» французского графа Ле Кутё де-Кантелэ, где прочитал очень созвучные моим мыслям и суждениям слова: «Охота на зайца, быть может, самая хитрая из всех и, как говорят многие охотники, основание всех охот... Хорошая собака по зайцу, если она парата и вынослива, может сделать очень хорошей по всякому другому зверю. Заяц дает так мало запаха, у него столько хитростей в запасе, что охотник и собака, которые берут его, способны оба брать всякого другого зверя».

Конечно, отмечая большую важность использования зайца как объекта для испытания гончих, необходимо не забывать, что эти испытания не

дают нам исчерпывающего ответа по всему комплексу её полевого досуга, поскольку в этом случае совершенно не оценивают важное её качество - «благородную, бескорыстную злобность, то есть врожденную ненависть к красному», как выразился Н. П. Кишенский, (23, с. 138).

Необходимость удовлетворительной работы гончих как по зайцу, так и по красному зверю всегда у подавляющего большинства гончатников считалась нормой. К примеру, С. Гейер (5) в своё время писал: «Я не могу примириться только с тем, чтобы собака гнала хорошо по одним зайцам, хотя также не могу примириться и с тем, чтобы собака гнала хорошо исключительно по красному... В гончей должно быть два необходимых качества - чутьё, и злоба».

Примерно в этом же духе высказывался и А.Эмке (55): «Жадная и настойчивая работа по красному зверю - высшее достоинство гончей, - это её патент, но если она не гонит зайца или гонит с большими перемолчками в способное для работы время, то патент этот сильно падает: это говорит за отсутствие у гончей чутья и мастерства, и у таких гончих имеется только злоба».

Еще более определенно высказался по этому поводу Н. П. Кишенский (23, с. 138): «Настоящий красногон гонит по зайцу отлично, только этим он может доказать достоинство своего чутья и хорошее мастерство; с ним охота по зайцам так же успешна, как и со всякой другой гончей».

Более осторожно и несколько в другом плане высказался на эту тему и Н. П. Пахомов (34, с. 66): «С одной стороны конечно совершенно нежелательно устройством испытаний только по зайцу поощрять гончих, работающих исключительно по зайцу и игнорирующих лису, а от присутствия в лесу волков, поджимающих гоны, так как злоба в гончих - неоспоримое достоинство, и только такие гончие имеют право на название рабочих собак. С другой стороны устройство испытаний только по красному, являясь односторонним, не может удовлетворить охотничью массу по той простой причине,

что более 90 % битого из-под гончих зверя составляют как раз зайцы».

Можно бы и дальше приводить выдержки из публикаций прежних знатоков и авторитетов охоты с гончими, но меня удерживает одна мудрая мысль, высказанная А.Л.Чижевским (50): «Еще совсем недавно мы переживали эпоху грубого скептицизма в науке, который нагими глазами невежды, мыслящего себя всезнающим и всемогущим, презрительно глядел на скромные писания и мысли прежних времен». К сожалению, эта эпоха в нашей науке о гончих еще не прошла, и я не вижу необходимости в дополнительных доказательствах всех неоспоримых истин.

Полагаю, что вдумчивые и грамотные гончатники меня поймут и доброжелательно воспримут мою аргументацию, а самовлюбленные невежды, допускающие в реформированных правилах допуск в состав племенных собак гончих, не гоняющих по зайцу, а лишь с полевыми дипломами по лисице, в моих примерах не нуждаются. К нашему счастью, эти новые правила, по которым опять должны получать дипломы гончие за 40 минут гона, а породы делать собаки, не умеющие гнать по зайцу, до сих пор не являются нормативным документом, обязательным к исполнению, т.к. не утверждены соответствующим государственным органом.

Действуют же по-прежнему Правила полевых испытаний гончих по зайцу и лисице (шакалу), утвержденные Департаментом по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Минсельхозпрода России 24 марта 1995 года, с позиций которых и пойдет далее речь. Этими Правилами как раз и закреплено общепринятое убеждение, что для более полной оценки полевого досуга наших гончих необходимо испытывать их как по зайцам, так и по лисице.

Использование действующих Правил при разборе полевого досуга гончих, на мой взгляд, единственно разумный путь, т.к., кроме многочисленных публикаций по этому вопросу в отечественной литературе, именно Правила являются тем всеобъемлющим и обобщающим сводом знаний, накопленных нашими предшественниками, и не обращаться к ним я не имею никакого морального права.

Всё последующее изложение посвящено основной теме - полемому

досугу, прежде всего полевому досугу одиночной гончей и, лишь кратко, требованиям к работе в смычке и стае. В заключение же даются некоторые рекомендации о проведении экспертизы гончих в условиях полевых испытаний.

ПОЛЕВЫЕ КАЧЕСТВА ОДИНОЧНОЙ ГОНЧЕЙ

Общий полевой досуг одиночной гончей действующими правилами условно разбит на 10 качеств, каждое из которых имеет свои характеристики и определенную цену в баллах, исходя из стопроцентной шкалы. Конечно, деление это условно, т.к. многие из этих качеств настолько тесно связаны и взаимозависимы, что могут рассматриваться и оцениваться только комплексно. Но, тем не менее, практика охоты и экспертизы гончих их выделила, и мы обязаны в силу традиции ими пользоваться.

Кстати сказать, полевые правила включают в себя оценку не всех полевых качеств гончих собак, а лишь главных из них и тех, которые возможно оценить в процессе кратковременных испытаний, поскольку главная цель испытаний - это отбор собак по пользовательным качествам для последующего племенного использования. Впрочем, как бы косвенно, результаты испытаний в определенной мере дают общие суждения и о пригодности её к охоте.

Наименование выделенных полевых качеств одиночной гончей и максимальная их оценка в баллах в действующих правилах изложены следующим образом:

1. полз - 10 баллов,
2. добычливость - 5 баллов,
3. мастерство - 25 баллов,
4. чутьё - 10 баллов,
5. вязкость - 15 баллов,
6. сила голоса - 10 баллов,
7. музыкальность /фигурность/ голоса - 5 баллов,
8. верность отдачи голоса - 5 баллов,
9. паратость - 10 баллов,
10. приездка - 5 баллов;

ИТОГО: 100 баллов.

Полаз - разыскивание гончей зверя до его подъяма. При оценке полаза учитывается его глубина, ширина, самостоятельность, настойчивость в розыске, а также насколько гончие придерживаются хода ведущего и характерных для нахождения зверя мест» - говорят действующие в настоящее время правила полевых испытаний гончих. В расценочной таблице на это качество отведено для одиночной гончей 10 баллов из 100, и по 5 для смычка и стаи. Примерно также, хотя и более кратко, излагали характеристику полаза и правила для испытания смычков и стай от 1901 года (38): «Полаз гончей (розыск) определяется степенью самостоятельности её в розыске, упорством розыска и его шириною», отводя для смычка 10 баллов из 100 и по 5 баллов для стай.

Интересно, что когда в 1925 году впервые в нашей стране были приняты правила испытаний и для одиночной гончей, эти критерии были иными: одиночке за полаз 15 баллов из 100, смычку и стае - 10. Еще более интересно, что с 1925 года в расценку гончих ввели дополнительную графу, по сути дела неразрывно связанную с понятием полаза, а, на мой взгляд, и неотъемлемую часть его, - «добычливость», выделив для неё как одиночке, так смычку и стае по 5 баллов. Так что в итоге получилось, если сплусовать баллы за полаз и добычливость одиночке, это те же 20 баллов, что и легавой за быстроту и манеру поиска, которые были установлены правилами полевых испытаний легавых еще в 1896 году.

Думается, что это совпадение не случайное. И если мы обратимся к нашим первоисточникам, то найдем у П. М. Губина (8, ч. 1, с. 103): «Полаз - то, что у легавой называется поиском», и у Н. П. Пахомова (34, с. 10): «Полаз у гончей является равнозначным поиску у легавой».

Аналогия с правилами испытаний легавых тут совершенно уместна, т.к. эти правила с выделением отдельных полевых качеств рабочей собаки и оценки их по столбальной системе явились в своё время прообразом последующих правил испытаний всех породных групп охотничьих собак, включая и гончих. А поскольку признается, что полаз у гончей - это то же самое что и поиск у легавой, то естественно и их равнозначная оценка.

Правда, все-таки есть и различия. У легавой при работе в поле «манера поиска должна быть такой, чтобы наибольшее количество пространства, намеченное охотником и указанное собаке направлением хода охотника, было без пропусков и без повторений обыскано в кратчайшее время. Поэтому поиск должен быть широкий, дальний - в пределах возможности слежки со стороны собаки за охотником и обратно - со стороны охотника за собакой и управления ею» - сказал в своё время Р. Ф. Гернгросс (6, с. 56). У гончих также к полазу предъявляются требования захватить наибольшее пространство розыском зверя в направлении, принятом охотником, без пропуска мест возможного его пребывания и не оставляя на лежке не поднятым зверя в сфере своего полаза, сохраняя при этом контакт с охотником.

Но легавая, разыскивая дичь в полосе своего поиска, проходит её против ветра челноком при закладке параллелей на расстоянии дальности своего чутья и не теряя зрительного, т.е. визуального контакта с охотником, что обычно ограничивается полосой около 150 метров шириной. Гончая же должна ходить в полазе значительно шире - примерно в полосе около одного километра, поддерживая с охотником преимущественно уже не визуальную, а акустическую, т.е. слуховую связь. И только достаточно регулярное порсканье охотника призвано как раз и сохранять эту необходимую дистанцию с обратной связью: чтобы гончая держала на слуху охотника и ориентировалась на его ход, и чтобы охотник не отпускал от себя в полазе гончую за пределы своего слуха.

Эта разница в уровне контактов охотника с собакой при полазе гончей и поиске легавой, конечно, существенна, т.к. одно дело судить

действия легавой, когда она почти все время на глазах, и совсем другое оценить гончую в полазе, которая лишь изредка показывается нам и до подъема зверя часто совершенно не подконтрольна нашему суждению.

На мой взгляд, именно эти соображения и предрешили в 1939 году разделение единой графы у легавых «быстрота и манера поиска» в 20 баллов на две: «быстрота поиска» и «манера поиска», определив на каждую из них по 10 баллов; и сокращение у гончих цены в баллах полаза без её разбивки с 15 до 10, повысив при этом соответственно на 5 баллов оценку мастерства. С тех пор требования в правилах к полазу остаются неизменными.

Конечно, всё это относится к вопросам экспертизы легавых и гончих в процессе официальных полевых испытаний, но если глубже посмотреть на это дело - они как раз отражают общественное мнение самых широких масс охотников по оценке в условиях практической охоты и нагонки (натаски) способностей наших собак.

Требования к полазу гончей достаточно широко и обстоятельно изложены у Н. П. Пахомова в его книге «Полевые пробы гончих» (34, С. 10-14) и, наверное, нет смысла заниматься пересказом их. Но, тем не менее, кратко изложить мысли Николая Павловича я считаю необходимым, тем более что все последующие авторы, которые писали о полевых качествах гончих после него, неукоснительно придерживались этой схемы.

Первое условие хорошего полаза - его быстрота, при которой гончая обязана обыскивать местность «наметом или хорошим галопом», а не трусить мелкой рысцой или двигаться шагом, что даёт возможность в единицу времени захватить «вдвое, а то и втрое пространства, чем тихход». Во-вторых, скорость полаза может быть полезна только при рациональности самого розыска зверя, т.е. важна не скорость отхода гончей от охотника, а максимально быстрое обследование полезных площадей в сфере полаза, «поэтому полаз должен быть осмысленным, гончая должна сразу же исключить все те места, которые будут пустыми и сосредоточить свое внимание на тех, где может находиться зверь... безмерно далекий, но ленточный полаз гончей непригоден.

Наоборот, менее далекий, но более широкий, похожий до известной степени на челнок легавой, - предпочтителен». Наиболее правильным для охоты по зайцам Николай Павлович считает «полаз, при котором гончая уходит от охотника на расстояние от 400 до 1500 шагов, сообразуясь с его ходом, переходя то вправо, то влево от него, идя легким галопом или, как говорят, «волчьим наметом». Полаз гончей, разыскивающей красного зверя, должен быть иным: «В красногонах ценится далекий, широкий полаз, охватывающий остров (или прорезающий его) в разных направлениях по дорогам, просекам и полянам. Только такая манера работы гончей обеспечивает успех охоты по волкам и особенно по волкам-одиночкам в позднюю пору осени».

Но поскольку охота по волкам с гончей одиночкой занятие бессмысленное, да и не безопасное, нам лучше сосредоточить свое внимание на полазе при охоте по зайцам, определение которому дал Николай Павлович - оно, в общем-то, приемлемо и на охоте по лисице. Кроме того, он особенно подчеркивал, что «бешеное метанье из стороны в сторону без всякого толка, галопирование вдоль дорожек, просек и опушек совершенно недопустимо. Можно скорее простить гончей несколько замедленный темп, чем эту бестолковость, при которой подъем зверя становится чистой случайностью».

Не обошел вниманием Николай Павлович и вопрос поведения охотника под гончей в полазе, подчеркнув недопустимость попыток со стороны охотника поднимать зверя самому - вместо собаки. Это предусматривают неписанные нормы правильной охоты с гончими, это же недвусмысленно было записано как в правила испытаний 1901, так и 1925 годов: «С целью выяснения полаза собак охотнику, ведущему на пробе собак, не рекомендуется самому обыскивать чащи и крепи, предоставляя гончим разыскивать зверя. Ведущий собак обязан идти по указанию судей, по возможности полянами и вдоль опушек. Редкое порсканье и посвист разрешаются только для указания направления, а не для подъема зайцев. Хлопанье аранником

допускается не иначе как с разрешения судей». Последними действующими правилами такие действия не запрещаются столь категорично, но, тем не менее: «До подъема зверя ведущему разрешается вести гончих самостоятельно, не мешая выявлению охотничьих качеств испытываемой рабочей единицы».

Вот, пожалуй, и все основные составляющие полаза, которые отметил наш классик, и которые повторяли практически все, кто писал о компонентах работы гончей собаки после него. Исключения очень редки, почему считаю необходимым отметить великолепную статью В. В. Луканичева «Чудная песня гона» (28), которая явно выходит из этого ряда.

Я также согласен с этой трактовкой понятия полаза, но, тем не менее, считаю, что она все-таки не полна, т.к. почти полностью игнорирует роль запахов в процессе его розыска и в поведении гончей до подъема.

Все мы на собственном опыте знаем, что легкий галоп, переходы вправо-влево от охотника и наоборот, регулярное появление гончей

в пределах видимости ведущего - всё это на самом деле только начальная стадия полаза и кончается она сразу же, как только гончая найдет след зверя и «зацепится» за него. Темп полаза при этом часто и не претерпевает особых изменений, хотя в большинстве случаев замедляется, но необходимость сохранения подобия челнока и показываться на глаза владельцу полностью исключаются. В работе гончей наступал самый ответственный момент - добрать зверя по найденному следу и побудить его. А вот этот решающий момент полаза гончих как-то не нашел достойного отражения практически у большинства авторов, писавших об их полевым досуге.

Скорее всего, дело тут в том, что при стайной охоте было трудно оценить этот элемент полаза, т.к. когда набрасывается 20-40 гончих, практически невозможно определить - добрали они зверя следом или просто вытоптали его всей массой составляющих стаю собак. Правда, еще П. М. Губин (8, ч. I, с. 76) отмечал ценность гончей, являющейся «мастером к натечке», но в целом работа гончей после нахождения предутренней жировки зайца или заревого следа лисицы оставлена без внимания в работах наших предшественников.

Возможно, определенную роль сыграли еще недостаточные знания по изучению поведения интересующих и нас и гончую зверей в природе. Сейчас такие знания появились в результате усилий охотоведов и зоологов, изучающих поведение всех охотничьих животных, оставляющих следы на снегу, в целях получения объективных материалов по их учету. Для получения таких данных потребовалась масса суточных и многосуточных троплений всех зверей, поддающихся учету по следам, в целях определения длины суточного наследа, а также картирования суточных и индивидуальных ареалов, т.е. территорий обитания.

Оказалось, что заяц-беляк проходит за сутки в пределах 750-1500 метров, т.е. в среднем около одного километра. Как правило, по снегу беляк передвигается по собственной воле только в темное время суток, хотя бывают и исключения. При этом в послевечернее время он приходит с лежки на жировку, которых, смотря по обстоятельствам, может быть несколько. В самую глухую пору ночи отдыхает, сидя на месте или крайне ограничивая свои передвижения, а в предутрен-

ние часы опять продолжает кормиться, после чего отправляется на лежку и до света уже лежит. Учитывая, что жизнь на снегу для нашего беляка совершенно естественное состояние, и, как осень, так и почти вся зима не связаны с его размножением - вполне разумно перенести эти данные и на осень, на пору чернотропа, когда начинается охота.

В итоге получается, что для гончей при её ползае почти всегда с утра есть достаточно пахучий след беляка, доступный для чутья большинства собак, длиной около полукилометра. Правда, этот след на самом деле не простирается на такое расстояние напрямую, а укладывается обычно на площади не более 10-12, а то и всего 2 - 3-х гектаров. Так что найти жировку беляка, особенно при малочисленности его в угодьях, в общем-то, не простая задача, но, найдя её, гончая уже наполовину решает цели своего полза - найти и поднять зайца - она нашла след, который всегда кончается зверьком, оставившим его.

Но заяц не был бы зайцем, и давно бы их род прекратил своё существование, если бы не имел наследственных приёмов скрывать свой след от всех возможных преследователей. В литературе часто встречаешь суждения о тройках, двойках, петлях и других уловках, а также о том, что, сдвоив раз-два заяц и ложится, что сообщается, походя и, как бы, между прочим.

На самом деле основой всех хитростей зайца является двойка и скидка с неё, а также затаивание на лежке. Всё остальное - от лукавого. Ведь тот, кто много тропил зайцев в одиночку или вместе с гончей собакой, навряд ли согласится, что тройка - обычный приём у зайца. Тройка - это редкая случайность, и если она не сопровождается скидкой, то в разряд уловок её отнести нельзя. Петля, если её рассматривать в истинном понимании этого термина и не путать с двойкой, встречается чаще чем тройка и не представляет препятствия для собаки, т.к. след при этом не оканчивается тупиком. Петля - это когда возвратный след идет в стороне от приходного и только пересекает его под определенным углом. Обычно собаку не задерживает такой маневр, и часто она просто выбрасывает такие «кривули», выбирая более свежий след. Так что главный приём запутывания следа у зайцев - это двойка, когда он точно повторяет

возвратным следом приходной, а затем скидывается под прямым углом серией мощных прыжков за какое-то укрытие, собирая лапы при приземлении и толчке в одну точку. И делает эти двойки перед лежкой практически любой заяц и не одну-две, а всегда не менее трех. Кроме того, делая двойки, заяц, как правило, норовит остановиться на лежку таким образом, чтобы с неё контролировать не только сам концевой след, которым он пришел на лежку, а и предшествующие, даже еще перед первой двойкой, но обычно после неё. Русак ходит за сутки больше беляка - в пределах от двух до пяти километров, но характер его поведения во многом повторяет манеры беляка.

Лисица никогда не прячет свой след, как зайцы, и проработать её след для гончей не представляет затруднений, хотя и у неё встречаются «перекресты», которые практически не затрудняют собаку. Но суточный ход лисицы значительно длиннее, да и режим «работы» у неё иной. Средняя длина суточного нарыска лисицы в лесных угодьях в среднем 6-6,5 км и только в полях достигает 8-15 км. Встает она с лежки значительно раньше зайца, еще по свету, где-то около 15 часов, и задерживается в поиске до 8-9 утра, т.е. и ложится на дневку опять по свету. Днем обычно лежит, но голодная бродит и днем. Если она лежит не в норе, а наверху, то на лежке не задерживается и никогда не таится как заяц, стараясь заблаговременно покинуть беспокойное место.

Как правило, гончая, попав на следы, которые она чувствует и начинает работать по ним, добирая зверя до его подъёма, чаще всего ведет себя по-разному на следах зайцев и лисицы. По лисице редкая гончая делает эту работу молчком, как по зайцу, а практически всегда со сдержанной отдачей голоса. По следам зайцев большинство собак обычно молчит, хотя в последние годы мы все чаще встречаем гончих, не следующих этому правилу. Иногда при глубоком ползае это качество даже полезно в практической охоте: брехнула где-то вдали собака два-три раза - иди туда, и ты скорее будешь в сфере гона, который вот-вот начнется. Но длительная брехня, особенно без заметного продвижения, да еще подчас неотличимым от гона голосом, конечно, крупный недостаток, переходящий в порок.

Добор собакой зверя до его подъёма молчком сейчас уже не называется добром, скорее всего по той причине, что мы обычно его не наблюдаем, - мы редко видим собаку в полазе, если она молчит, и не знаем, что она делает. Добром сейчас принято называть лишь проработку гончей следа со сдержанной отдачей голоса - отдельными взбrehами. Вот тут мы можем подойти и воочию убедиться в том, что и как она делает.

Конечно, не всегда гончая находит в угодьях достаточно свежие следы, которые она в состоянии проследить до лежки зверя. Бывает, что ей мешают забойные дожди или обильный ночной снегопад, а также другие неблагоприятные погодные условия, когда зверь не покидает лежки и не даёт следа. Но там, где живет зверь, тем не менее, гончая всегда обнаружит признаки его обитания и тогда только по этим отдельным запаховым точкам, так сказать, маякам, будет искать.

В практике охоты в разных компаниях, а особенно при работе экспертом на полевых испытаниях, где приходится наблюдать много собак разного происхождения, из разных регионов их разведения и разных владельцев, сталкиваешься с удивительным многообразием полаза у разных гончих, описать которое практически невозможно. Крайние пределы этого многообразия: полное отсутствие полаза - с одной стороны, другая крайность - исчезновение гончей сразу же с напуска, когда она скрывается с глаз на первых минутах и бесследно пропадает на час-два, а то и на сутки-двое, по прошествии которых появляется перед владельцем, словно она отбежала на какие-то 5-10 минут.

Правда, когда гончая не показывает полаза при конкретном своем выступлении на полевых испытаниях - это не всегда говорит, что у неё его нет. Возможно, она оказалась больна в данный момент, вполне возможно, что она слишком перенервничала из-за непривычной обстановки, предшествующей её напуску, и у неё попросту нервный срыв, а может быть она вообще работница «по охотке». В этом случае мы сталкиваемся, скорее всего, либо с неустойчивой нервной системой собаки, либо вообще с недостаточным развитием в этой собаке её охотничьего инстинкта, что одинаково неприемлемо.

Другая крайность еще более загадочна. У меня была такая собака под кличкой Докука. Так вот, эта Докука пропала в первый же выход с ней в угодья. Прогуляли они со своей однопометницей всё утро по весенней пестрой тропе, ничего не подняли, хотя стали уже интересоваться заячьими «орешками», а к обеду, когда мы собрались уезжать, её при нас не оказалось. До ночи мы трубили и кричали, а появилась она только на рассвете следующего дня. Со временем она начала вполне сносно работать, но эти исчезновения повторялись с фатальной периодичностью. Более того, она могла в смычке повозиться на жировке и еще до подъёма пропасть или сделать это после того, как этот заяц будет добыт. После её исчезновения мы крайне редко слышали её голос где-то вдаль. Как правило, она просто пропадала. Я с этой выжловкой промучился две осени и единственно, что сумел установить: она на махах во времена своего умопомрачения обходит огромную территорию (один раз её наблюдали в 8 км от места наброса), нигде не задерживаясь и игнорируя все попадающиеся на её пути следы. Утомившись - к ночи, а то через сутки-двое эта дурь проходила, и она являлась на место, где была, наброшена.

Встретился я с таким же придурком и на крупных межобластных состязаниях в Кировской области в 1973 году. Самое удивительное, что такой номер «отмочил» полевой чемпион, до этого получивший 2 диплома I и 3 диплома II степени по зайцу-беляку, - ч. Зажигай II 1699/рг Н.М.Назарова (г. Москва). Он был наброшен 27 сентября в 10.41, показался за час на глаза два раза и пропал, появившись точно на месте наброса лишь через двое суток в 11.40 29 сентября.

На мой взгляд, это примеры явного психоза, когда внутреннее побуждение к бегу, к движению, полностью поглощает охотничий инстинкт, превращая полаз в бездумную механическую скачку до предела физических сил.

Так что, и неторопливая прогулка гончей под ногами охотника и фанатичный активный ход в неведомые дали без попыток розыска зверя, полазом называться не могут - это физкультура, физические упражнения под открытым небом, но не полаз. Полазом может называться только розыск зверя, и хорошую гончую в полазе видно сразу.

Прежде всего об этом говорят огромная сосредоточенность, азарт и весь напряженный её ход, постоянная готовность к встрече со следом и с самим зверем и страстное желание этого добиться. Нам всем известно выражение «чутьё по ногам», но у гончей с хорошим полазом всё подчинено чутью, и она действует по противоположному принципу: «ноги по чутью». Так что быстрота полза, прежде всего, зависит от чутья собаки и ежеминутно контролируется его возможностями. В принципе гончая не может себе позволить вольности отвлекаться от задачи найти зверя, для чего она должна всё время идти с «включенным» чутьём, если можно так сказать. Еще большего напряжения требует проработка найденного утреннего следа, будь то зайца или лисицы.

Утренний лисий след для гончей, если он доступен для её чутья, - работа простая. Сытый зверь, не торопясь, прорисовал аккуратную цепочку своих следов. Расстояния между отпечатками лап незначительны и удивительно равномерны, а сам рисунок вьётся пологой змейкой без резких поворотов и углов.

Совсем другое дело в случае с зайцем. Предутренний след после ночного перерыва, который доступен для чутья гончей, и, большинство которых чует его примерно полдня, начинается с жировки. Это или утолщенное место у упавшей осины, или хаотичные запутанные кружева практически сплошного следа в бору, где напалзал беляк, скусывая побеги и почки черничника, или такого же характера след на поляне или просеке в ельнике, куда он пришел полакомиться побегами малины. Во всяком случае, след на жировке - это сплошной след с крайне незначительными расстояниями между отдельными отпечатками лап. И даже прерывая кормежку и переходя на новое место, чтобы продолжить её, его следы спокойны и расстояния между ними короткие. Но стоит зайцу закончить жировку и отправиться на лежку, - след сразу же становится более собранным, прыжки энергичными, длинными, а расстояния между отпечатками лап разве только в полтора раза короче его гонного следа, когда он спасается от опасности. Уходя с жировки, беляк редко откажется пройти своими тропами, которыми он с одинаковым успехом пользуется как зимой, так и по чернотропу. И свою первую скидку, как правило, он делает

с тропы. Далее идут двойки и скидки с них уже вне троп, а это уже серия тупиков.

Зайцы, конечно, уникальные животные, и так заложить свой след, от простого к сложному не дано практически никому, за исключением лишь медведя, который, вне сомнения, умнее всех зверей в лесу. Заячьи уловки все-таки стереотипны, в основе наследственные, и исполняются, скорее всего, не от великого ума, а автоматически, хотя какое-то соображение отрицать нельзя. Медведь же настоящий интеллектual и, кроме того что он несоизмеримо сложнее, запутывая след, использует тропы, дороги, неоднократные проходы своим следом, лазания по валежнику и замысловатые скидки, он иногда и пятаится задом с дороги, что никакой другой зверь сделать еще не догадался.

Но наш разговор о лисице и зайцах, поднять которых главная задача гончей в полазе. Подъем зверя - это окончательный его этап, а вот как он исполняется, говорить, на мой взгляд, следует в другом разделе её полевых достоинств - добычливости.

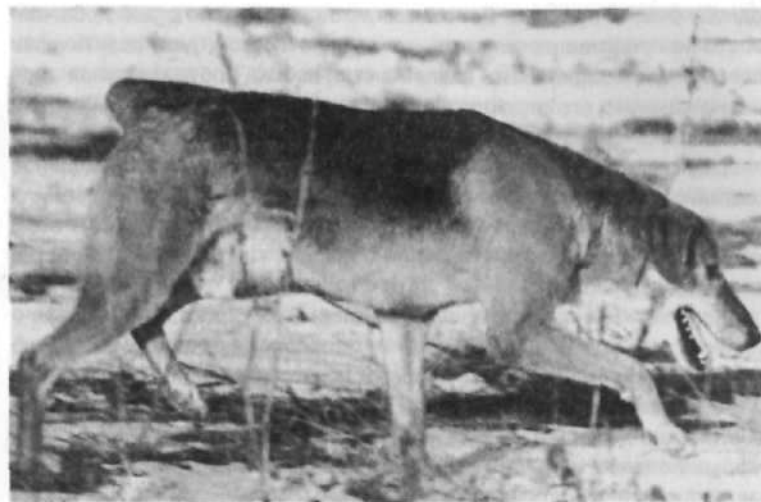

ДОБЫЧЛИВОСТЬ

Действующие правила полевых испытаний гончих излагают требования к этому качеству следующими словами: «Добычливость - умение гончей быстро находить зверя, оценивают с учётом времени между напуском и помычкой. При оценке добычливости учитывают также характер местности, плотность зверя, сезон и время дня. Наманивание гончих на шумового зверя допускается в исключительных случаях и только по разрешению экспертной комиссии». Как видите, изложение достаточно громоздкое, если сравнивать с текстом правил 1925 года, когда впервые было выделено это свойство как отдельный элемент работы. Тогда характеристика

«Золотое кольцо России», Ярославль 2004 год. Нижегородская команда (слева направо): Е.А. Иванов, В.В. Борозин, А.В. Бакалин

На жировки

была очень краткой: «Добычливость определяется скоростью и умением найти зверя». Сама разница этих двух характеристик является лишь иллюстрацией того, что со временем как сами правила, так и формулировки отдельных требований к ним, изменялись и уточнялись. Здесь как раз мы наблюдаем всю пророческую глубину смысла § I Правил полевой пробы гончих от 7 марта 1901 года, где, в определении задачи этой пробы, буквально было записано: «Полевая проба имеет ближайшей целью выяснение природных (рабочих) качеств гончих собак и, вообще, разработку установленных и устойчивых понятий о полевом досуге гончих». А вот эта разработка «установленных и устойчивых понятий» и породила как выделение добычливости из понятия полаза в самостоятельное качество, так и последнюю её характеристику.

Конечно, было бы слишком наивным думать, что добычливость, как полевое качество гончих, не привлекала внимание гончатников до 1925 года. Но этот год действительно явился переломным по

одной простой причине. Дело в том, что при охоте со стаей добычливость не представляется столь важным качеством, да и практически всегда трудно определить какая из стаи собака побудила зверя - всё равно какая-то его столкнет, и гон начнется. Но у одиночной собаки знать это качество очень существенно, поскольку если она не добудет зверя, то вообще ничего не будет, и охота превратится в бесцельное шатание по лесам и полям. Вот почему впервые, принимая правила испытаний одиночной гончей, а приняты они были именно в этом году, пришлось выделить из понятия полаза, как отдельное свойство его, - добычливость.

Если мы немного отвлечемся от гончих, то, строго говоря, добычливость, как элемент работы, присуща любой охотничьей собаке по любому зверю или птице. В любом случае зверя или птицу собака, прежде всего, должна найти, т.е. добыть, и лишь потом наступают следующие действия по специфике каждой охоты. То же самое и на любых полевых испытаниях. Даже на испытаниях по привязанному медведю лайка должна дойти до него по следу и обнаружить его. Но ни в одних правилах испытаний, кроме как для гончих, это качество не выделено и отдельно не учитывается. Более того, если мы внимательно прочитаем правила испытания лаек по белке, то увидим, что уровень оценки собаки по этому зверьку определяется в основном по её добычливости. И степени присуждаемых дипломов напрямую зависят от количества найденных белок в единицу времени, хотя сам термин «добычливость» упоминается в тексте правил всего один раз, да и то в приложении.

Уникальность правил полевых испытаний гончих со своей отдельной графой «добычливость» в общем ряду правил полевых испытаний всех охотничьих собак, конечно, не случайность и объективно отражает особое своеобразие самого поиска зверя, по которому работают гончие. А главные «виновники» в этом, вне сомнения, наши зайцы со своими хитро-мудрыми следами перед лежкой и удивительной тайкостью на ней. Ведь слишком наглядно мы можем наблюдать иногда полную беспомощность собаки на уже найденных следах: и гончая показывает, что чует наброды, и заяц явно где-то здесь, но ничего не получается - поднять она ничего не

может. А, с другой стороны, поражаешься, с какой сноровкой и сметкой, едва прихватив жировку, и словно играючи, в какие-то минуты собака зальётся по зрячему и поведет этого мудреца. Вот эта разнокачественность результатов заключительного этапа полаза - подъёма зверя - и заставила выделить добычливость в отдельное качество полевого досуга гончей, поддающееся оценке.

В начале раздела о полазе гончих я уже приводил высказывания наших классиков об идентичности полаза с поиском легавой, но в то же время отметил и отличие их в части связи охотника и собаки в процессе самого этого действия. Но взаимодействие визуальное с легавой и на слуху в случае с гончей - это только первое отличие. А второе и главное заключается в том, что легавая проходит полосу своего поиска «частым гребнем», практически не оставляя не обысканных мест, в то время как гончая за то же примерно время должна обыскать значительно большее пространство и, конечно, не в состоянии обследовать его в деталях. И тем не менее, как легавой, так и гончей, вменяется в обязанность не оставлять не найденными в полосе своего розыска ни дичи, ни зверей. Казалось бы тут явное противоречие - где же гончей найти всех зверей в километровой полосе, когда она проходит своим поиском только часть её и притом - меньшую, в то время как легавая при правильном поиске исследует свою 150-метровую полосу вдоль и поперек.

Но противоречие тут кажущееся, поскольку, как легавая, так и гончая, разыскивают объекты своей страсти преимущественно разными путями: легавая ищет непосредственно птицу, а гончая, прежде всего след и только по нему уже зверя. Гончая, игнорирующая следы и ищущая зайца только верхним чутьём на лежке, неважная гончая, и добычливой быть она не может: слишком долго и много ей надо проскакать в полазе, чтобы очутиться в непосредственной близости от лежки зайца и «схватить» его самого на чутьё. А вот найти место обитания каждого зверя в полосе своего полаза, обнаружив его следы, и добраться до него - это и есть основная задача любой гончей, и она выполнима, если гончая обладает удовлетворительной добычливостью.

Поднять зайца можно и без помощи собаки, что сплошь и рядом

случается с нами на охоте. Более того, среди нас иногда бывают особо удачливые, из-под которых зайцы выскакивают постоянно. К примеру, мой покойный друг из Богородска Нижегородской области Михаил Анатольевич Курепанов, кстати сказать, первый владелец Варнака К.А. Орлова - отца знаменитого ч. Набата 1235/рг, оставившего очень полезный след в породе русской гончей, являлся одним из таких. В период безвременья в предзимнюю пору по жесткой промороженной тропе, когда жалко бить ноги гончим, он самозабвенно шатался по полям за русаками, как он любил выражаться, «на выскочку», и очень успешно. Конечно, таким мастерам помогают огромный опыт, знания и «железные» ноги. Но прежде всего, вне сомнения, знание, где может лежать заяц, а где его нет.

Опытную гончую также ведут по угодьям в полазе её знания, приобретенные в результате индивидуального опыта. Она также выборочно ведет поиск, как опытный охотник, и проверяет только места возможного нахождения зверя, выбрасывая пустые. Но у гончей по сравнению с охотником неоспоримое преимущество - у неё есть чутьё, и она не только предполагает, но, используя своё обоняние, в большинстве случаев и знает, где его искать. Ведь одно дело топтаться по всем возможным местам для лежек зверя и совсем другое - подойти следом к конкретному участку и проверить только его.

Огромное значение играет также и знание гончей угодий, где ей приходится работать. В знакомом месте собака смелее и активнее идет в полаз, а главное - она, прежде всего, старается проверить все участки, где ей удавалось поднимать зверя, почему сплошь и рядом, в общем-то, средних достоинств гончая в своих привычных угодьях проявляет чудеса добычливости.

Когда гончая добывает лисицу, след прост и без затей доведет до лежки, так что тут работать по месту и не приходится. На мой взгляд, добрать лисицу по заревому следу для гончей не требует и никаких умственных усилий. Тут действуют только её наследственные безусловные рефлексy: двигайся в направлении усиления запаха, и успех обеспечен. Конечно, надо при этом, прежде всего, определить направление следа, чтобы не отправиться в пята, но сам

механизм движения в принятом направлении по следу, безусловно, наследственный акт.

Однако роль опыта гончей и способности применить его на практике несоизмеримо возрастают на заячем следу. Тут мало наследственного инстинкта двигаться по следу зверя в его направлении, а надо работать и головой, что в науке принято называть рассудочной деятельностью.

В связи с этим суждением следует несколько отвлечься и затронуть недавно еще очень щекотливую тему. Как христианская религия, так и марксизм-ленинизм, который мы совсем недавно исповедовали, полностью отрицают наличие рассудка в животном мире, кроме как у человека. Последняя доктрина оставляла им лишь инстинкты: безусловные и условные, сложные и простые, но никак не рассудок, даже в его зачаточной стадии. Но наука не стоит на месте, и за последние полстолетия уже накоплен и опубликован огромный объём информации о том, что животные, особенно высшие, способны и рассуждать. Они способны экстраполировать, т.е. не только оценивать события, но и предвидеть, сопоставлять их и принимать на основе своего предвидения правильные решения. Исследования способностей человекообразных обезьян, дельфинов, ластоногих, псовых, врановых и других животных совершенно по-новому поставили эту задачу, и дали поразительные результаты. Основоположителем изучения рассудочной деятельности у собак в нашей стране явилась группа учёных во главе с профессором Московского университета Л. В. Крушинским, работа которых «Экстраполяционный рефлекс и его роль в эволюции поведения животных» (27) является и для нас фундаментальной. Вот главные заключения этой работы: *«Мы считаем, что существенной чертой поведения, выполняемого на основе элементарной рассудочной деятельности, является то, что животное способно... улавливать простейшие законы статистических и динамических связей, существующих между явлениями среды, и, оперируя ими, составлять программу своего адаптивного поведения... Способность животных к экстраполяции позволяет им, на основе уловленной закономерности изменения определенного*

процесса, предусматривать закономерность его последующего изменения... При этом используется информация, которая унаследована от предков, приобретена прошлым индивидуальным опытом и может приобретаться в каждый момент настоящего».

Как видите, наука однозначно говорит, что основой поведения высокоорганизованных животных, в том числе и собак, является их рассудок, или точнее, элементарная рассудочная деятельность, являющаяся производным центральной нервной системы. И, конечно, от качества центральной нервной системы, совершенства структур коры головного мозга, силы, уравновешенности и быстроты нервных процессов, происходящих в ней, и контролирующих поведение, целиком и полностью зависит рассудочная деятельность каждой конкретной собаки. А любой сбой в этой сложной и сбалансированной системе всегда влечет нежелательные результаты.

Примеры этому, наверное, каждый из нас наблюдал неоднократно, в том числе и я. Особенно врезался в память мне случай с русским выжлем Набатом 3066/рг И. И. Жукова, с которым довелось много поохотиться и который в начале своей рабочей карьеры восхищал всех чутьём и феноменальной добычливостью, хотя был, в общем-то, неуравновешенным, излишне азартным и проносистым на гону. Его не затрудняли ни недельная многоследица, ни сплошные наторенные тропы - в них он читал утренний след, «как по нотам», и в любой ситуации очень быстро словно из-под земли добывал зайца, стоило только ему зацепиться за жировку. Но в один несчастливый для нас день по благоприятной тропе после ночной пороши он вдруг забубнил в добор на утренних следах и стал чуть ли не гоном колесить по заячьим тропам, даже не делая попыток искать самого зайца. Пришлось его подвязать, самим поднять зайца и насадить выжлеца на гонный след - и тут он сразу же стал сам собою: с большим чутьём в своей яркой азартной манере водил беляка словно ничего и не было. В последующем, к сожалению, такие «затмения» его стали посещать все чаще и чаще, так что со временем из очень приличного работника он превратился в безнадёжного, тягучего и бестолкового брехуна. Наверняка произошли какие-то сдвиги в его нервной

системе, и его неуравновешенность получила дополнительное развитие. Пример этот я привел потому, что многие из нас полагают главным в гончей собаке чутьё. Я же придерживаюсь другой точки зрения: собаку несет по следу, прежде всего её рассудочная деятельность.

Говоря так, я прошу читателя не понимать меня превратно, что гончей в полазе можно обходиться без чутья: наличие чутья для работы по следу совершенно неременное условие, как отдача голоса на следу гонного зверя, чтобы называться гончей. Но хорошее чутьё гончей без «светлой» головы очень часто бесполезный инструмент, и не оно определяет добычливость поиска, а только помогает проявить её.

В предыдущем разделе о полазе я уже отмечал уникальную особенность заячьего предутреннего следа, - он весь построен от простого к сложному. Жировка, где заяц кормился - это практически сплошной след, на котором или вообще невозможно проследить промежутки между следами - в сильно натопанном месте, либо эти

Команда гончатников Владимирского ОО и Р на состязаниях «Золотое кольцо России» 2003 год.

промежутки минимальны, что еще сопровождается свежим помётом и мочевыми точками. Жировка - это самый пахучий участок следа и бестолковая гончая, будь она даже сверхчуткой, просто в силу своей азартности и безусловного рефлекса - искать зверя, где больше его запаха, но без минимального понятия, обречена топтаться часами. Ходовой след с жировки на лежку менее пахуч по причине значительно больших разрывов между отпечатками лап. На нём, как правило, нет и свежего помета. Но именно его должна искать сразу же собака, как только обнаружит жировку, а для этого нужно «чтобы у неё сельсовет работал», по любимому выражению известного российского гончатника и моего друга Дмитрия Никаноровича Федорина.

Но мало найти выходной след - надо иметь опыт, смекалку, чтобы провести его в тропах и разобраться в двойке, где след кончается тупиком в направлении своего движения. Кроме того, на двойке след двойной и, следовательно, более пахучий, чем одиночный, что опять представляет дополнительное искушение для гончей топтаться по ней туда-сюда. Откровенно говоря, я не помню в своем опыте собак, не проходящих утренний след до конца двойки - таких я видел только на гону. Но если у собаки «сельсовет работает», ей стоит лишь дойти до её конца, и она сразу вернется назад, но уже не следами по двойке, а стороной, проверит и ту и другую, но обязательно найдет скидку. Опытная гончая часто еще азартнее рыщет вокруг двойки, поскольку она знает, что заяц уже рядом, и стоит еще распутать парутройку их, и он выскочит. А дура опять, как и на жировке, начнет торить дорогу бессмысленно и бестолково. Конечно, последняя обнаруженная скидка и является всем венцом работы гончей в поллазе, т.к. в конце её и очень близко лежит одушевленный объект её страсти.

Минимальной добычливостью по нашим правилам принято считать даже не сам факт самостоятельного подъема зверя, а лишь приём собакой следа, побуженного кем-то - шумового, после выхода на наклик ведущего. Максимальным баллом оценивается способность гончей побудить зверя в первые 30 минут после наброса. За подъем зверя во второй половине часа, за подъем его только

во второй работе снижается соответственно и количество баллов. В правилах есть и достаточно любопытное примечание: *«Если одиночка приняла след зайца перевиденного более чем 15 минут до её наброса и, добрав зверя, погнала его, то за добычливость ставится полный балл»*, т.е. 5.

Делая попытки оценить результативность поллаза гончей - её добычливость, мы подчас забываем задавать себе вопрос - а что мы сделали сами для развития этого качества в своей собаке? А делаем мы иногда много глупостей. Я, к примеру, по этому случаю вспоминаю всегда свою Волгу III 1620/рг дочь ч.Гарпуна 1113/рг СВО ВОО ЦУМО и моей ч. Волги 1020/рг, нагонка которой началась с первых чисел мая 1966 года, во время моей работы экспертом на весенней испытательной станции гончих. Все светлое время суток было занято чужими собаками. А со своей удавалось выходить лишь на вечерней заре. Но тогда я был молод, и 14 выходов в ущерб отдыха больше измотали мою выжловку, чем меня. Возможность сразу же налететь на горячий след, не прикладывая особых усилий, кроме скачки по дорогам и прогалинам, настолько закрепились в собаке, что впоследствии стоило огромных трудов отучить её от этого. И даже много позднее эта первоначальная привычка сломя голову скакать в поллазе нет-нет, да и проявлялась, хотя она уже и начала вполне сносно добывать беляка с лежки.

Часто портим мы собак и своей торопливостью - нашей жадностью скорее поднять зверя. Не надеясь на молодую гончую, мы сами шарахаемся по всем подозрительным для лежек местам с криком и гамом, а часто и с огромной дубиной, оставляя нашему ученику возможность только кругами бегать вокруг нас и перехватывать следы возбужденного зайца.

Лишаем мы возможности постигнуть науку добычливости молодой гончей и нагонкой со старой опытной собакой. Хорошо, если она самостоятельна и пытается делать что-то сама, но чаще она больше следит за своей опытной напарницей и приобретает опыт лишь своевременно подвалить на готовенькое. В одиночку такой «нахлебник» часто теряется в поллазе и больше оглядывается и слушает, чем занимается делом.

Сталкиваясь же с примерами хорошей добычливости, мы иногда впадаем чуть ли не в мистику, пытаясь объяснить её какими-то чудодейственными способностями наших питомцев.

На самом деле всё значительно проще. И если собака не безнадежная дура, к сожалению, бывают и такие, то качество добычливости - это, прежде всего результат полезного опыта без дурных примеров, которое развивается со временем и практикой. Ведь и пример Н. П. Пахомова (34, с. 14) о необыкновенной добычливости его Хохота, говорит, прежде всего, о том, что выжлец прошел хорошую школу и добросовестно исполнял работу, которой он научился в своё время, чем так выгодно и ярко выделялся на фоне своих «приживалок».

Хорошая добычливость, конечно, - это полезный опыт и достаточно высокий уровень рассудочной деятельности, позволяющий применять накопленные знания в разнообразных условиях. Крайне важны при этом первые шаги, когда каждый удачный подъём зверя гончей дает возможность повторять эти удачные действия впоследствии. В дальнейшем методом проб и ошибок диапазон вариантов полезных действий накапливается в мозгу собаки и всё с большей успешностью проявляется на практике. И чем умнее собака, тем ярче проявляются её таланты в подъёме зверя.

Бывают случаи, что и с небольшим чутьём гончая собака, в общем-то, неважно проявляющая себя на гону по поднятому зайцу, отличается особой изобретательностью при его подъёме. А бывает также, что и чутыстая, хорошо гоняющая зверя собака беспомощно топчется на жировке или на двойке, наминая на них целые дороги, но никак не может охватить, найти продолжение следа и добраться по нему до лежки. Один из наших непререкаемых авторитетов Де-Коннор (10) совершенно однозначно считал, *«что чутьё, какое иная собака проявляет в гоньбе (по удалелому и на сколах), вовсе не даёт основания предположить, что она выделится в доборе, вообще в работе, предшествующей помычке»*.

Вне сомнения, поступательное движение по найденному следу лежит в основе хорошей добычливости. С раннего утра, когда след доступен для чутья, он должен быть весь прослежен до лежки от

места его обнаружения. Позднее, когда от него остаются только отдельные отрезки, или запах становится настолько слаб, что не удастся его весь пройти, наступает пора работы и по месту. Но, в любом случае, запахи присутствия зверя в угодьях - путеводная звезда любой добычливости, и никакая голова не поможет гончей, если она лишена чутья. Лишь сочетание рассудочной деятельности, её опыта и сноровки с удовлетворительным чутьём могут быть залогом успеха её добычливости.

К сожалению, выделив добычливость в отдельное качество и этим как бы разорвав полз на две составляющие: полз и добычливость, мы иногда не преднамеренно совершаем грубую ошибку, оценивая их по отдельности, а не в связи друг с другом. На самом деле полз, как бы он ни виделся нам хорошим, не может считаться таковым, если гончая не в состоянии поднять зверя в заведомо обильных зайцами местах. И, наоборот, гончая, быстро и стабильно поднимающая зверя, безусловно, обладает хорошим ползом, в какие бы схемы нашего воображения и не втискивали бы мы его. Главная и единственная задача с напуска - это быстро найти и поднять зверя и, если она с этим вправляется хорошо - она заслуживает и хороших оценок, как в ползе, так и в добычливости.

Полз вместе с добычливостью или добычливый полз, проще сказать, одно из основополагающих качеств гончих, о чем всегда надо помнить и о чем недвусмысленно говорил еще А. И. Эмке в своей книге «О гончей» (53, с. 23): *«Качество гончих состоит из четырех факторов: чутья, вязкости, мастерства, т.е. умения справлять след зверя на сколах, и полза»*.

Мастерство, как самостоятельное качество полевого досуга гончей, действующими правилами испытаний выделено из всех прочих главным, и на его оценку отводится четверть всех баллов - 25 из 100. Правда, мнение это не единодушное, а только общепризнанное большинством российских гончатников, наряду с которым есть и меньшинство, отдающее приоритеты или вязкости или чутью.

Споры о первоочередности тех или иных качеств, составляющих полевой досуг гончей, имеют давнюю историю и не прекращаются до сих пор. А порождены они, на мой взгляд, прежде всего разным смыслом, который всегда вкладывался и вкладывается в понятия «мастер» и «мастерство».

Понятие «мастер» появилось вместе с зарождением самой группы гончих в отдаленном прошлом, поскольку в любой публикации, как бы стара она ни была, мы уже встречаем слова о мастере. Во все прошедшие времена, да и в сравнительно недавнее время, когда гончие использовались в стае, мастер - это лучшая и ведущая стаю собака. Чтобы не быть голословным приведу одну из наиболее удачных характеристик «мастера» из «Полного руководства ко псовой охоте» П. М. Губина (8, ч. 1, с. 76): «*Мастер* - такая гончая, которая не пройдет никогда зверя, а всегда далеко его зачуяв, прямо помкнет по нем и будет водить его не скальваясь. Мастер - гончая должна совмещать в себе все полевые качества гончей собаки, т.е. должна быть чутливым, верным, привязчивым к зверю, настойчивым, паратым и злобным. Мастер - гончая всегда является вожаком всей стаи, которому верят все гончие стаи. У мастера - гончей упалого и удалелого зверя никогда быть не может, если мастер - гончая отзовется в острову, то это, наверное,

означает, что зверь есть, а если помкнет по зверю, т.е. поведет, то тогда смело можно поздравить владельца охоты «с полем», так как зверь тот наверняка будет или в тороках у борзятника, или в зубах у таких же ног гончих...»

Примерно в то же время эту характеристику уточнил Н. П. Кишенский (23, с. 51) - «*кроме передового вожака, бывает еще мастер, ведущий задний след; обыкновенно это бывает гончая постарше и похладнокровнее остальных. Она всегда гонит в хвосте стаи и старательно ведет след; если бы вожаком, а за ним и вся стая на крутом повороте пронеслись, то эта хладнокровная гончая направляет остальных и опять ведет сзади. Вожакими надо особенно дорожить; нередко, после пропажи вожака, отличные стаи сбиваются с толку, начиная гонять враспыленную или маровато, и долго не справляются по старому*».

Любопытно, что во времена наших классиков - во второй половине XIX века - понятие «мастер» было давно установившимся и общепризнанным, в то время как о мастерстве гончей, как таковом, еще только начинались разговоры. В руководстве П. М. Губина в разделе «Выражения, употребляемые псовыми охотниками вообще о гончих собаках» совсем не упоминается «мастерство», «мастероватая», «мастерить». И только Н. П. Кишенский в своем труде «Записки охотника Тверской губернии о ружейной охоте с гончими» (1880), вышедшем затем отдельной книгой - «Ружейная охота с гончими» (1906), пожалуй, одним из первых употребил слово «мастерство» применительно к гончим.

Само толкование этих понятий имеет прямое отношение, как к характеристике превосходного уровня всего полевого досуга в одной гончей собаке словом «мастер», так и высокого искусства в каком-либо отдельном качестве этого досуга, что в применении к гончей мы называем «мастерством». Говоря о «мастере» и «мастерстве», на мой взгляд, необходимо всегда помнить, что в русском языке это, хотя и близкие, но не однозначные понятия с достаточно четкими нюансами: мастер - это специалист, достигший высокого искусства в своем деле, а мастерство - высокое искусство в какой-нибудь

области этого дела.

В конце XIX века ведущие общества России уже всерьёз были озабочены разработкой правил испытаний гончих. Во всяком случае, по литературным источникам нам известно о создании комиссий по выработке правил полевых проб гончих в Императорском обществе правильной охоты, Русском охотничьем клубе и Московском обществе охоты. Результаты работы комиссии Императорского общества так и остались неизвестными. Русский клуб свои правила разработал и опубликовал, но дело до реализации этих правил на практике так и не дошло. И только Московское общество охоты свои начинания довело до логического конца и уже с 1901 года приступило к испытаниям. Первые правила этих испытаний для смычков были утверждены 13 декабря 1900 года, а 7 марта 1901 года для стай и стоек, последние из которых и были опубликованы в 1902 году в Родословной книге Московского общества охоты (РК МОО). (38)

Правила Московского общества охоты от 7 марта 1901 года,

После охоты

по которым впервые в России стали проводить испытания гончих, интересны для нас прежде всего тем, что в них впервые досуг гончей разбит на отдельные полевые качества, составляющие его, и впервые дана характеристика мастерства в отдельной графе под названием «мастерство на сколе и исправлении следа»: *«Мастерство гончей выражается в её энергии и искусстве справления следа после скола; при оценке этого качества принимается в расчет кратковременность и число перемолчек, в зависимости от более или менее благоприятного состояния погоды»*, чему отводилось 30 баллов из общих 100 (в первоначальном варианте правил от 1900 года на мастерство выделялось 20 баллов). В 1913 году цену в баллах мастерства снизили до 25 баллов, не изменяя формулировок в описании этого качества. Всего по данным правилам было проведено 7 полевых проб (1901, 1902, 1907, 1908, 1909, 1911, 1913 гг.), где было испытано 6 смычков и 14 стай и стоек.

15 декабря 1925 года на I Всесоюзном кинологическом съезде правила полевой пробы гончих были вновь пересмотрены, внесены новые коррективы, а главное - впервые в истории отечественного собаководства предусматривалась индивидуальная оценка гончей собаки, для чего разработана, наряду с таблицей оценки стай, стоек и смычков, особая таблица расценки одиночной гончей. Нас она как раз и интересует больше всего.

В самом тексте этих обновленных правил характеристика мастерства гончих, как для одиночной собаки, так и сборной единицы, полностью и без изменений взята из правил от 7 марта 1901 года, но название «мастерство на сколе и исправлении следа» заменено просто на «мастерство», и к тексту характеристики добавили примечание: *«При сколе более чем на 20 минут для одиночки и 15 минут для смычков и стай гончие снимаются с пробы, как не обнаружившие минимума мастерства. В зависимости от местных условий пробы срок этот по соглашению судей может быть сокращен до половины, о чем участникам объявляется до начала пробы, дабы все собаки находились в равных условиях»*.

Но вот в самой нарезке граф для отдельных полевых качеств и их цены в баллах изменения сделаны существенные. Как для сборных единиц, так и для одиночек появились новые, впервые введенные качества: «чутьё» по 10 баллов и «добычливость» по 5 баллов тем и другим при сокращении цены «мастерства» для одиночки до 20 баллов и для сборной единицы до 15 баллов.

В последующем правила испытаний гончих корректировались многократно: в 1939, 1947, 1953, 1957, 1959, 1972, 1976, 1981 и 1995 годах. Но нас сейчас интересует не сам перечень принятых в эти годы изменений, а наиболее кардинальные, повлекшие за собой существенные уточнения - обновленные толкования, как самого понятия «мастерство», так и предлагаемые критерии его оценки.

В 1939 году оценка мастерства в 20 баллов была оставлена, а вот в 1947 её приняли в 25 баллов, и до сих пор она остается неизменной. В 1953 году впервые в нормы правил вводится требование минимального времени для присуждения диплома в 35 минут (45 для диплома I степени и 40 - II ст.) и определен промежуток времени на перемолчку в 2 минуты, которые входят в работу на гону. Только в 1959 году нормы времени для присуждения дипломов стали: 60 минут - диплом I степени, 50 минут - д. II ст., 40 минут - д. III ст. В 1981 году перемолчку ограничили 1 минутой. В 1995 году нормой времени для присуждения диплома любой степени стал 1 час. В 1953 году впервые также введены обязательные нормы соотношения гона к периодам сколов: на диплом I степени сумма сколов не должна превышать 1/4 общего времени работы на гону, на диплом II ст. - 1/3 и на диплом III ст. - 1/2. В последней редакции правил эти нормы выражены в процентах: на диплом I степени сумма сколов не должна превышать общего времени работы на гону более 25%, на д. II ст. - 35% и на д. III ст. - 45%.

Ныне действующими правилами мастерство описывается следующими словами: *«Мастерство характеризуют: малое количество перемолчек и сколов, быстрота выправления их, а также ровность гона и его длительность. Предельный срок для выправления скола для одиночки - 20 минут, для смычков - 15 минут, для стай - 10 минут.*

Примечание. Сколом называется потеря гончей следа зверя с последующей затратой времени на его розыск более одной минуты».

Если мы сравним нынешнюю характеристику с формулировкой первых правил испытаний одиночной гончей 1925 года (а она полностью повторяет в этой части правила 1901 года для смычков и стай), то прежде всего нам бросается в глаза требование длительности гона. Второе дополнение о ровности гона не так существенно, т.к. по смыслу требование быстроты исправления сколов и краткости перемолчек по правилам 1901, 1925 гг. как раз и есть требование ровности гона.

Совершенно очевидно, что авторы правил 1901 и 1925 годов подразумевали под термином «мастерство» прежде всего ровность и напряженность самого гона. И, без сомнения, вкладывали в это понятие как мастерство само по себе, т.е. сноровку, искусство вести зверя лишь с незначительными перерывами в гоне, так и достаточное чутьё, позволяющее гончей на гону полностью показать своё мастерство. Так что первые понятия о мастерстве со всей определенностью можно характеризовать как неразрывный сплав мастерства и чутья. Позднее, когда требования к полевому досугу гончей постепенно при корректировках правил повышались, в понятие мастерства добавили еще и длительность гона, т.е. вязкость.

В настоящее время понятие «мастерство» - это неразрывное единство трех основных качеств полевого досуга гончей: мастерства, чутья и вязкости, а отсутствие любого из них всегда приводит к печальным последствиям. Поэтому все споры о том, что главное в гончей: мастерство, чутьё или вязкость в принципе лишены смысла, т.к. при отсутствии любого из них она не в состоянии продуктивно работать. Будь собака «семи пядей во лбу», но при отсутствии чутья она не в состоянии вести след, поскольку, даже попав на его продолжение в результате своей смекалки, она его не учует, и гон не получит своего продолжения. То же самое и при отсутствии вязкости: как бы мастеровита и чутьиста ни была гончая, но без вязкости она быстро бросит свою работу.

Так что, как это и может показаться парадоксальным, мы опять

понятие «мастерство» приблизили к понятию «мастер», только не по всему комплексу полевого досуга гончей, а «мастера по гону», мастера по свежему, только что поднятому и преследуемому зверю. А еще раньше, в 1925 году, у нас было определено мастерство в поллазе, выделением особой графы в таблице испытаний гончих - добычливости. В результате чего стародавнее понятие «мастер» мы просто разбили на две составляющие, отчего само понятие нисколько не пострадало. Само мастерство на гону, как таковое, совершенно идентично мастерству работы гончей и по несвежему следу, когда она добывает утренний след зверя до его подъема. И там и тут главную роль играет её рассудочная деятельность - способность экстраполировать, предвидеть события и принимать правильные решения. Да, без достаточного чутья и вязкости продолжения работы не будет, как не будет продолжения работы и с отличным чутьём и вязкостью, но без разумной головы.

Мне всегда при разговорах о мастерстве вспоминается моя ч.Волга 1020/рг, обладавшая в избытке этим качеством, но выжавшаяся в очень оригинальной форме. Выжловку эту после года я отправил в нагонку своему другу - председателю колхоза, где она в результате увлечения моего нагонщика общеизвестным пороком руководящих сельских жителей до сезона охоты была предоставлена самой себе - она уходила вместе со стадом и возвращалась вместе с ним. Что она делала долгий день, никто не знает, также осталось неизвестным и чем она поддерживала свои силы. Но манеры зайцев она познала в совершенстве и приобрела привычку их ловить. Особенно интересно было наблюдать её на двойке. Как правило, она проскакивала по ней, но сразу же смолкала и тут же находила скидку. Впечатление всегда было одно - она знала, где заяц скинулся. Обнаружив след, молча на 5-6 метрах определяла направление, сразу же бросала его и приступала к проверке возможных лежек. Подбежит к валежине и резко остановится, помахивая слегка гоном. Иногда и притопнет передними ногами. Не бежит - идет к другой возможной ухоронке и, только проверив все подозрительные места, тотчас возвращается к следу, перехватив его впереди по ходу зайца, и продолжает гон. Так она поступала всегда,

В.В. Пискунов со своим Набатом 5687.рг

разбирая утренний след, так вела себя и на гону. Практически всегда подъём зайца был на глаз и сравнительно часто она его ловила. Такая манера, конечно, замедляла гон и увеличивала продолжительность сколов, но ловить зайцев она продолжала и на гону.

Как видите, мастерства в этой выжловке было более чем достаточно, но выражалось оно в извращенной форме, конечно, неприемлемой для выдающегося гонца: собака в данном случае работала на себя, а не на охотника, и гон хотя и продуктивный, но ровным никогда не был.

Поимка зайца на гону никогда не поощрялась правилами испытаний гончих, в то время как сгоненный заяц считался венцом её полевых успехов, что прямо было записано в тексте, начиная с 1939 г. Параграф № 27 Правил испытаний гончих от ноября 1939 года дословно выглядел так: *«В виде исключения единица может быть расценена и на основании одной работы по зайцу в следующих случаях:*

- а) если единица сгоняла (отнюдь не словила) зайца;*
- б) если единица, кроме работы по зайцу, показала хорошую работу по красному».*

Любопытно, что в последние годы появились две публикации наших ведущих экспертов по легавым собакам, резко критикующие принятое гончатниками понятие мастерства гончей. Один из них, М. П. Павлов (33), предлагает: *«К «мастерству» гончей относить только время, затрачиваемое ею на начальный подъём зайца, с учетом плотности его населения в осеннее время; при непринятии этой рекомендации такое понятие как «Мастерство» из Правил полевых испытаний гончих должно быть исключено».* Второй - А. В. Камерницкий в соавторстве с А.Ю.Матушкиным (19) в своей брошюре «Полевые испытания охотничьих собак» вообще замахнулся на полное реформирование правил испытания гончих, оставив в мастерстве, как природном качестве гончей, лишь мастерство в ползае, мастерство на сколах и мастерство в вязкости. На мой взгляд, тут оба известных легашатника «ломаются в открытые двери». Мастерство в ползае в правилах испытаний уже с 1925 года записано как непереносимое качество под

названием «добычливость». Термин этот древнего происхождения и всегда обозначал гончую, способную быстро найти и побудить зверя. Мастерство на сколах всегда определяло саму суть понятия «мастерства», и тут также для гончатников нет ничего нового. Но вот ликвидация обособленного и самостоятельного понятия «вязкости» и включении его целиком в мастерство - явная ошибка, т.к., как качество, вязкость может быть оценена и без связи с мастерством, хотя мастерство без вязкости положительно оценено быть не может.

Мне думается, что любому гончатнику все-таки понятно, что без хорошей головы на фоне достаточного чутья и вязкости не может быть у гончей ровного, напряженного и длительного гона., что мы и называем хорошим мастерством.

Конечно, мастерство, как полевое качество гончей, имеет наследственную основу. Способность вести след идущего перед собакой зверя и круговыми охватами искать продолжение его при потере, вне всякого сомнения, наследственное поведение, присущее, кстати сказать, любому хищнику, преследующему свою жертву по следу. Это, как двойка со скидкой и использование своих троп в поведении зайца. Но куда направляет свои поиски гончая при очередной потере следа преследуемой жертвы, насколько она успешно действует в этой ситуации - это уже не только акт наследственного поведения, но и элементы рассудочной деятельности, приобретенной в результате индивидуального опыта собаки и базирующейся на уровне её высшей нервной деятельности.

Так что преследование зверя по следу - это сплав наследственного поведения с индивидуальным опытом гончей. Но успешность преследования зверя по следу зависит не только от способностей самой собаки, а, пожалуй, не в меньшей степени и от преследуемого зверя. Все мы гончатники знаем насколько трудно, а подчас и невозможно, гонять даже опытному гонцу прибылого зайчонка «с рукавичку» и насколько легко и просто делать это по взрослому беляку, особенно весной в пору его течки. Бежит ли заяц со всех ног, стараясь сразу же оторваться от гончей после подъёма, или «нажидаёт» её и идет по собаке. Идет ли он широко и свободно, не боясь гончей и не путая свой след, или кружится на пяталке, постоянно изменяя направление

хода и используя свои уловки, делая постоянные двойки и затаиваясь после них.

Диапазон разнообразных ситуаций на следу гонного зайца настолько широк, что часто затрудняет объективную оценку действий гончей на его следу. Так что требование показать на высшую оценку мастерства ровный гон не совсем правильное выражение, если понимать эту ровность в смысле его непрерывности, чем грешат многие из экспертов. Непрерывный гон может быть лишь по лисице или на полкруга, максимум круга по беляку, когда зверь бежит прямыми без резких поворотов. Но стоит зверю резко изменить направление своего движения, - пронос следа, временная его потеря неизбежна, и все дело только в скорости исправления этих проносов, на которых гончая обязана смолкать. Ровность гона надо понимать не в его непрерывности, а в кратковременности и незначительности перерывов в нем, которые не искажают общего впечатления напряженности, а скорее подчеркивают и украшают его быстрыми и страстными продолжениями.

Основоположники правил расценки одиночной гончей со всей определенностью отдавали себе полный отчет в этой оценке и были, пожалуй, более строги, чем сегодняшние эксперты. Так, к примеру, А.О.Эмке (54), говоря об оценке мастерства гончей, советовал еще в 1927 году: *«Я полагаю, максимум времени на один скол может быть дано 5-6 минут... Если принять продолжительность времени работы паратой гончей и к тому мастероватой, по матерому беляку за час, то в продолжении этой часовой работы сколов суммарно не должно быть более 15 минут для высшей оценки, и 20 минут для средней оценки. Конечно, такая оценка работы гончей будет относиться к зайцу, не забитому гоним и ходящему на кругах и в способное для гоньбы время... Работа гончих по красному зверю в отличие от работы по зайцу имеет совсем другой характер, сколов там не должно быть, и от хорошей одиночки, красногона, следует требовать, чтобы каждая лисица была поставлена под ружье, конечно при условии, если охотник не ловит мух и знает повадку и привычку этого зверя держаться под гоним».*

К сожалению, история совершенствования правил полевых испытаний гончих не была последовательной в смысле развития положительных идей наших основоположников. Много было послаблений и вредных новаций, не направленных на пользу племенного дела с нашими питомцами, и, наоборот, не погрешил против истины В. В. Луканичев, сказавший в одной из своих статей (28), что *«Правила полевых испытаний несколько раз пересматривались, и каждый раз требования к диплому снижались».* Вот и сейчас после 10-летней практики присуждения дипломов только за часовую работу опять, и достаточно настырно, люди, не совсем ясно представляющие себе цели и задачи испытательной работы с гончими, добиваются возвращения к дипломам за 40 и 50 минут работы на гону.

Излагая все высказанные мною мысли в этом разделе о мастерстве гончей, я все-таки не удовлетворен, поскольку есть еще один и, на мой взгляд, основополагающий аспект, который почему-то обычно игнорируется при оценке гончей и не затрагивается во всех публикациях о полевых испытаниях.

Может нас путает одно и то же название «гон», применяемое гончатниками для обозначения как преследования поднятого зверя с голосом по следу, так и лая гончей гонным голосом в лесу. Да, при верной на отдачу голоса собаке гонный голос говорит, что гончая гонит зверя, а фиксация по времени этого голоса и есть фиксация времени самого гона. Но существует масса моментов и различных вариантов неверной отдачи голоса гончей, когда она голосит и без следа, или на не гонных следах, или не в ту сторону, куда пошел зверь, и прочих вариантах, что сплошь и рядом засчитывается в гон.

Поэтому сам метод фиксации работы гончей по её лаю в лесу очень часто ненадежный способ определения качества её полевого досуга и, в частности, её мастерства. Дело, в конце концов, не во времени, какое голосила гонным голосом собака, а какую работу и как она исполнила за это время. И чем больше мне приходилось работать на полевых испытаниях гончих, тем больше я убеждался, что рядовые охотники, не искушенные в правилах, бывали более объективны в своих оценках, считая круги, которые сделала за

зверем собака, чем официальные эксперты, скрупулезно записывающие время отдачи голоса, но игнорирующие объем и качество самой работы. Сейчас бывают случаи, когда экспертная комиссия из трех экспертов, сумев с трудом за час перевидеть один раз гонного беляка, присуждает диплом I степени, хотя любому гончатнику известно, что при превосходной работе гончей, а только за такую и можно присуждать высший диплом, гонный заяц должен быть многократно выставлен под охотников. Гончая, хорошо гоняющая зверя, за час делает шесть - восемь кругов за беляком, и только такая работа должна цениться высоко, а не длительные «рыдания и завывания», но без заметного продвижения в пространстве. Даже сравнительно пешая собака, обладающая хорошим мастерством, достаточно быстро подает гонного зверя, предоставляя неоднократные моменты возможной встречи с ним, не говоря уже о паратой с таким же мастерством. Обычно средней ноги гончая делает один круг за зайцем в пределах 6 - 12 и редко 15 минут. Так что за часовую работу гончая даже средних достоинств предоставит неоднократную возможность для экспертов встретиться с гонным зайцем, не говоря уже о выдающемся гонце. Поэтому, когда эксперты присуждают диплом I степени, перевидев один-два раза в начале гона гонного беляка и не сумев с ним встретиться в последующем, вызывают больше сомнений и недоверия, чем понимания у людей, соображающих в этом деле.

В моей практике эксперта фиксация количества проделанной работы гончей - пройденного расстояния в пространстве и его конфигурации - всегда была своего рода «пунктиком». Я всегда отмечал в своих записях, кроме фиксации гона и сколов, время и характер проделанных гоним кругов. А затем при подведении итогов рисовал для себя схему всего гона, что часто помогало скорее разобраться в оценке самой работы и куда более наглядно говорить о ней, чем итоговые суммы времени на гон и сколы. И это я не считаю заблуждением, т.к. фиксация гонного голоса без учета проделанной полезной работы гончей часто ведет нас к ошибочным выводам, да, по сути дела, и является лишь косвенным признаком работы, а не фиксацией самой работы.

Интересно, что сопоставления объема проделанной работы и итоговой оценки по её времени нашли подтверждение и в моих статистических выкладках. Во всяком случае, по этим данным получалась довольно стройная система: гончая получала диплом III степени, как правило, за 2, максимум 4 круга за зайцем; диплом II степени - 4-6 кругов и диплом I степени - 6-8 кругов, что, прежде всего, наглядно показывает прямую зависимость степени диплома от *общей продуктивности гона*.

Моя приверженность к оценке гончей с позиций количества и качества работы, а не времени лая в лесу однажды привела к инциденту, оставившему до сих пор неприятный осадок в душе - я потерял хорошего товарища по охоте. Случай имел места в 1966 году, когда на весенней испытательной станции мне пришлось в составе комиссии проводить экспертизу англо-русского выжлеца Карая В. И. Тихонова. Владимир Иванович - заслуженный врач, один из первых футболистов Нижнего Новгорода, страстный любитель английских сеттеров и англо-русской гончей - много лет со своим Трубачем 1001/рпг охотился вместе со мной в одной компании. Но Трубач угас, а у него появился его сын Карай, который и был поставлен на наш суд. Зная хорошо Трубача, как очень дельного, хотя и несколько пешеватого работника, конечно, меня интересовал его сын, и мы проявили максимум усердия, чтобы предоставить ему работу и разобраться в ней. Правда, всю нашу комиссию еще до наброса выжлеца смущала его излишняя массивность, избыток кости и мяса, общая грубость и медлительные натужные движения даже на поводке. К сожалению, наши опасения оправдались. Не надеясь на собаку, мы быстро столкнули его зайца и наманили на перевиденного. Он след принял и погнался, но гон был настолько пеш и мороват, что за 40 минут он сумел сделать всего один кружок, (беляк был перевиден и второй раз, когда вернулся к месту подъема), который любая мало-мальски сносная гончушка должна делать максимум за 10 минут. На большее его не хватило - он рухнул после этого кружка в ноги у хозяина, полностью обессилев. В итоге, хотя временная норма на диплом III степени была выполнена, у нас не поднялась рука присудить его за такую работу. А мои совместные охоты с В.И.Тихоновым с тех пор прекратились.

Кроме того, хотя качество и количество работы, совершенные гончей на гону, должны быть определяющими, очень важно для каждого охотника, а тем более эксперта, отдавать себе отчет в том, что же в работе на гону относить к гону, а что и нет. К сожалению, в правилах полевых испытаний гончих нет конкретного определения, что такое гон. Да это и не к чему, т.к. правила не букварь, не учебное пособие, а руководство к действию знающим суть предмета людям, где не место прописным истинам. Но вся беда в том, что среди наших экспертов есть люди, которым подчас не достает знаний как раз этих прописных истин и которые твердо убеждены, что если собака лает после подъема зверя, то она наверняка гонит. Правда, в ориентировочной шкале примерных оценок, приложенных к основному тексту правил есть выражения: «пристальный и яркий гон», «уверенный гон», «чистый гон», что относится к разряду достоинств. И в то же время отмечаются его недостатки, как добор на жирах, отдача голоса на проносах, на сколе и в пятах. Конечно, гонный голос на проносах, на сколе и в пятах не являются гоним как таковым. Сюда, вне сомнения, относятся и все повторения с голосами гонных следов, уже пройденных гоним, о чем в правилах не упоминается. Не упоминаются и естественно никак не трактуются такие всем известные понятия как «добор по удалелому» и «мореватый гон».

Строго говоря, гоним можно называть только непосредственное преследование с голосом гончей поднятого зверя, когда он уходит от собаки, держась на безопасном для него расстоянии, а собака старается настигнуть его по горячему следу. С этих позиций добор по удалелому гоним называть нельзя, т.к. заяц давно убежал, где-то залег и перед собакой не идет. Бывают гончие, которые эту проблему решают просто, в связи с чем я всегда вспоминаю мою первую Волгу, дочку знаменитого Шугая 405/г. Она всегда прорабатывала такой след молча и только «наступив» на беляка продолжала гон. Но подавляющее большинство гончих так не делает, хотя опытный эксперт всегда разберется и определит по отдаче голоса, по замедлению движения добор от гона. Сложнее вопрос с «мореватым гоним», когда заяц продолжает идти от гона, но на значительном расстоянии от собаки, и непосредственного преследования как такового уже нет.

Дело иногда доходит до того, что беляк начинает кормиться во время такого «гона». Случается, что мореватый гон бывает в результате очень сложных природных условий для работы гончей, и ей с трудом удается проследить след даже на прямых его участках. Тут, конечно, все во власти экспертов - считать это за гон или за добор. Во всяком случае, мореватый гон можно рекомендовать признавать за гон, лишь при достаточно активном продвижении гончей по следу, когда временные периоды отдачи голоса на следу все-таки продолжительнее периодов молчания при поисках продолжения следа.

Фиксация отдачи голоса без привязки к производимой гончей работе при оценке её в поле иногда порождает совершенно «дикие» примеры. Мне всегда помнится случай на Всесоюзных состязаниях гончих 1974 года, где я исполнял роль председателя одной из экспертных комиссий вместе с В. Н. Советовым и (Минск) и В. В. Деньгиным (Киров) и где под нашу комиссию был поставлен англорусский выжлец ч. Набат Г. Г. Горозы, одного из руководителей украинского собаководства и эксперта I категории. Выжлец этот сразу же попал на жировку, которую медленно и копотливо, но с достаточно яркой отдачей голоса разбирал 28 минут, затем прогнал прибылого беляка 1,5 кружка за 16 минут, скололся на лесной дорожке и еще 32 минуты брехал на сколе, так не обрезав и не сойдя с него. Выжлеца мы расценили без присуждения диплома и сразу же получили жалобу в главную экспертную комиссию от владельца на неквалифицированную экспертизу, т.к. по его записям получилось, что выжлец гонял беляка I час 16 минут. На наше счастье в этот день главная экспертная комиссия инспектировала именно нашу команду, и весь этот «гон» происходил и на ее глазах тоже, так что конфликт был быстро разрешен. Но, насколько я понял, жалобщик остался при своем твердом убеждении: его выжлец гонял все зафиксированное им время. Как расценивал на Украине Г. Г. Гороза чужих собак, я не стал даже наводить справки, но не дай Бог, чтобы и в России были такие эксперты.

Единственным мерилом мастерства гончей на гону, как ни протестуют против этого гончатники любители лисогонов, бесспорно, является заяц. Только на нем гончая может во всем блеске показать

свои как наследственные, так и благоприобретенные качества беззаветного гонца, и только на зайце можно в полной мере оценить её мастерство.

Есть лишь определенные нюансы в использовании для целей оценки гончей между работой по русаку и беляку. Да, для работы по русаку нужно больше чутья и паратости, т.к. след на открытых пространствах полей скорее улетучивается, к тому же по манере хода русак скорее становится удалелым, да и держится обычно дальше от собаки, что также затрудняет его преследование по чутью. Эти моменты говорят в пользу выбора русака как объекта проверки гончей. Но всё портит его привычка уводить собаку со слуха и приверженность к использованию машинных дорог, что в силу обстоятельств сплошь и рядом делают невозможным вынести объективную оценку. По беляку оценить собаку проще - все, как правило, на слуху и на виду, да к тому же беляк в отличие от русака значительно чаще прибегает к двойкам, затаиванию, хождению по своим тропам и гонным следам, где как раз и можно в большей мере оценить всё её мастерство и достаточно полнее. Так что, безусловно, были правы авторы наших правил, записавшие в их тексте, что *«Расценка гончих производится по работе их по зайцу, преимущественно по взрослому беляку»* (§ 8 правил от 7 марта 1901 г.).

Принимая эту рекомендацию за истину, все-таки необходимо задать себе вопрос: а можно ли определить степень мастерства гончей и по лисице?

На мой взгляд, ответ на этот вопрос должен быть положительным, но только с рядом существенных оговорок.

Да, работа гончей по лисице даёт нам возможность оценить мастерство, но не в полной мере, как при работе по зайцу, а только той её части, которая, прежде всего, относится к его наследственной, а не рассудочной составляющей. И как бы мы ни мудрили с правилами испытаний по лисице, - мастерство по ней лишь примерно в половину стоит мастерства гончей по зайцу. Почему, по моему личному убеждению, наиболее близки к истине были авторы правил, допускавших оценку высшего мастерства гончей по лисице лишь 16

баллами и присуждением диплома не выше III степени. Нынешние правила, допускающие присуждение дипломов всех степеней по лисице, на мой взгляд, всего лишь очередной эксперимент, который скорее затрудняет объективное изучение общего комплекса полевого досуга гончей, чем помогает его задачам.

Работа гончей по лисице - прежде всего показатель её злобности к этому зверю, качества присущего практически любой кровной гончей. Без испытания гончей по лисице это качество определить невозможно, но судить по этой работе обо всем комплексе полевого досуга и, прежде всего о мастерстве и чутье гончей, совершенно бесполезное занятие.

Все мои кровные гончие гоняли по лисице с тем или иным успехом. Особенно памятен мне чепрачный выжлец, бесподобно гнавший по ней. Гнал он и по медведю. Работал в манере осторожной и выдержанной лайки по лосю. Но по зайцу его хватало максимум на круг - полтора, а стоило беляку оторваться на 5 минут, как он уже не чуял такой след. Лисицу же водил настолько парато и плотно, что редкая из них выдерживала гона в 40-50 минут, после чего норилась. Он настолько близко ходил от лисицы, что она выкатывалась в ноги, когда уже ясно был слышен треск валежника под его ногами, а в редуинах и чистинах очень часто гон переходил и на глаз. Но я с ним расстался, поскольку мне не нужна гончая, с которой невозможно охотиться по зайцу. Зайца-то он гнал, но из-за своего неважного чутья все его потуги по этому зверю нельзя было назвать приемлемым гоном.

Все-таки странно устроен человек - и как бы он ни был начитан и образован, чаще всего прописные истины познает, лишь набив шишки на собственном горьком опыте. Ведь уже около 100 лет тому назад Н. П. Кишенский (23, с. 138) сказал: *«Настоящий красногон гонит по зайцу отлично; только этим он может доказать достоинство своего чутья и хорошее мастерство... Увы! - в погоне за гончими, которые лучше или даже исключительно гонят по красному, т.е. в погоне за жалкой пародией гончих, именуемой фоксгаундами, мы почти уже утратили таких красногонов»*.

Гон по лисице, кроме возможности определить саму степень злобности гончей, дает нам лишь возможность оценить и степень ее вязкости по ней. Потому что вязкость по лисице и по зайцу не всегда совмещаются в одной собаке, и все мы знаем массу примеров, когда есть гончая с мертвой вязкостью по зайцу и не привязчивая к лисице, а бывает и наоборот.

Конечно, нам нужна гончая, с одинаковым успехом гоняющая и по зайцам, и по лисице, но объективное суждение о степени её мастерства, т.е. всего этого комплекса: мастерства, чутья и вязкости, что вкладывается в его понятие, мы можем получить только при испытании гончей по зайцу. И никуда нам не уйти от вещей слов Н. П. Кишенского (23, с. 8), что «пробный камень всех вообще гончих - это островной беляк; только на нем и можно вполне оценить мастерство...»

ЧУТЬЁ

Правила полевых испытаний гончих определяют это качество очень лаконично: «Чутьё - способность гончей с помощью обоняния находить и гнать зверя».

Лаконичность эта определяется просто: ни мы охотники-практики, ни наука еще не имеем четкого и исчерпывающего объяснения, что такое обоняние и запахи, т.е. той проблемы, которую еще И. П. Павлов считал одной из наиболее сложных и трудных в физиологии и общей биологии. Чувство обоняния признается всеми учеными одним из самых древних в животном мире и до сих пор еще для науки во многом необъяснимым. Нам охотникам в этом отношении проще, поскольку мы не особенно волнуемся - есть ли общепризнанная теория обоняния или нет, наши интересы более приземлены: как более - менее объективно исследовать роль обоняния в работе гончей собаки и иметь достаточно ясные критерии оценки качества самого чутья для последующего отбора производителей в целях племенного использования.

Приступая к разделу о чутье, я вынужден сразу оговориться, что нельзя ставить знак равенства между обонянием и чутьём, т.к. чутьё это не только обоняние. Достаточно четко по этому поводу выразился В.П.Рождественский (44): «Если все породы собак обладают обонянием в той или иной степени, то не все породы собак обладают так называемым чутьём в охотничьем понимании этого слова, под которым подразумевается наследуемая способность собаки на расстоянии не только выделять из многих запахов, одновременно действующих на обонятельный аппарат, запах птицы или зверя, но и одновременно реагировать на него неуждержимым и страстным стремлением к источнику этого запаха».

Собака, как представитель хищных, живет в мире запахов и по

сравнению с человеком значительно превосходит его своим обонянием. Да, мы примерно одинаковы с собакой в возможностях своего дневного зрения, существенно проигрывая при сумеречном и ночном освещении. Возможности нашего слуха лишь в разы хуже собачьего. Но наш нос, а это трудно даже представить, воспринимает некоторые запахи, наиболее значимые для собаки, в миллион или даже в миллионы раз хуже, чем она. И это уже никем не ставится под сомнение. Кроме того, если ощущения зрения и слуха имеют направленную основу и сопровождаются направленными ответами, то запах - это ненаправленное ощущение, вызывающее направленный ответ, что успешно демонстрирует гончая собака. Она, распутывая след, бежит во всех направлениях в поисках продолжения его, не обращая внимания на все другие запахи, встречающиеся на пути. Сам же гон представляет собой бесконечный поиск запаха поднятого зверя, чередование его обнаружения и потери. Не подлежит сомнению, что, обнаружив по группе следов их направление, собака экстраполирует, продолжает мысленно направление следа, и, наверняка, в силу самой природы ощущения запаха, каких бы высоких качеств она ни была, не может в подавляющем большинстве случаев не потерять запах следа на резком повороте, а тем более на двойке. Однако в своем дальнейшем поиске она, как правило, найдет продолжение следа и продолжит гон.

В науке о запахах одним из основополагающих постулатов является понятие «пороговой концентрации», которой принято называть наименьшую концентрацию пахучего вещества, вызывающую ощущение запаха. Большую работу по реакции на различные пахучие вещества провел в нашей стране С. А. Корытин. В его работе «Поведение и обоняние хищных зверей» (24) приводятся результаты многих опытов по поведению различных хищных, в том числе и собак, на пахучие вещества посредством выработки условных рефлексов на их запах. К сожалению, реакция собак на пахучие вещества в опытах С. А. Корытина, как и наши попытки при натаске легавой собаки испытывать её по поиску пахучих кусочков сыра или колбасы, еще ничего не говорят о её чутье на дичь. Она может обнаруживать эти кусочки на дальних расстояниях и в то же время не чует дичи. Бывает и наоборот.

Чутьё собаки - это наследственное свойство, заложенное в ней от природы, и оно может проявляться или не проявляться, если собака и ощущает запах определенной дичи. Так, многие гончие игнорируют лосей и кабанов, а некоторые даже лисицу. Среди легавых встречаются собаки, которые совсем или долгое время не считают за дичь бекаса и не проявляют на него чутьё, в то время как прекрасно работают по дупелю, а бывает и наоборот. Большинство легавых не чуют охотничью птицу, сидящую на гнезде, хотя среди них есть отдельные экземпляры, отмечающие стойкой каждое гнездо. Обычно, как гончая, так и легавая, при первых своих шагах в охоте не чуют ни первого добытого зайца, ни первой мертвой битой птицы. Очень часто легавая, прекрасно сработавшая выводок тетеревов, затем не в состоянии найти ни одного из перемещенных, которые проваливаются словно сквозь землю, хотя и сели у нас на виду. Подобную картину иногда приходится наблюдать и гончатнику, когда гончая, поймав на чутьё зайца на лежке шагов на 15, в процессе гона затем не в состоянии причуять этого же зайца, запавшего через определенное время и на значительно меньшем расстоянии.

Пороговая концентрация запаха - это лишь момент ощущения запаха, которая часто не является сигналом включения чутья, поскольку все помыслы любой охотничьей собаки направлены на поиски его большей концентрации, чем пороговые. В этом отношении очень показательны легавые, не имеющие потяжки - у меня был такой английский сеттер Лада II 1521/а. В местах набродов дичи она не переходила на потяжки, не делала этого и при ощущении слабого запаха от самой дичи, а только более сосредоточенно проходила своим стремительным челноком место до тех пор пока в нос не ударял запах от близко сидящей птицы, и только тогда она сходила замирала на стойке. Она явно отбрасывала все менее резкие запахи, хотя и ощущала их, но чутьё проявляла лишь в непосредственной близости от дичи, всегда верно и точно по птице.

Научное обоснование понятия «чутьё» одним из первых предложил профессор Л. В. Крушинский со своими сослуживцами в статье «Новые данные по изучению чутья у собак» в 1946 году (25): *«Имеется значительная зависимость между активностью*

поиска и остротой обоняния... собаки, обладающие плохим поиском, имеют и плохое обоняние. Однако собаки, имеющие малоактивный поиск, могут иметь как хорошее, так и плохое обоняние. Наличие корреляционной зависимости между остротой обоняния и активностью поиска указывает на то, что эти два самостоятельных свойства собак нужно рассматривать в определенной комплексной зависимости. Совокупность этих свойств мы считаем рациональным охарактеризовать как чутьё собаки».

И далее они высказывают суждения, имеющие непосредственное отношение и к работе гончей по следу: «Корреляция между качеством работы и активностью поиска несколько выше, чем между качеством работы и остротой обоняния... Очевидно, собаки, обладающие малоактивным поиском, несмотря даже на значительную чувствительность обонятельного аппарата, не используют его в должной степени. И наоборот, собаки, обладающие активным поиском, даже при невысокой чувствительности обоняния, могут его использовать в достаточной для данного вида розыскной службы степени».

В другой своей работе - «Чутьё собак и его роль в поиске по следу» в 1960 году Л. В. Крушинский (26) с соавторами осветил и эту немаловажную для нас тему: «Качество следовой работы собаки в значительной степени зависит от качества её чутья. Вместе с тем необходимо отметить, что ни в одной из трех групп сопоставления оценок чутья и следовой работы не было полного совпадения. Среди собак с отличным чутьём оказались особи, плохо работающие по следу, и, наоборот, некоторые собаки со средним чутьём показали отличные результаты в работе по следу. Таким образом, результаты проведенного сопоставления показывают, что роль чутья в следовой работе, хотя и весьма значительна, но не всегда является решающей... Следовая работа и условия, в которых она происходит, гораздо сложнее, чем отыскивание мяса в опыте по определению чутья, и требует у собаки, кроме острого чутья и других качеств. Большое значение,

несомненно, имеет степень и характер развития у собаки основных безусловно рефлекторных реакций... и типологических свойств высшей нервной деятельности, а также степени приученности собаки к поиску и запоминанию определенных запахов...»

Я прошу извинить читателя за столь длинную цитату, но думаю, что в ней как раз в краткой форме и вскрываются с научных позиций роль мастерства и чутья гончей собаки в результатах её работы на следу. Не важно, что профессор свои выводы сделал, наблюдая розыскных собак на следу человека, важно, что эта работа не имеет принципиальных отличий от работы гончей по следу зверя. И как в преследовании овчаркой преступника, так и в преследовании гончей зверя наряду с хорошим чутьём требуется и «светлая» голова, без чего выполнение этой работы невозможно.

Недаром охотники еще задолго до Л. В. Крушинского включили в правила полевых испытаний гончих большую часть чутья в мастерство и напрямую качество чутья определяют по оценке её мастерства. Да, в расценочной таблице испытаний есть отдельная графа «чутьё», которому отведено 10 баллов, и эксперты помимо зависимости оценки чутья от мастерства имеют возможность выразить определенными баллами своё впечатление о проявлении его в сложных условиях работы: по пыльной дороге, на голом без растительности поле, на шоссе с интенсивным движением транспорта, в водянистом участке местности и пр., что, в общем-то, не часто и не в каждой работе гончей случается. Так что главная оценка чутья гончей в подавляющем большинстве случаев производится все-таки по мастерству, конечно, с учетом её добычливости, паратости и верности отдачи голоса.

Без сомнения при такой методике оценки чутья должны и постоянно создаются ситуации, когда более чутыистая собака при невысоком мастерстве получит балл за чутьё ниже, чем менее чутыистая, но более «башковитая». Откровенно говоря, я не вижу тут противоречия, поскольку нам не нужно большое чутьё в чистом виде без продуктивной хорошей работы, а хорошим оно может считаться только при условии, если собака имеет острое обоняние, неудержимое, влечение

к зверю и умение отыскивать его. Отсутствие любого из этих трех составляющих полностью обесценивает любую охотничью собаку как полевого работника.

Конечно, чутьё - это ценнейшее и основополагающее качество гончей, без чего она не способна выполнять своё предназначение. И это качество присутствует практически во всех элементах её работы. Добычливость, мастерство, вязкость, паратость во многом определяются чутьём. Даже яркость гона - его интенсивность, а также верность отдачи голоса находятся в зависимости от качества чутья.

Применительно к охотничьим собакам определение чутья дал в своё время известный эксперт и охотник Р. Ф. Гернгросс в своей книге «Полевые испытания легавых подружейных собак» в 1935 году (6, с. 47): «Чутьём легавой подружейной собаки признается способность её обонятельных нервов слышать на расстоянии запах самой живой дичи (первый элемент «чутья»), соединенная со страстным влечением к этой дичи (второй элемент «чутья») и умением осознать дошедший до нее запах (третий элемент «чутья»)». Это определение вполне научно, поскольку его использовал Л. В. Крушинский в упоминавшейся уже работе о чутье собак (25), правда, с определенной оговоркой: «Термин «чутьё» в понимании этого автора может быть применимо только к охотничьей и притом обученной собаке». А мы как раз и ведем разговор о такой собаке, хотя не из группы легавых, а гончих. Строго говоря, различия тут нет: определение понятия чутья Р. Ф. Гернгросса в одинаковой мере применимо как к легавой, так и гончей.

К сожалению, в литературе по гончим такого развернутого определения чутья нет, почему я и вынужден использовать материалы «легашатника». Есть лишь масса примеров хорошего и плохого чутья, верного и неверного, верхнего или нижнего; примеры удивительного проявления его дальности и также не менее удивительные примеры его отсутствия при, казалось бы, благоприятных условиях. Так что теория проявления чутья, вне сомнения, лучше разработана на примере легавых, и я полагаю, что её необходимо вкратце коснуться, чтобы легче было перейти к проблеме проявления

чутья у гончих.

Пожалуй, наиболее четкую схему проявления чутья у легавой собаки дал Н. А. Зворыкин в своей работе «Оценка легавой на охоте» (15, с. 269): «Разные приемы работы чутья позволяют отличить следующие характеристики его проявления: высокий верх, верхняя следовая работа, нижняя следовая работа и работа смешанная». Под высоким верхом он понимал работу исключительно по запаху тела самой птицы, игнорируя запахи следа. Собака просто верхочутая, по мнению этого автора, - это собака, совмещающая работу, как по запаху самого тела дичи, так и запахам свежих следов, игнорируя при этом запахи следов менее горячих и не опуская головы к земле: «Верхочутая собака, в отличие от высоко верхочутой, склонна вести горячим следом по линии его, когда запах самой птицы еще недоступен чутью. Верхочутая собака не применяет, однако, низовую следовую работу». Нижняя следовая работа - это работа с опущенной головой исключительно по набродам, в том числе и несвежим, которая, тем не менее, заканчивается стойкой, как правило, накоротке. «Смешанная работа складывается из проявлений преимущественного верхнего чутья обоих оттенков (высокого верха и верхней, следовой работы) с использованием, где нужно, некоторых приемов нижней следовой работы. Это чрезвычайно удобная и добычливая комбинация всех приемов работы чутья и особенно ценна для работы по куриным».

Схема эта, предложенная Н.А.Зворыкиным, является общепризнанной и у большинства специалистов не вызывает сомнений. У гончатников такой развернутой градации приемов работы чутья нет. Есть только достаточно четкое деление на гончих с верхним и нижним чутьём. Практически ничего не изменилось с этими суждениями со времен еще П. М. Губина (8, ч. 1, с. 79), определения которого привожу ниже: ««Верхочут» - такая гончая, которая водит зверя на «верхнее чутьё», не наклоняя головы и не припадая чутьём к следу зверя. Такая гончая очень ценится охотниками и бывает очень скоро в натечке и в гоньбе по зверю. «С низким поиском» - такая гончая, которая отыски-

вает зверя и исправляет его, наклоня голову книзу и припадая чутьём к следу зверя. Бывают также хорошими гонцами и мастерами».

Любопытно, что если характеристика работы нижним чутьём никогда в дальнейшем не подвергалась сомнению в отечественной литературе, то толкование термина «верхочут» многими авторами излагалось по-разному. Н.Н.Челищев (49), к примеру, был убежден, что «верхним чутьём собака ищет таким образом, что у неё голова всегда поднята кверху, собака как бы ловит носом воздух; если к ней на чутьё попадает запах зверя, она по прямому направлению мчится к лежке зверя, поднимает его и затем ведет (гонит) уже не следом, а исключительно по запаху самого зверя, доносившему ветром». Как видите, мы в данном случае наблюдаем полную аналогию с манерой работы высоко верхочутой легавой по Н. А. Зворыкину.

Н. П. Пахомов (34, с. 19-28) отрицал полезность такой верхочутости в гончей и, приводя массу ссылок на авторитеты, доказал невозможность положительного использования гончей с такой манерой работы в преследовании зверя по следу, хотя прямо и не заявил, что таких собак нет. Наверное, учитывая колоссальный опыт Н. Н. Челищева в охоте и работе с гончими, надо признать, что в былых стайных охотах такие собаки были, но польза от них была лишь при подъёме зверя. Во всей последующей работе по следу поднятого зверя, конечно, они только мешали стае надежно вести след.

Достойную отповедь таким «верхочутам» дал в своё время К. Баковецкий в своей статье «Ответ Ружейнику Антону» (2): «Верхнее чутьё у гончей считается пороком потому, что как бы сильно оно ни было, при бешеном преследовании зверя, особенно когда ветер не со стороны следа, а за следом, верхочут неминуемо должен сколоться. Сколовшись, верхочут разыскивает зверя верхним чутьём, по этой причине собака, отдавшая преследованию все свои силы, с разинутым ртом еле переводя дыхание, за редкими исключениями почует верхним чутьём успевший уже остыть запах зверя. Вот почему верхочуты и одного круга по зайцу не держат

и бросают гнать, разыскивая нового зверя. Что заяц попадает в зубы верхочутов - верно, но не «на втором, третьем» кругу, а на первом. Опытные охотники говорят: «Дай Бог, чтобы верхочуты один круг зайца продержали, а на втором наверняка бросят, не только в поле, даже в лесу». Что дельные не верхочутые гончие никогда не будут так нестись за зверем, как пресловутые верхочуты, - это верно, но толку от этого безумного «ерзания», как убедится впоследствии Ружейник Антон, мало».

В настоящее время среди гончих достаточно часто встречаются собаки, способные обнаружить на лежке зайца по чутью, но в работе по преследованию поднятого зайца все они и, прежде всего лучшие из них, ведут ли этот след верхом или низом, как правило, строго держатся следа. Таким образом, если придерживаться схемы Н. А. Зворыкина - это или верхняя следовая работа с поднятой головой, когда собака ведет след, не игнорируя запахи и непосредственно от зверя, если они доступны, или работа только нижним чутьём, или работа смешанная с использованием как верхнего, так и нижнего чутья.

По поводу этих рассуждений считаю совершенно необходимым привести пространную выдержку из замечательной статьи В. Селюгина «О верхнем чутье у гончих и о нижнем - у легавой» (46): «Гончего - верхочуту по Кишенскому, я представляю себе не только как гонца огромного чутья, дающего ему возможность - гнать, не опуская головы к следу, но и как обладающего умением пользоваться ветром, стараясь схватить на чутьё в известных случаях запах самого зверя. Кто охотился с гончими, не только стоя на лазу с борзыми или с ружьём, но и наганивал гончих, сплошь и рядом чуть не вместе с ними, со всех ног поспевая на охоте не на лаз, а на место скола, чтобы узнать его причину и помочь собакам, тот знает, что при благоприятном состоянии почвы, атмосферы и свежести следа, гончая большого чутья гонит с поднятой головой и, если след идет против ветра или в полветра, срезает углы и выбрасывает петли, не задерживаясь на них.

Но тот же «верхочут» немедленно обращается в собаку «с нижним чутьём», когда русак начнет отделяться по дорогам, заберется в район пасущегося стада, пройдет по пылящейся пахоте или западет среди десятины, усталенной вынудим из мочила вонючим льном, а беляк удалеет по горелому бору или махнет огромными прыжками с кочки на кочку по топкому лесному болоту. В таких случаях самая чутыистая гончая вынуждена сбавить паратости иногда до шага, и «верхочут», уткнувшись в землю носом, - выводить след до более благоприятных условий для гона. Собаку, которая не соображает, что ей в таких случаях надо прибегнуть к нижнему чутью, а будет носиться с задранный головой, следует на третьей осени застрелить. Если гончая, подогдя по следу к русаку на лежке или упалому, шагах в 10 - 15 прихватит против ветра запах самого зайца и, ринувшись с поднятой головой, подымет его, то это - «верхочут», а вот, если эта же выжловка окажется на следу по ветру от лежки и спихнет зайца, чуть ли не на шаг от носа, то это уже гончая «с нижним чутьём».

Примерно то же самое наблюдается у легавых. Вот что пишет об этом Б. А. Братолюбов (3): «Собака, работающая «низом», т.е. разыскивающая птицу по следу, частенько, настолько «увлекается» этим самым следом, что проходит мимо самой птицы, не причуывая её на гораздо меньшем расстоянии, чем она обычно причуывает «верхом» ту же самую птицу».

Наверное, большинству гончатников памяты факты не проявления чутья гончей, казалось бы, в самых благоприятных условиях, когда она не чует на лежке зайца будучи от него под ветром и на близком расстоянии - собака чуть ли не топчет зайца, но явно не чует его до тех пор, пока он сам не вскочит.

Многие склонны считать такие случаи не проявления чутья гончей отсутствием запаха от лежащего зайца. На мой взгляд, это суждение ошибочно. Дело в том, что собака работает по живому зверьку, который - бежит ли, лежит ли, - все равно дышит, а значит и выдыхает свой запах в окружающее пространство. Меня всегда поражает, что

подавляющее большинство авторитетных специалистов охотничьего собаководства, пишущих о чутье, совершенно игнорируют этот непреложный факт, и даже такой опытный эксперт и охотник как М. П. Павлов (33) основу запаха от птицы видит лишь в выделениях её пищеварительного тракта. И удивительно, что до сих пор роль запахов дыхания птицы и зверя в работе чутья легавой и гончей не нашла достойного отражения в разработке этой проблемы, хотя еще в 1929 году Б. А. Братолюбов в своей книжке «Подготовка легавой собаки к охоте» (3) достаточно ярко и четко обрисовал её: «Нам не трудно установить следующий, немаловажный для нас факт: дыхание, т.е. воздух, который выталкивается наружу легкими, является главным распространителем запаха всякого животного... Птица при помощи дыхания все время насыщает окружающее её пространство воздуха своей эманацией...». Кстати сказать, этот автор, используя установленную им роль дыхания в проблеме чутья, дал исчерпывающий ответ на вопрос: почему малоопытная начинающая работать собака так неадекватно реагирует на живую и битую дичь: «Не удивляйтесь тому, что чутьё «Джоя» как будто потускнело, и он не причуял также далеко убитого перепела, как обычно причуывает живых. Это понятно, - ведь вы же убили эту первую птицу мертво, а значит, она уже не дышит и выделяет гораздо меньше запаха, чем выделяла полминуты назад, когда вы любовались стойкой вашего воспитанника». А я бы добавил, что сменился и сам запах, т.к. наверняка чисто битая птица или заяц и пахнут по-другому, чем живые.

Так что не подлежит никакому сомнению - пахнет ли заяц на лежке или нет, - он пахнет, потому что дышит. Вопрос лишь в том - почему одна собака чует его на лежке, а другая нет, или, зачуяв его при подъёме на лежке, уже в процессе гона не может обнаружить его запавшего. Наверное, в этих случаях не может быть однозначного ответа, и мы должны вступить в область догадок и предположений.

Любопытно, что все без исключения авторитеты, пишущие о нижнем чутье у легавой, единодушно определяют его как короткое и слабое. Взять, к примеру, хотя бы мнение М. Д. Менделеевой -

большого знатока рабочей легавой собаки и блестящего автора в этой области. В своей работе «Типы работы легавой» (30) она так характеризует нижнее чутьё: *«Тип № 5. Стоит определенно и резко ниже всех остальных четырех групп, их может отличить всякий; это собаки с так называемым «нижним чутьём». У этой группы чутьё наиболее слабое, т.е. пользуясь нашим способом сравнения по перемещенной, не давшей следа птицы, они могут прихватить на 1 аршин, два, редко 3. Они настолько плохо ориентируются в воздушных следах, что ими не пользуются, и им остается непосредственно руководиться второстепенными источниками, т.е. пойти по следу, разнюхивая его с опущенной головой. Ход обычно рысью. Этот тип свойствен очень многим континентальным легавым, не целым породам, - ибо теперь подбора на таких собак никто вести не станет, а иным семьям. Среди этих собак встречаются чрезвычайно дельные и добычливые, могущие доставить большое удовольствие на охоте своим умом и умелой работой».*

Отношение же гончатников к нижнему чутью, в отличие от легавых, всегда было более осторожным и неоднозначным, поскольку главным в оценке легавой все-таки всегда была её реакция на затаившуюся птицу, а в работе гончей, прежде всего, способность верно вести след. И тут часто бывали и высокие оценки нижнего чутья. Даже такой ярый апологет «верхочута», как Н.Н.Челищев, заявил в своей книге «Гончая и охота с ней» (49): *«Бывает, впрочем, что собака обладает очень хорошим нижним чутьём. Тогда и у неё дело идет успешно».*

Я, в своё время, начитавшись статей и книг о легавых, а также имея уже сравнительно большой опыт охоты с ними, как-то оставлял без внимания оговорки знатоков - гончатников и был убежден, что собака с нижним чутьём - собака слабочутая, пока не встретился на практике с ярким образчиком такой работы.

У моего покойного друга М. С. Магницкого, с которым мы постоянно охотились, да и гончие наши практически были общие, хотя и держали мы их каждый у себя, появилась чепрачная выжловка

Шумка - собака с ярко выраженным нижним чутьём. В работе она никогда не поднимала головы как на гону, так и разбирая жировку, чуть ли не «пахала» носом землю, в результате чего переносье у неё постоянно представляло из себя сплошную кровавую рану. На гонном следу при совместной работе со своей матерью и старшей полусестрой, которые гоняли не опуская голов и держа их на уровне спины, она всегда была сзади, хотя и не отставала, но все-таки проигрывала им в скорости исправления следа при его потере - на сколе. Результативность её работы по жировым следам уже сравнивалась, если это случалось в первой половине дня. Но самое удивительное начиналось после обеда и особенно к вечеру. Тут она все также уверенно брала и вела с легким и редким доборцем утреннюю жировку, а обе её близкие родственницы уже ничего не чуяли. Они прекрасно знали, что Шумка не соврет, верили ей, метались перед ней в попытках что-то учуять, иногда прихватывали запах, но вести его не могли. А Шумка четко прорисовывала этот уже старый след и доводила его до конца. Правда, гон начинали обычно старшие товарки, столкнув впереди её с лежки беляка, но приводила-то к лежке этих верхочутых собак наша «ковырялка», обладавшая чисто нижним, но, безусловно, сильным чутьём.

После этой выжловки я совсем другими глазами начал смотреть на все проявления нижнего чутья у гончих и наконец-то начал понимать литературные примеры проработки следа блад-гаундами двух, а то и трехдневной давности, чего не в состоянии сделать ни одна гончая другой породы.

Противоположным примером в моей практике был чепрачный Задор, о котором я обмолвился в разделе о мастерстве, сообщив о его выдающихся способностях гонять по лисице и явной никчемности в работе по зайцу. Но один раз этот выжлец меня удивил, прихватив на чутьё беляка на лежке у меня на глазах.

Дело было в начале зимы в достаточно морозный день после обильной мертвой пороши. Брел я потихоньку берегом Керженца, иногда отворачиваясь от жгучего небольшого ветерка с замерзшей, покрытой сплошным снежным покрывалом реки. День был ясный, а поверхность мерзлого и сыпучего снега девственно чиста. Я порав-

нялся уже с песками, вдоль которых под самым берегом ниже меня примерно на три метра торчали из снега два или три жиденьких кустика ивы-краснотала. И в это время, догоняя меня следом, выжлец отдал голос и ярко погнался, обошел меня гоном, постепенно по диагонали спускаясь с берега точно на ветер, и из ближайшего куста у него из-под носа выскочил совершенно белый беляк. К сожалению, мне не удалось точно измерить шагами расстояние, на каком он учуял беляка, т.к. берег был достаточно крут и сыпучий снег не позволял твердо стоять на его склоне, но прихватка была никак не менее 18-20 шагов. Погнался же он по еще не поднятому зайцу, так что места для сомнений, что отдача голоса могла быть и без чутья, совершенно не оставалось, тем более что я никогда не наблюдал за ним неверной отдачи голоса.

Как видите, этот выжлец обладал совсем неплохим верхним чутьём, но на следу зайца, хотя бы чуть-чуть остывшем, он был беспомощен. Я не последовал совету В. Селюгина и не застрелил его, но все-таки после третьей осени расстался с ним, продав за минимальные деньги в один из районов нашей области, где он вскоре кончил свои дни.

Два этих достаточно ярких примера я привел лишь для иллюстрации, на основании чего формировались мои суждения о природе чутья гончей, и как суждения эти сложились в несколько необычную схему, которой еще никто не касался.

В настоящее время я твердо убежден, что верхнее чутьё от нижнего отличается не только манерой нести голову - высоко или низко. Я также убежден, что, как верхнее чутьё, так и нижнее, у разных собак может быть и сильным, и слабым, независимо от манеры приучивания. Моя практика убедила меня в том, что особой разницы между легавыми и гончими в силе их чутья не существует. Среди тех и других наблюдаются как собаки с выдающимся чутьём, так и слабо-чутьё. И верхочутая легавая, если она работает по зайцам, прихватывает его на лежке, примерно, на том же расстоянии, как и гончая с верхним чутьём. Я также убежден, что нельзя сравнивать работы верхним и нижним чутьём по реакции их на расстоянии, как делают это легашатники, поскольку, на мой взгляд, природа этих двух

приёмов поиска различна. Я полагаю, что они работают по разным запахам. Все внимание собаки с верхним чутьём сосредоточено на возможности поймать по воздуху малейшие признаки запаха непосредственно от самой дичи - и это для неё главное, почему она и игнорирует её следы. А собака с нижним чутьём ищет, прежде всего, запах следа, а все другие для неё второстепенны. Безусловно, что верхочут и собака с нижним чутьём реагируют и на все второстепенные для неё запахи, но лишь при повышенной их концентрации. Вот почему, на мой взгляд, следовая собака причуивает птицу или зверя лишь на близких расстояниях, а верхочут совсем не отмечает несвежие следы.

Все это можно достаточно наглядно наблюдать в работе легавых, поскольку основная работа их происходит у нас на глазах. С гончими сложнее, т.к. мы их значительно реже видим, но, тем не менее, и по тому, что мы видим, можно заключить, что она в принципе идентична. И следовая работа гончей по утреннему следу беляка кончается очень короткой прихваткой его на лежке. А чаще собака и не успевает его причуять, если заяц не допускает на это расстояние. А при поиске верхом другая гончая уже не «читает» след, а пользуется им лишь как своеобразным ориентиром, активно прочесывая местность в основном без следа.

Сложнее объяснить ситуацию, когда гончая работает на гону только по следу, но с разной манерой нести голову: верхом или припадая носом непосредственно к поверхности земли. На мой взгляд, и тут дело, скорее всего, в предпочитаемых запахах. Наверное большинство со мной согласится, что запах следа это не какой-то один элементарный запах, а целый букет запахов, поскольку состав выделяемого зверем пота представляет из себя смесь определенного количества сложных органических веществ, летучесть и стойкость которых различны. И вполне вероятно, что запах следа в 50 сантиметрах от земли несколько не тот, что у самой поверхности. А именно эти, несколько различные по своему составу запахи, и выбирают гончие с разной манерой работы при преследовании зверя.

Конечно, работа чутья гончей слишком тонка, чтобы быть

осмысленной нами в полной мере. Нас всегда поражает быстрота реакции собаки, когда она встречается с запахом следа, определяя при этом безошибочно и направление его. Достойны удивления четкость и различие реакций как на след только что побежавшего зайца, так и на тот же след, но минутой другой позже. Не менее удивляемся мы и когда на каком-то участке гона гончая перестает чутя след или не может прихватить на чутъё запавшего зайца.

Все эти примеры могут быть нами поняты лишь при допущении, что гончая собака после подъёма зверя ведет и выделяет из всех запахов только конкретный индивидуальный запах именно этого зверя и может быть не весь целиком, а лишь его какой-то компонент, отбрасывая и не реагируя на все другие. При этом её сознание настолько обострено, что все другие запахи, пропускаются её сознанием, будто их нет, а выбирается лишь принятый, притом с большой степенью чуткости. Вот почему гончая, приняв запах отпечатков подошв поднятого зверя, вдруг оказывается такой короткочутой по запавшему зайцу, и вот почему у неё пропадает чутъё на гонного зайца, если его во время этого гона сильно испугать.

Мне в моей жизни пришлось нагонять много собак и часто, когда гончая начинала делать своё дело хорошо, я иногда намеренно усложнял её работу, заворачивая гонного зайца в пята или пугая его. И вначале был чрезвычайно удивлен, когда для моей выловки след кончался от места, где я напугал беляка, бросив накоротке в него кепкой. Она явно переставала чутя след, даже когда он сохранял своё направление, и только метрах в 100-150 принимала его сначала в добор. Видимо, испуг зайца, а, следовательно, изменение его физиологического состояния в корне изменял сам запах, почему собака не могла пройти этот участок следа без задержки - он попросту был для неё без следа, словно заяц пролетел какое-то расстояние по воздуху.

Конечно, нам выгоднее иметь гончую со смешанной манерой приучивания, когда чисто следовая работа сопровождается или меняется в зависимости от обстоятельств на верховую и наоборот. Хотя в принципе работа гончей всегда будет более продуктивной, если она строго держится самого следа. При достаточно горячем

следе предпочтение, тем не менее, надо отдавать верховчутой манере ведения гона, т.к. низкое положение головы гончей при преследовании зверя все-таки замедляет скачку.

Каковы же пределы чутья при работе гончей?

На лежке, если гончая не пользуется верхним чутъём, зачутя зайца для большинства задача непосильная, и гон чаще всего начинается только потому, что он не выдерживает близкого присутствия собаки и поднимается сам, а не потому, что она причуяла его непосредственно.

Собаки же с приёмами верхнего чутья, безусловно, чуют зайца на лежке, хотя расстояние прихватки не превышает 10 метров. Правда, с чутъём выше среднего это расстояние часто увеличивается до 20 шагов и лишь в отдельных случаях, - я бы сказал - уникальных, - бывает и значительно дальше. Б. Д. Протасов в своей очень дельной и интересной книге «Охота с гончими» (39) приводит один такой пример причувания беляка на лежке за 50-60 шагов среди залитого водой пространства с отдельной кочки. Кстати сказать, этот автор, пожалуй, впервые в нашей литературе высказал вполне разумную мысль, что направление следа зайца гончая с достаточным чутъём определяет лишь по разнице в силе запаха двух смежных следов.

Пределы работы чутья по следу гонного зверя более многообразны, поскольку зависят от множества факторов, до конца нами еще не понятых и не систематизированных в стройную схему. Ведь недаром Де-Коннор в своих «Письмах к приятелю» (12) приводит высказывание графа де-Шабо: *«В конце концов, благоразумный охотник никогда не ответит на вопрос неразумного: «погода хорошая, погода скверная», но всегда скажет: «не знаю, мои гончие вам это сейчас скажут»»*.

Не менее прав был и А. Платонов, заявивший в своей статье «Запах, обоняние, чутъё» (36): *«Приходится, к великому сожалению, признать, что более точного критерия оценки чутья, чем личный опыт и наблюдательность судей, пока что не существует, и все попытки внести в него некое подобие точности на основе необъективного исходного материала едва ли будут успешными»*.

Конечно, я не хочу тут вести разговор о гончих, обделенных от природы чутьём, или обладающих им в минимальных размерах, с которыми невозможно охотиться. И я полностью был солидарен с поступком Я. В. Романишина, знатока работы гончей и очень перспективного эксперта, когда он написал мне из Красноярск: *«Мой Докучай от Набата 3565 и Свирели 3566 оказался совсем безнадежным гонцом. В возрасте 1 год и 7 мес. я пристрелил его на охоте... Во-первых, очень тугочутый. Не могу сказать, что сильное чутьё у матери, но прямой след беляка в обычных условиях чернотропа он не может через 2-3 минуты удержать и 20 метров. Прибегает минут через 5 Свирель, и гонит этот след как по нитке».*

Поэтому мне хочется удержаться в изложении своих мыслей лишь в пределах удовлетворительных собак, над которыми есть смысл работать и которые более или менее устраивают нас своей работой.

В нашей охотничьей литературе много высказано дельных наблюдений и мыслей о чутье гончей на следу зверя. Из них мне хотелось бы остановиться на мнении Э. Шмита (52): *«На черной тропе заячий след «остывает» через 10-15 минут, и только в очень благоприятных условиях чутьистая гончая способна взять его через, 30-35 минут. Запах лисицы очень силен, но, по-видимому, рассеивается относительно скорее, чем запах зайца».* По моим наблюдениям в некоторых случаях возможность приулавливания следа беляка может превышать пределы в 30-35 минут, указанные этим авторитетом. При моих опытах над своими собаками, о чем я говорил выше, я ставил также эксперименты, подлавливая со следа перевиденного зайца собаку, и пуская её вновь на его след через определенный промежуток времени. Так вот, максимальное время приёма следа по моим записям принадлежит Плаксе 4207/рг, которая 27 сентября 1974 года при хорошей тропе и погоде через час приняла такой след, сначала без голоса, а затем реденько в добор повела и метров через 400 ярко помкнула.

Конечно, добор через час по следу гонного зайца случай уникальный, и его мне удалось наблюдать лишь единственный раз. Обычно такое собаке недоступно, в то время как жировые следы она чует

значительно дольше, а некоторые даже до вечера - вот вам и еще одна из загадок чутья. Правда, наши наблюдения за поведением собак на жировках подсказывают нам предположение, что чуют они при этом не весь след целиком, а отдельные его участки, но, тем не менее, они добираются до зайца именно по этому предуготовленному следу.

Практика работы с гончей собакой в нагонке и охоте с нею, а также экспертиза на полевых испытаниях, тем не менее, все-таки определяют наиболее благоприятные условия погоды и тропы для работы её чутья, главные из которых температура и состояние влажности как атмосферного воздуха, так и самой почвы.

Правилами прямо определен температурный промежуток, при котором разрешены полевые испытания: от -10°C до +20°C. Вне сомнения, это температурное окно продиктовано практикой и четко указывает, что все, что за пределами его, неблагоприятно для продуктивной работы на гону.

К сожалению, относительно влажности атмосферного воздуха и почвы таких рамок нет, и никто еще всерьёз не проводил наблюдений зависимости результатов работы гончей от показаний гигрометра. Тут все пока покоится на наших субъективных оценках и, надо сказать, очень сомнительных. За примерами у каждого из нас далеко ходить не надо. Вот и у меня не далее как прошлой осенью произошел случай, доказывающий всю примитивность наших суждений на этот счёт. Весь прошлый сентябрь, а я в это время живу в деревне и через день работаю с гончей, простоял без дождя. Вначале с утра перепадали росы, хотя почва была уже сухая, затем и их не стало, а собака продолжала вполне сносно гонять, не опуская головы к следу, что меня очень радовало и даже удивляло. Но стоило дойти общей сухости до состояния, когда опавший лист стал хрустеть под ногами, как мой «верхочут» сразу превратился в тягучую ковырялку, способную лишь скорее добором, да и то отдельными отрывками и кусками путаться по поднятому беляку.

Яркие примеры пагубного влияния сухой погоды на работу гончих мне пришлось наблюдать и на двух крупных состязаниях гончих.

Первый раз, в 1974 году, на Всесоюзных состязаниях под Пере-

славлем Ярославской области 1-4 октября, где участвовали команды Росохотрыболовсоюза, Всесоюзного военно-охотничьего общества, Украины и Белоруссии, неважные результаты были вызваны, прежде всего, погодой. Небывало теплая и сухая осень этого года так пересушила почву, что она буквально пылила. И если еще в первое утро была роса, а на второе лишь минимальные её признаки, то третий и четвертый день были абсолютно сухими, так что гончим приходилось работать по пересушенной пыльной лесной подстилке. Когда же дело доходило до работы по следу на оголенной земле, - на распаханных полосах по вырубкам, - тут пасовала любая, попавшая в такую ситуацию, собака. Вне всякого сомнения, сухость тропы и сухость самого воздуха явились главными причинами большинства неудач.

Второй не менее яркий пример случился в октябре 1995 года в Венёвском районе Тульской области, где были проведены состязания гончих-перводипломников, которые окончились еще более печальными результатами, хотя состав собак был очень представительен. Эти состязания собрали лучших гончих с дипломами I степени по зайцу из Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Самары, Иванова, Краснодар, Владимира, Ярославля, Тулы, Марий-Эл, Украины. И из всех 30 перводипломников только 6 сумели получить по диплому III степени. Причина, вне сомнения, была и в погоде - было излишне сухо, хотя и не так как в 1974 году, и в состоянии тропы, которая представляла собой толстый и рыхлый, еще не слежавшийся, слой сухой дубовой листвы.

Все мы знаем, что не только сухость воздуха и почвы препятствуют работе чутья, но также и излишняя влажность, когда дождь буквально смывает запах следа. Даже яркие солнечные лучи могут повредить работе по следу, т.к. на участках освещенных солнцем след пропадает раньше, чем в тени.

Все это примеры условий, когда возможность продуктивной работы для всех гончих затрудняется, и перечень их можно значительно продолжить, доведя до абсурдных, - ведь мы всегда найдем причину, почему работа нашей собаки не ладится, хотя, казалось бы, ничего этому не препятствует.

На испытаниях и состязаниях действительно достаточно часто приходится наблюдать, что в одних и тех же условиях какая-нибудь скромная без набора регалий выжловочка на голову бьет именитого чемпиона своей работой. Яркий случай такой ситуации мне пришлось наблюдать на Межобластных состязаниях в Кировской области в 1973 году. Русская чепрачная выжловка из Иванова, до этого имевшая один диплом III степени, Гейша Е. Ф. Куликова показала в очень сложных условиях блестящую работу, поразив экспертов выдающимся чутьём. Она трижды проходила гоном по шоссе с грунтовым покрытием, по которому постоянно курсировали автомашины и мотоциклы, причем в один раз из них сразу же за двумя мотоциклами, прошедшими вслед за беляком, вела гон по деревне, набитой пешеходной тропой, заплеском реки. А полевой чемпион, имевший до этого 2 диплома I степени и I - III, ч. Добывай 2427/рг В. Г. Кремнева, испытывавшийся в тот же день при первом набросе первым номером ничего не поднял. А при втором напуске через 1,5 часа после работы Гейши, поставленный на след беляка, одиннадцать минут до этого побуженного из кучи хвороста, так весь час и продоборил по нему, достать и погнать не сумел, хотя все это происходило в лесу вдалеке от дорог. В этот же день испытывался и другой полевой чемпион с 2 дипломами I степени и 3 - II-й, ч. Зажигай II 1699/рг П. М. Назарова, который просто пропал на двое суток, без подъёма и без работы.

В подобных ситуациях разбираться труднее, а подчас и невозможно, поскольку мы еще можем найти достаточно вескую причину «дня плохого чутья», когда все собаки плохо работают. Но объяснить, почему одни работают в этот день, а другие теряют чутьё в то же самое время и на том же самом месте, для нас чаще всего загадка.

По чернотропу гончая чует след и на некотором расстоянии от него. Меня эта проблема всегда очень интересовала, и я при возможности пытался измерить это расстояние. По моим наблюдениям, конечно, не точным, а скорее приблизительным, при полном безветрии и отсутствии движения воздуха, что даже в лесу бывает крайне редко, гончая чует след беляка не далее 6 шагов. Эти наблюдения вполне согласуются с определениями более авторитет-

ных знатоков. Так, П. М. Губин в своём «Полном руководстве...» (8, ч. II, с. 126) прямо пишет, что положение стаи во время гона в форме вытянутого кольца или овала напрямую зависит от возможности каждой собаки участвовать в гоне: *«Такое положение стаи даёт возможность каждой гончей прихватывать на чутьё след водимого зверя, так как лучшие гонцы, несясь нередко стороной, легко чуют след зверя на расстоянии 5-10 шагов и, с помощью чутья участвуя в гоньбе все до единой из стаи...»*

Видимо, возможности чутья гончей по белой тропе несколько иные, т.к. в практике псовых охот вообще не применяли стаи в полном составе по снегу, а Н. П. Кишенский (23) прямо заявлял: *«Белая тропа не способствует стайному гону; многие дружные по чернотропу стаи, по снегу гонят вразброд...»*

Скорее всего, по белой тропе след все-таки менее пахуч, чем по чернотропу. Особенно это наглядно можно наблюдать при низкой температуре, когда при 15-20 градусах мороза гончая явно показывает своим поведением, что дорожки запаха для неё нет, а есть лишь отдельные точки следов - самих отпечатков лап, т.е. уже своеобразный пунктир, по которому она идет от отпечатка к отпечатку. Конечно, большую часть работы в такой ситуации делает «на глаз» и совмещение зрения с чутьём позволяет ей делать своё дело. Любопытно, что среди неважных гонцов по чернотропу иногда попадаются большие мастера работы по белой тропе, и эту метаморфозу практически невозможно разумно объяснить, т.к. неважная работа по чернотропу говорит, прежде всего, о недостаточном чутье. Тогда как же эта слабочутая собака выбирает гонный след на тропах и прежних гонных следах уже ранее пройденных гоним, что невозможно проделать без чутья? - Вот вам еще одна загадка.

Конечно, снег снегу - рознь. Одно дело вести след по мягкой печатной пороше и совсем другое по мерзлому сыпучему снегу, целиком засыпающему каждый отпечаток. Интересно, что во втором случае, когда след полностью засыпается осыпавшемся снегом, гончая непосредственно за зайцем ничего не чувствует, но стоит пройти несколькими минутами, как этот же след начинает для неё пахнуть. Тут

все дело в диффузии запаха через снег - нужно время, чтобы запах распространился до его поверхности. Именно диффузией запаха через снег объясняются случаи, когда гончая принимает жировку и поднимает с неё зайца, если даже эти следы покрыла легкая утренняя пороша.

Механизм работы чутья гончей крайне многообразен и зависит от множества причин, влияющих как положительно, так и отрицательно на его проявления.

Все мы прекрасно знаем, хотя не всегда это выполняем, что своё максимальное чутьё гончая может показать по-настоящему лишь будучи совершенно здоровой физически и психически, в хорошем «боевом» настроении, в привычной для нее обстановке и тщательно подготовленной к работе. Особенно важно довести её до оптимального состояния именно рациональной подготовкой - нагонкой. Это и есть самый верный способ повысить её чутьё: собака войдет в хорошую форму, освежит в своей памяти забытое, втянется в работу, а главное - освежит и своё несколько «залежавшееся» чутьё.

Есть сейчас средства, повышающие чутьё и с помощью фармакологии - посредством дачи химического препарата, воздействующего на работу мозга. В «Информационном письме» Московского общества охотников за № 12 от декабря 1958 года помещена статья А. В. Гавемана «Повышение чутья у собак» (4), где со ссылкой на работу Д. А. Флесса (47) даются примеры действия фенамина и на работу гончих, *«у которых возрастала не только острота обоняния, но и уменьшалось число случаев «скола»»*.

Существенное значение для чутья имеет также состав и качество корма, который мы даем своим гончим. В нашей литературе есть на этот счет интересная статья известного гончатника и одного из основоположников породы англо-русской гончей С. М. Глебова (7), где говорится о кормлении гончих и их выдержке для разных охот как по зайцам, так и по волкам. Считаю целесообразным привести лишь несколько выдержек из этой работы: *«Для охоты на зайца я, бывало, кормлю собак пустоваркой с хлебом, подбавляя постного масла немного, и даю сильный моцион - работу... Бывало, поедешь с ними на охоту в уйму или сплошной лес,*

бросишь их в остров, они и побредут не торопясь, лениво, одна туда, другая в другую сторону, а сам поедешь шагом по острову, изредка порскаешь... Нам на волчьей охоте исключительно мешала гоньба по зайцам. Чтобы её не было, я дам, бывало, собакам хорошо отдохнуть дня три перед охотой; кормлю их сладко, с мясом, и они с хорошими желудками от прежней постной пищи - разом зажиреют, утратят несколько чутья, но сделаются азартнее... По зайцам, как говорится, ни одна из собак не пикнет, да не скоро зайца и найдет, так как собака в это время несется островом почти в карьер, а волка заловит тотчас же: от волка сильно пахнет. Вот в чем и состояла вся штука...

В одной из статей В. Л. Рахманова (43) отмечается вредность баранины для чутья: «В отношении гончих смело утверждаю: баранья кость, не говоря даже о мясе, сваренная в корме, данном пред полем собакам, отнимает у них чутьё».

Среди старых легашатников - по рассказам стариков - известны случаи, когда нечистоплотные егеря подсовывали конкуренту перед работой исподтишка селедку, выступление собаки после этого всегда кончалось судейской формулировкой - «снята за не проявлением чутья».

Без сомнения, острая и сильно пахнущая пища, как копченая колбаса, рыба и прочее подобное, на время отнимает чутьё у собаки, тем более, если дается перед её работой. Разумнее накануне испытания покормить её легко - хлебом с молоком, а в день испытаний ничего не давать.

Губительно действуют и резкие бытовые запахи. Мне особенно памятен случай, когда я поехал со своим английским сеттером ч. Ладой 1009/а в Сасово болото под Гороховцом Владимирской области после покраски кухни нитроэмалью - и эта первоклассная работница спарывала всю дичь и целый день без прихватки. Примерно такой же случай был и с очень чутьистым моим Рыдаем 2500/рг. Жил я в августе с семьёй в деревне и каждое утро давал выжлецу часа 3-4 поработать. И вот в один из дней хозяйка дома собрала на огороде репчатый лук и разложила его сушить на полу сарая, где был привязан Рыдай.

Я же этому не придавал значения, но на следующее утро выжлец у меня был уже без чутья: только к концу третьего часа начал доборить, несмотря на высокую плотность зайца, но так и не погнался. Стоило его перевести в будку под открытое небо, как опять все наладилось - и чутьё и работа.

Многие из нас наверняка замечали связь проявления чутья нашими питомцами от того транспорта, которым мы добирались на место натаски-нагонки или охоты. Ведь совсем по-другому, особенно вначале, работает их чутьё - добрались ли вы на электричке или в автомашине, тем более, если еще заправлялись в дороге. Я считаю, что запах бензина и моторных масел значительно притупляет чутьё, и собаке нужно не менее двух-трех часов, чтобы она продышалась и вошла в свою норму. Очень существенную роль играет также место, где мы поместим свою собаку, приехав из дома на охоту. Ведь еще П. М. Мачеварианов (29) предупреждал: «Если вы поместите ваших гончих в овчарнике, то они потеряют чутьё на несколько дней и будут отзываться только по зрячему: так сильны и спиртуозны миазмы того места, где были овцы».

Существует масса причин, влияющих на проявление чутья и их можно перечислять до бесконечности, но мне хочется остановиться и закончить этот раздел словами Р. Х. Райта (42), которые в полной мере можно отнести к нашим гончим собакам: «Хорошая собака - ищейка - это точный прибор, и обращаться с ней надо именно как с точным прибором».

Вязкость

Характеристика качества вязкости гончих достаточно четко была сформулирована уже первыми правилами полевых испытаний гончих в смычках и стаях 1901 года и дословно повторена правилами 1925 года, когда впервые начали оценивать гончих и по их индивидуальной работе: «Вязкость оценивается упорством в преследовании гончей зверя. Требуется, чтобы гончая ни в каком случае не бросала гонного следа и после скола не возвращалась бы к владельцу, а разыскивала бы запавшего зайца.

Примечание: Для правильного суждения о вязкости не допускается охотнику подходить к собакам и помогать им при сколе - иначе, как по требованию судей».

Но если формулировки вязкости этих правил и повторяли друг друга дословно, то цена в баллах этого качества претерпела изменения. В правилах 1901 года вязкость как смычков, так и стай оценивалась из максимума в 20 баллов из 100, в то время как в правилах 1925 года для одиночки отводилось на это качество уже 15 баллов, а для смычков, стаяк и стай лишь 10.

Максимальная оценка вязкости в 15 баллов из 100 сохранилась для одиночки и в ныне действующих правилах, эта же цена сейчас установлена и для смычков и стай. Сама же формулировка стала более лаконичной: «Вязкость - настойчивость в преследовании гонного зверя и выправлении сколов».

Вязкость вместе с мастерством и чутьём представляют собой фундамент продуктивной работы гончей на гону и по сути дела составляют единое целое, поскольку в любом из этих качеств есть частица каждого из них. Но без вязкости - если собака не хочет работать и не имеет страстного желания преследовать поднятого зверя - мы не увидим ни мастерства, ни чутья, если даже гончая

и обладает ими. Подружейная гончая, а именно она сейчас интересует охотника-гончатника, вне сомнения, должна обладать удовлетворительной вязкостью. Вязкость гончей сугубо наследственное качество, которое никакой дрессировкой и нагонкой нельзя привить или воспитать в собаке, лишенной этого качества от природы - можно только создать условия, чтобы оно проявилось до тех пределов, какие заложены в ней генетически.

В наших отечественных гончих сейчас практически нет собак, полностью лишенных этого качества, да и кому взбретет в голову мысль держать гончую, способную только отогнать зверя. Но диапазон наличия и количества вязкости в отдельных собаках еще достаточно велик, что до сих пор порождает ожесточенные споры, и споры эти имеют уже вековую историю. А суть этих споров сводится к одному: что, в конце концов, требовать, в принципе, от подружейной гончей - быстрый подъём зверя и яркий гон накоротке или не менее быстрый подъём и гон его до ружья, сколько бы он ни продолжался? Я в этом споре за гон до ружья и, наверное, не могу быть до конца объективным, излагая раздел вязкости, хотя и постараюсь это сделать.

Качество вязкости при всех последующих трансформациях правил полевых испытаний гончих после 1925 года было ключевым, и его роль в оценке полевого досуга чаще всего отражала уровень этого качества на конкретное время.

Мы как-то забываем, что породы отечественных гончих и, прежде всего, наша основная порода - русских гончих - формировалась в заводскую породу из стайной собаки комплектной охоты, где вязкость не являлась ведущим качеством. Наоборот, большая вязкость гончих в этой охоте была крупным недостатком, и все собаки, обладавшие ей браковались, т.к. их нельзя было остановить на следу при протравленном звере и быстро напустить на поиски нового. Более того, особенно ценились стаи, прекращающие гон самостоятельно, прорвавшись в поле вне леса. Так что минимальная вязкость, позволяющая гнать зверя лишь до опушки, была идеальной, и именно на такую вязкость велся отбор среди подавляющего состава большинства существовавших тогда охот.

С.М. Пашков со своим ч. Раскатом 5392.рп

Совсем другие требования были к гончим, используемым для ходовых охот с ружьём, которые появились в нашем отечестве значительно позднее комплектных охот. В таких охотах можно было применять или отбракованных стайных собак из-за своей повышенной вязкости или всевозможных помесных гончих, несущих польские крови и обладающих достаточной для такой охоты вязкостью.

Но в истории наших гончих по причине социальных коллизий комплектные охоты со временем ушли в прошлое. Потребовалось значительное время для того, чтобы превратить стайную собаку псовой охоты в подружейную гончую, способную длительное время водить гонного зверя не только в стае, но и в одиночку.

Вне сомнения, основным новатором в этом деле был классик отечественного собаководства и зачинатель отечественных пород гончих Н. П. Кишенский, который первым подал голос о роли и значении вязкости в подружейной гончей (23, с. 73): «Первым и самым необходимым качеством ружейных гончих должна быть вязкость, и вязкость без подзагоривания; они должны работать огни, не слыша и не видя человека, гнать поднятого зверя до тех пор, когда положит его выстрел охотника или он сдаться и попадет в зубы. Только тогда, когда зверь пошел напрямиком, не задает круга, хотя бы и огромного - в несколько верст, гончие должны бросить след и вернуться. Хорошая стая при псовой охоте должна только выставить зверя в поле. Я видал таких гончих, которые сами возвращались в остров. А от ружейных гончих требуется совершенно противное: их ничего не должно задерживать, - ни поле, ни неудачный выстрел охотника, - они должны гнать и гнать».

Другой наш классик - последователь и продолжатель дела Н. П. Кишенского Н. П. Пахомов несколько уточнил понятие вязкости (34, с. 83-84): «В сущности, под вязкостью надо понимать азартность гончей, врожденную жадность к зверю и главное настойчивость в преследовании зверя, заставляющие вязкую, верную гончую не обращать внимания на попавшийся след другого одноименного зверя, а продолжать гнать ранее

поднятого. Переход от одного зверя на другого допускается только в том случае, если гонный след пересекает след более интересного для гончей зверя, т.е. при гоне по зайцу - лисицы, а при гоне по лисице - козла или волка».

Странно только, что весь раздел о вязкости своего руководства «Полевые пробы гончих» (34, с. 84), где достаточно подробно разбирается это качество, Н. П. Пахомов завершил явно ошибочным заключением, что вязкость можно определить преимущественно на сколе, а не по длительности гона. Вот это заключение: «Вязкость обнаруживается главным образом на сколах, почему охотнику запрещается помогать собакам, чтобы позволить судьям легче судить о размерах вязкости. Отсюда вытекает, что продолжительность гона и его непрерывность не могут определять собой вязкости». Более того, вы не найдете в этой книге, а это прежде всего руководство для проведения экспертизы гончих собак в поле, какое время хотя бы приблизительно можно считать достаточным для определения качества испытываемой единицы. Даже пример действительно вязкой работы гончего выжлеца по лисице, где работа продолжалась более 6 часов в июльскую жару, он привел не в разделе вязкости, а в разделе нестомчивости и ни разу, излагая этот пример, не употребил слова «вязкость».

Полагаю, что для этой странности у Н. П. Пахомова были в то время объективные причины. И причины, скорее всего, в самой практике судейства гончих, принятой тогда ведущими экспертами. Работая над книгой «Русская гончая», мне пришлось изучить большое количество отчетов о полевых пробах, прежде всего нижегородских: Н. П. Пахомова, Н. Н. Челищева, М. И. Алексеева, В. С. Мамонтова, Б. В. Павлинова, М. А. Сергеева, которые присуждали дипломы, как правило, за работы не более двух - трех кругов и в большинстве случаев ограничивались 30-минутным гоном, даже в том случае, если гончая не бросала работу, а продолжала гнать. Случаи работы около часа до сигнала отбоя были редкостью, а дипломированной работы в один час я вообще не нашел. Правда Н. П. Пахомов в приложении к своему руководству об экспертизе гончих приводит текст отчета о Всероссийской пробе

гончих 1928 года, где можно найти примеры присуждения диплома и из работы в один час.

Так что я, наверное, не погрешу против истины, если скажу, что на первоначальном этапе изучения индивидуального досуга гончей в нашей стране, при полевой экспертизе, обычной, хотя официально и не установленной, была норма в 30-40 минут для присуждения диплома любой степени. Хотя были случаи присуждения их и за 15 минут, и за один час.

Позднее, после 1953 года, когда была введена бонитировка, и потребовалось срочно расширять работу по изучению полевых качеств гончих и сам контингент полевых экспертов эти нормы по правилам 1955 года сделали официальными. Определено при этом минимальное время для присуждения диплома III степени в 35 минут, диплома II степени в 40 минут и диплома I степени в 45 минут.

В 1959 году лимит времени работы на диплом немного увеличили. Соответственно: на диплом III степени - до 40 минут; на диплом II степени - до 50 и на диплом I степени - 60 минут, который продержался до 1995 года, когда был установлен новый лимит для присуждения диплома любой степени - в один час.

Конечно, все эти трансформации с нормами времени для присуждения полевых дипломов, прежде всего, связаны с усилением в сознании основной массы гончатников значения роли вязкости в оценке племенной значимости наших гончих. Ведь совершенно не напрасно В. И. Казанский в своей книге «Гончая и охота с ней» (16, с. 67) в 1960 году заявил: «Во всяком случае, для успешной охоты всякая гончая обязана, если понадобится, не бросать гонного зверя час - полтора, а то и больше, не обращая внимания ни на рог, ни на выстрел. Не часто, но встречаются гонцы, обладающие очень большим упорством в работе, способные гнать одного зверя чуть не по целому дню и, в то же время, позывистые, позволяющие прервать охоту в любое время».

Кстати сказать, все эти перипетии с правилами и нормами продолжительности работ происходили у меня на глазах и в какой-то мере при моём участии, поскольку я уже старый человек, и вся послевоенная история гончих мне известна из собственного опыта.

Первая гончая с родословной появилась у меня в 1947 году. Она не была чистокровной собакой, т.к. мать её Шилка Перминова была полукровкой с одноколенной родословной, а отец Шугай 405/г сомнительного происхождения, т.к. родословную ему «сделали» лишь в семилетнем возрасте. Но эта выжловка способна была любого зайца прогонять не менее трех часов. При своей еще неопытности, конечно, в этой вязкости заслуги моей не было, тем более что на первых выходах в поле я сумел испугать её выстрелом. Правда, позднее, тропя вместе с ней русаков, мне удалось исправить свою промашку. И надо сказать, что эта собака многому научила меня в охоте.

Второй моей родословной гончей стала чистокровная собака, когда я уже приобщился к собаководству, став активным членом общества охотников и непременным участником всех выставок и полевых испытаний. Конечно, в выборе собаки мне помогали авторитетные старшие товарищи - искушенные гончатники. И с 1957 года я стал обладателем чепрачной выжловки от Чижики 581/г К. П. Зайцева, ранее Т. Я. Каменского и Плаксы II В. П. Фукалова, ранее С. Д. Криницына. Внучка двух знаменитых производителей: Сигнала 385/г Г. В. Богуша и Горниста 533/г Ф. И. Казакова, которую я называл также Волгой, как и первую, вселяла в меня большие надежды, которые, в конце концов, так и не оправдались.

К моему разочарованию она не только не превосходила в поле мою первую полукровку, но явно уступала ей. И, прежде всего, в вязкости, хотя по всем тогда принятым нормам легко получала полевые дипломы (I - II, 3 - III) и, в конце концов, стала - ч. Волга 1020/рг, поскольку от неё пошли и дипломированные дети.

Что я только не делал, чтобы она могла гнать как нормальная, в моем понимании, гончая. Без конца ездил с ней в поле, всё своё время отдавал нагонке, во время охоты всегда был под гоном, а по белой тропе и гонял постоянно с ней. Но всё напрасно: она могла хорошо гнать лишь 30 минут, после чего гон резко терял свою интенсивность и на 40-50 минуте прекращался мертвым сколом, который на поверку, как правило, не был сколом в истинном его понимании, т.е. потерей следа - она просто бросала его гнать. Более того, когда по белой тропе я выправлял такой «скол», она в ближайшие полчаса

вообще отказывалась его принимать, хотя по новому - свежему зайцу опять и практически сразу могла показать такую же яркую, но опять получасовую работу. Это меня раздражало и приводило в уныние, но я до её 8-летнего возраста, когда передал её в Йошкар-Олу Ю. Н. Петрову, так и не увидел от неё работы в один час.

Точно такой же была и её знаменитая дочь ч. Флейта 1006/рг А. П. Малышева, прославившаяся своим экстерьером, поскольку на выставках любого ранга и под разными экспертами всегда ходила первой в любом экстерьерном ринге. Правда, в работе она была поярче своей матери и иногда дотягивала в работе до часа. Но и она, так же как и её мать, кончала работу по любому зайцу, просто бросая его. Бывало на охоте, а охотился я с ней много, кричишь: «Алёша! Подкрикни! Бросила!» И стоит Алексею Павловичу двинуться в сторону «скола» и порскнуть два-три раза, как Флейта, хотя уже немного, но опять ярко проведет.

Совсем другой уродилась однокровница её - годом младше - Флейта 1200/рг В. Н. Рождественского, которая оказалась достаточно вязкой. Любопытно, что как по экстерьеру, так и по манере работы это были совершенно разные собаки: Флейта А. П. Малышева - пылкая, яркая, паратая тридцатиминутка, а Флейта В. Н. Рождественского - размеренная, спокойная в начале гона, заметно прибавляла во второй половине часа и уже яркой работой всегда переходила этот рубеж.

Конечно, было бы проще бросить эту «кровь» и не отводить потомков от такой собаки, но уж больно хороша была ч. Волга в свои запрограммированные 30 минут гона. Да и взять что-то новое было практически неоткуда. Вот и пришлось мне искать разные комбинации и вместе со своими друзьями - единомышленниками комбинировать с вязками, в попытках добиться удовлетворительной вязкости. К счастью, наши попытки, в конце концов, увенчались успехами, хотя для этого потребовалось 25 лет и смена 4-х поколений.

Только в 1982 году, наконец-то я получил по настоящему вязкую гончую, которая меня вполне удовлетворяла, как и полукровка в начале моей карьеры гончатника. Выжловка эта русская гончая ч. Вопишка 6929/рг от Шугая 6252/рг Ю. Н. Кузнецова и моей Плаксы

4207/рг. Не могу удержаться, чтобы не пересказать содержание письма и рассказа моего друга И. Н. Гальцева, у которого она впервые отдала голос и принялась в возрасте 7 месяцев и 4 дней - это первая её работа в жизни: *«8 марта 1983 г., Деревня Данилково Вязниковского района Владимирской области. Погода: -8°С, ветерок, легкая поземка после мелкой упренной порошки. Снег сплошной, в поле русака держит, а выжловку нет. Приняла гонный след, отдала голос и гоняла более 3 часов полями. Проявила огромную вязкость, разумное поведение на следу и приличное чутьё: вигал, что русак идет дорогой одной колеёй, а она гонит под ветром другой. Целиком гнала следом, где валялась сильно, переходила на рысь и шаг, но гнать не прекращала. В одном месте вошла гоним в заячью свадьбу, но следы этих трех русаков не приняла, а продолжала работать своего. Приятель отметил лишь два недостатка: верный, но слабый отрывистый совсем еще щенячий голос, и при наманивании со следа в руки не даёт, обходит стороной, продолжая гнать».*

Вот только с этой выжловки у меня пошли опять нормальные подружейные гончие. А всю свою краткую историю со своими гончими я привел лишь для того, чтобы схематично показать и сам исторический процесс совершенствования нашей основной породы - русской гончей, поскольку моя практика достаточно верно отражает историю этой породы и в целом по стране. Ведь не я один, а большинство российских гончатников мучались искоренением тридцатиминутной вязкости у многочисленных потомков экстерьерных знаменитостей, которыми наградили нас в пятидесятых - семидесятых годах прошлого века незабвенные Г. В. Богуш и Б. В. Дмитриев. В то время один, пожалуй, из известных заводчиков - М. А. Сергеев в своей работе с гончей двигался в правильном направлении - за вязкую гончую, но его роль в истории русской гончей мы стали осознавать совсем недавно.

Опираясь на собственный опыт и объективности ради, я должен также отметить, что хорошая - достаточная для длительной работы вязкость на час и два, не всегда проявляются в гончей сразу, как

в случае с ч. Вопишкой 6929/рг. В моей практике были примеры, когда природная вязкость, унаследованная от предков, проявлялась исподволь - по мере взросления гончей и приобретения ею уже достаточного опыта - на вторую осень. Все попытки ждать эту вязкость позднее, на мой взгляд, бесперспективное дело: чего нет - уже не будет и проще проститься с такой обделенной природой собакой, чем мучить себя бестолковой нагонкой её до гробовой доски.

Ни для кого не секрет, что нормы, как неофициальные до 1955 года, так и официальные после него, для присуждения дипломов разных степеней всегда отражали состояние общего поголовья гончих в нашей стране и прежде всего его вязкости. Естественно, повышение качества вязкости в породах гончих было сложным и длительным процессом. Становление заводской породы русской гончей и замещение ею в России всей русско-польской мешанины, с которой никто не собирался всерьёз работать и которая долгое время была основной гончей у подавляющего большинства охотников, потребовало значительного промежутка времени в историческом плане, на что ушло практически все начало XX века.

Но надо было не только создать заводскую породу, требовалось сделать в рабочем полевом отношении её не хуже того поголовья, которое замещалось ею. Вот я как раз и застал окончание этого процесса, когда на смену невообразимого конгломерата беспородных гончих пришла русская гончая вместе с англо-русской, и когда эти две уже заводские породы доводились в рабочем плане до уровня ранее использовавшегося пользовательного, без зафиксированного рода и племени, поголовья гончих. Совершенно ошибочно думать, что все эти беспородные гончие, на смену которых пришли заводские породы, уступали им в полевом отношении. Напротив, в моей памяти сохранились работы некоторых прежних, так называемых «поляков» и «костромичей», до которых надо еще доводить разумной племенной работой нынешних чистокровных собак. Весь секрет ведь в том, что с прежними ублюдками никто не занимался экстерьером, а был лишь очень жесткий отбор по работе. Мы же взяли на себя двойное бремя: сделали экстерьер, который нужно постоянно поддерживать, ведя при этом и селекцию по полю.

Какую же вязкость в гончей следует считать на настоящий момент удовлетворительной, и как рационально смотреть на проблему вязкости в этой собаке? На мой взгляд, надо, прежде всего, уяснить для себя саму природу вязкости.

Я полагаю, что вязкость это, прежде всего свойство чутья гончей собаки, способность фиксировать в своём сознании индивидуальный запах поднятого зверя и руководствоваться им в последующих своих действиях. В головном мозгу собаки, в той части, которая обрабатывает информацию о запахах, возникает временный «отпечаток» этого запаха, - вот эта память чутья и ведет гончую на гону. По своему опыту мы знаем, что эта память может быть и короткой и длинной, а иногда её вообще может и не быть - тогда такая гончая перегоняет всех зайцев в лесу, не задерживаясь ни на одном. Но чаще всего эта память все-таки есть, и тогда мы сталкиваемся с проявлениями её лишь в разной степени длительности.

Совершенно однозначно невязкими гончими, т.е. с короткой памятью на принятый запах, признаются собаки, способные лишь на гон поднятого зверя до первого скола и сразу возвращающиеся к владельцу. Тут всё ясно - гончая невязкая.

Сложнее определяться с гончими, которые также легко бросают зверя, но к владельцу не возвращаются и часто, особенно при высокой плотности поселения зверя, быстро поднимают другого. Тут вроде бы работа не прекращается, и очень часто такие страстные, но не вязкие собаки получают на испытаниях дипломы, которых они не заслуживают. И надо сказать, что такие случаи не так редки, как может показаться.

Вязкая собака, т.е. гончая с длинной памятью на запах поднятого зверя, так поступить не может. Даже столкнув во время гона из-под себя другого зайца, она проводит его только «на глаз» и сразу вернется к продолжению работы по «своему». Хороший пример такого поведения привел Б. Д. Протасов в своей книге «Охота с гончими» (39): *«Подняв зайца, - второго в своей жизни, выжлец через несколько минут сколос в 60-70 шагах от меня. В тот же момент невдалеке я увидел пробирающегося между рядами елочек беляка и, решив, что это и есть гонный заяц, стал*

наманивать гончую на его след. Выжлец сейчас же пришел, поймал чутьём совершенно свежий след беляка, но, к моему изумлению, его не погнал, а сейчас же вернулся к месту скола. Через две-три минуты, справив скол, собака погнала дальше, но совсем в противоположном направлении от того места, куда ушел перевиденный мной беляк».

Любопытно, что когда гоняешь с собакой весной во время гона зайцев и поднимаешь сразу пару беляков, гончая принимает и гонит только одного из них, игнорируя запах другого, хотя иногда они и ходят некоторое время под гоним в непосредственной близости друг от друга. Ошибочно при этом думать, что вязкая гончая в порыве своей страсти вообще не реагирует на иные запахи, кроме преследуемого ею запаха поднятого зверя. Нет, она их все примечает и оставляет в своей памяти до поры до времени, пока не закончит начатую работу.

Наверное, любой из нас, кому довелось поохотиться с вязкой собакой, имел в своей практике примеры, когда, доведя беляка до ружья и убедившись в этом, гончая стремглав уносились в пята и почти сразу начинала гон по другому зайцу. Во всяком случае, это мне пришлось наблюдать неоднократно, да и в наших публикациях о гончих именно о таком случае говорит М. Калинин в своей статье «Рабочая память гончей» (18).

Длинная или короткая память у гончей на запах поднятого зверя, недостаточно она вязкая или, этого качества вполне хватает - всё это свойства психического склада её ума, способностей коры головного мозга, и, повторяю, свойства эти наследуемые. Вот почему так важно при испытании гончей собаки объективно и правильно оценить их.

Психика гончей, степень уравновешенности и силы нервных процессов в её мозгу во многом определяют весь характер работы, в том числе и вязкость. Истеричные, излишне возбудимые собаки не могут показать стабильной работы, т.к. быстро «загораются» и быстро «остывают». Меланхолики из-за своей флегматичности и вялости также ненадежны, т.к. реакции их медленные и слабые. Идеальный тип для гончей - сангвиники, которые уравновешены как в быстроте, так и силе своих реакций, и именно этот тип культивируется в породах гончих. В чистом виде эти типы высшей нервной деятельности

лике Марий-Эл и изложенная в его статье в 2002 году «Старые или новые правила испытаний?» (41). Николай Николаевич оперирует очень солидным статистическим материалом. Результаты испытаний 590 единиц за 36 лет с 1959 по 1994 годы, когда нормами были 40 минут - д. III ст., 50 минут - д. II ст., 60 минут - д. I ст.; и 433 единиц за 8 лет с 1995 по 2002 годы уже при минимальном времени на диплом в один час. Так вот, оказалось, что в первый период (1959-1994 гг.) в среднем испытывалось ежегодно по 15 единиц и успешность их выступлений, т.е. количество дипломированных из них была 38% - по 6 единиц в год. А в период 1995-2002 гг. ежегодно испытывалось в среднем уже 54 единицы, из которых получали дипломы 48 % - по 26 единиц в год. То есть активность участия в испытаниях по измененным правилам возросла в 3,4 раза, а их результативность в 4,3 раза, и это всего за 8 последних лет. Используя эти результаты, Н. Н. Пышкин совершенно обоснованно делает заключение: «Наглядно видно, что в процентном отношении собак с дипломами I, II, III степеней стало больше, значит, усложненные требования не повлияли на работу гончих, а наоборот этим мы повысили полевые качества гончих. В процентном отношении гончих, не получивших дипломы, гончих с короткой работой и гончих без подъяма стало меньше - это тоже говорит о пользе новых правил. Неужели снова вернемся плодить нерабочих собак, которые для настоящей охоты мало годятся. Слишком много средних по своим рабочим качествам собак было разрекламировано совершенно зря, а их владельцы становились знаменитыми. Отсюда вывод: новые правила испытаний гончих собак не являются препятствием в повышении количества дипломированных собак... По новым правилам получить диплом стало намного сложнее, т.к. гончая должна работать на диплом любой степени не менее одного часа, а это по силам только вязким гончим, у которых широкий, быстрый, осмысленный полз, у которых музыкальный доносчивый голос, где есть мастерство, паратый гон».

Я также убежден, что никуда мы не денемся от этого минимума

для присуждения диплома в один час и, рано или поздно, всё равно вернемся к нему, поскольку прогресс даже в собаководстве остановить нельзя, и все попытки повернуть на старые, уже пройденные рельсы, всегда и везде терпели неудачу. Не помогут и все ссылки на какой-то особый путь национальной охоты. Нам придется оглянуться на гончатников и других стран, где уже сейчас, как, например, в Финляндии, действует правило работать на гону 2 часа (48), а нас что-то опять потянуло на 40 минут.

Вязкость в работе гончей - качество во многом определяющее, и, дай Бог, чтобы оно сохранялось и совершенствовалось.

Всем кровным гончим при преследовании гонного зверя присуща отдача голоса, который по своей звучности, мелодичности и красоте звуков не имеет ничего общего с лаем других представителей собачьего рода, почему и называется голосом, а не лаем. Когда появилась эта особенность можно только гадать, но наверняка давно - еще при формировании гончих как таковых, т.к. это своеобразие гонного голоса присуще всем их породам. Время возникновения такой особенности гончих в литературе не зафиксировано - видимо, преследование зверя по следу с отдачей своеобразного голоса для этой группы собак всегда было их характерным свойством, и понятия «гончая» и «голос гончей» неотделимы друг от друга. По отечественным источникам мне удалось найти об их голосах лишь одно свидетельство в сказании о явлении Феодоровской иконы под Костромой 16 августа 1239 года (14), т.е. во времена нашествия Батыя, где приводятся слова: «И начаша псы гонити и лаяти притужно». Как видите, и в нашем отечестве без малого 800 лет назад уже были гончие с их необычными голосами.

Свойство гончей отдавать голос во время гона зверя, конечно, неперемненное полевое качество её досуга, без чего невозможна сама охота с гончими. Наряду с неперменной рациональной основой самого гона, голос гончей, его звуковое содержание и строй имеет огромное эстетическое значение в нашем восприятии и играет большую роль в оценках. Недаром так много хороших слов сказали все авторы, писавшие о гончих, об их голосах, начиная с Н. П. Кишенского (21) и П. М. Губина (8). А воздействие их голосов сравнивали с высшим эстетическим наслаждением. Взять, к примеру, хотя бы выдержку из труда П. М. Губина, из его «Полного руководства...»: «Кто лично сам не слышал настоящей гоньбы голосистых гонцов, тот только не поверит тому, что это - такая

музыка, которая не у одних страстных охотников настраивала нервы до такой степени, что слезы удовольствия и радости нередко текли по щекам людей с железными характерами».

Большое внимание оценке голоса уделили и авторы первых правил полевых испытаний гончих, изложив её в следующих словах (Правила полевой пробы гончих от 7 марта 1901 года):

«Голос гончей оценивается по силе, звучности и красоте его, применяясь к породе испытуемых собак, по норме в 10 баллов. Фигурные голоса, троящиеся, с гнусью, с заливом, не составляя обязательных требований, как свойственные отдельным породам, ценятся как качество, и оцениваются отдельно 5 баллами». Этот же текст слово в слово был повторен и в Правилах 1925 года, когда их стали применять для оценки не только смывков и стай, но и одиночек, продержавшись неизменным еще 22 года, т.е. в общей сложности 46 лет.

В 1947 году в текст правил ввели дополнительную графу под названием «верность отдачи голоса», которой выделили 5 баллов, ликвидировав при этом графу «позывистость» и объединив её с «приездкой». Вне сомнения, верность отдачи голоса, или уместнее было бы сказать правильность отдачи, не имеет прямого отношения к характеристике голоса, но, тем не менее, сейчас её расценивают как третий его элемент.

В ныне действующих правилах характеристика голоса изложена следующими словами:

«Голос расценивается отдельно по силе, музыкальности и верности отдачи».

Силу голоса определяют с учетом его звучности, доносивости и манеры отдачи».

Музыкальность голоса определяется его фигурностью (тональностью). По фигурности голоса гончих бывают однотонные, двоящиеся, с гнусью, с заливом, с заревом».

Верность отдачи - отдача голоса собакой только по следу гонного зверя. При оценке учитывают и отдачу голоса до подъема зверя».

Оценка голоса гончей - одна из сложнейших задач в деле определения его ценности в общем комплексе полевого досуга, поскольку мы вторгаемся в данном случае в казалось бы далекую сферу от охотничьего собаководства - в сферу пения, вокального искусства, где многие из нас недостаточно образованны и сведущи. Вот почему в формулировках действующих правил так много неточностей и иносказаний, порождающих часто разноречивые суждения и большой разброс наших оценок. На мой взгляд, в любой специфической области знаний всегда надежнее слушать специалистов, а в нашей литературе их всего двое - профессиональные музыканты: Евгений Артынов, опубликовавший статью «Собачий хор» (1) и А. Сафонов со своей публикацией «Стая, как предмет музыкального изучения» (45).

Чтобы быть последовательным, ниже я постараюсь изложить свои суждения о голосе в том же порядке, как это записано в правилах.

Сила голоса - 10 баллов. Расценку гончей по этой графе действующие правила включают: силу, звучность, доносчивость голоса и манеру его отдачи.

Если мы попробуем сравнить эти требования с первоначальными формулировками, действовавшими первые 50 лет в истории испытаний гончих, то к своему удивлению обнаружим значительное расхождение, т.к. тогда в характеристику голоса вместе с силой и его звучностью была включена и красота голоса, которая сейчас исчезла.

Конечно, в этом несоответствии многое решает наше толкование применяемых терминов. И чаще всего, когда мы говорим о силе голоса, то, прежде всего, оцениваем не интенсивность издаваемых звуков, а доносчивость, слышимость на расстоянии и четкое выделение их нашим слухом из общего шумового фона леса. Вот почему мы требуем от голоса звучности, т.е. не просто громкие, но и чистые звуки. В интересах, прежде всего, доносчивости стоит и требование к манере отдачи голоса, т.к. частые продолжительные звуки гона яснее слышны, чем редкие и отрывистые, хотя бы и достаточно сильные.

Но все-таки жаль, что мы потеряли в своих правилах термин «красивый», т.е. доставляющий наслаждение, из характеристики голоса

гончей, поскольку еще никто не придумал более ёмкое определение для этого свойства. *«Есть голоса густые, бархатистые, сочные, мягкие; есть жидкие, резкие, пронзительные, крайне неприятные для слуха; есть, наконец, глухие, тупые, хриплые, с гортанным или носовым оттенком, причем сила их также весьма различна»* - констатировал А.Сафонов. По сути дела вторил ему и Артынов: *«По индивидуальности тембра голоса гончих очень разнообразны, некоторые сочны и полны какой-то особой прелести и привлекательности для знатоков и любителей; некоторые, наоборот, как-то сухи; одни резки; другие глухи... Оттенков в голосах гончих несметное количество и индивидуальность тембра этих голосов необыкновенна»*.

Породность голоса гончей - это её, так сказать, фирменный знак, красота которого заключается, прежде всего, в его своеобразии и уникальности, почему исключение понятия «красота голоса» из общей характеристики его, на мой взгляд, не оправданно и не может быть заменено ни терминами «музыкальность», ни «фигурность», поскольку они отражают лишь части этого понятия.

Важность породности голоса гончей вполне понимали и первые реформаторы правил испытаний после 1947 года, и хотя они ввели вполне разумную графу «верность отдачи голоса» и убрали из характеристики голоса термин «красота», тем не менее, высоко ценили его породность. В «Таблице оценок охотничьих качеств гончих собак», которая была впервые внесена в текст правил, в характеристике силы, звучности, доносчивости голоса было прямо записано: *«Высшим баллом оценивается сильный, доносчивый голос большой певучести и полноты звука, характерной породным гончим»*. А рекомендованное снижение баллов (от максимума 10) для малозвучных, не доносчивых и не характерных для гончей - до 8; за сильный, но не характерный голос, а также за малозвучный и не доносчивый, но характерный для гончей - до 5 баллов, говорит о многом.

При последующих изменениях правил «манеру отдачи голоса» не всегда относили к первому элементу голоса - его силе и доносчиво-

сти, а включали в раздел музыкальности, хотя последнее время все-таки она опять вернулась в характеристику силы. А вот понятие породности вслед за «красотой» в ныне действующих правилах теперь отсутствует, и только один раз как бы невзначай это слово приводится в ориентировочной шкале примерных оценок в разделе музыкальности: «*породный, но однотонный - I*».

Но как бы не изменялись формулировки наших правил в разделе оценки голосов гончих, мы все равно продолжаем, как в старые добрые времена, ценить голос гончей по первой его составляющей - силе голоса - прежде всего с позиций его доносивости и породности.

Музыкальность голоса - 5 баллов. Действующие правила расшифровывают содержание этого термина как фигурность (тональность) голоса.

К сожалению, тут мы сталкиваемся с еще большей путаницей в терминологии, чем в первом разделе оценки голоса.

Если мы обратимся к толковым словарям русского языка, то определение музыкальности голоса - это лишь приятность его по звуку, мелодичность и не более того. Фигурность же голоса подразумевает наличие в нем фигур, своеобразного музыкального узора, путем внесения фигураций и модуляций, т.е. усложнения, как в мелодии и ритме, так и изменения высоты звука и смены тональности. А сам термин «тональность», заключенный в характеристику в скобки, как уточнение, попал в нее, скорее всего по недоразумению, т.к. не вскрывает смысла ни музыкальности, ни фигурности.

Так что лучше нам не мудрствовать с музыкальными терминами, а ограничить разбор этого качества голоса гончей лишь его фигурностью или отсутствием таковой, как рекомендовали отцы-основатели наших правил 100 лет тому назад, для чего считаю необходимым обратиться, прежде всего, к мнению специалистов.

Евгений Артынов писал о голосах гончих следующее: «Голоса гончих разделяются на однотонные и многотонные, то есть, гончая способна брать одну только ноту, или берет их несколько, при этом... почти постоянно сохраняя приблизительно один и тот же рисунок. Такие многотонные голоса я называю полузаливными голосами, хотя собственно

заливом называется особый музыкальный эффект собачьего голоса, о котором я буду говорить ниже. Но дело в том, что заливаться обыкновенно имеют способность те голоса, которые имеют многотонный голос, хотя изредка бывает, что заливаются и однотонные голоса, но сравнительно это встречается редко, точно также как редко случается, чтобы двойные голоса не имели способность заливаться. Особенность полузаливных голосов заключается в том, что собака берет не одну какую-нибудь ноту, а две, а иногда даже выходит, что как бы три, т.е. берет основную ноту с краткой апподжиатурой - форшлагом на полтона, целый тон и полтора тона, а при особенно замечательных голосах, и на два и на три с половиной тона выше основной ноты. Попадаются также экземпляры, берущие апподжиатуру, стоящую ниже основной ноты... Самым главным и могучим эффектом собачьего концерта является залив... Музыкальный залив выражается так: гончая вдруг выкрикнет и затем вытянет октавой или двумя выше нормального своего диапазона нечто вроде продолжительного «ах», или «ай, ай, ай»; затем следует более или менее продолжительный перерыв - пауза, как будто гончей перехватило голос, после чего она берет, уже в нормальном своем диапазоне, свой обыкновенный, или только несколько измененный в чем-то, рисунок. Это «ах» берется чрезвычайно высоко, так что выжловки в заливе добиваются до трехчетных и, боюсь даже сказать, кажется, даже до четырехчетных нот. В физиологическом отношении залив, по-видимому, происходит от сильного прилива охотничьей страсти, является чисто нервным пароксизмом, обуславливаемым нервным судорожным сдвиганием голосового аппарата. Но есть, однако гончие, которые заливаются не только по временам, но гонят почти или всё время с заливом. Такие гончие обыкновенно имеют залив несколько особенный, который некоторые охотники весьма характерно называют «зарёвом».

Как дополнение к этой обширной цитате считаю необходимым

привести и выдержки из статьи А.Сафонова: «Главное, что обращает на себя внимание при слушании собачьего голоса, что дает основание называть его так, это несомненная музыкальность, так сказать, певучесть звуков, позволяющих улавливать определенные тоны... каждый имеет свои специфические, индивидуальные особенности тембра... Помимо той или другой степени благозвучности, каждый голос имеет свой самостоятельный уровень или регистр, в смысле высоты издаваемых звуков. На основании высоты и характера звуков, голоса собак, как и человеческие, разделяются на четыре главные группы: высокие, нежные, так сказать, женственные, могут быть названы дискантами; высокие, но более густого, мужественного тембра - тенорами; нежные среднего регистра - альтами; густые низкие - басами, а промежуточные соответственно человеческим меццо-сопрано, второму тенору и баритону... Не меньшее разнообразие замечается также в диапазонах или объемах голоса. Большинство собак обыкновенно издают от 2 до 5 различных тонов, глядя по регистру, высоких, средних или низких и, в пределах их, располагают музыкальные фигуры своего пения; но бывают экземпляры, голоса которых заключают до полутора и более октав. Встречаются они редко... Одним из главных факторов... является ритм или известная симметрия в группировке звуков, достигаемая путем подразделения их на сильные и слабые... Наклонность к ритму в известной степени свойственна большей части собак, однако бывают артисты, пение которых не имеет какого-либо определенного ритма... Кроме ритма, пению собак свойственна черта, выражаемая в музыке понятием темпа, иначе - известная быстрота в последовании звуков, а также склонность к более или менее продолжительным паузам между исполняемыми фигурами. Качества эти, как мне кажется, всецело зависят от темперамента собаки...»

Наша охотничья литература, кроме терминов и понятий, которые

изложены в этих двух пространственных выдержках, имеет и целый ряд других, что нельзя обойти нашим вниманием.

Яркий голос - у гончатников понимается не только в общепринятом понимании, как резкий по чистоте и свежести тона, а, кроме того, и как частый по своей отдаче, т.е. убыстренный по темпу.

Редкоскалый голос или редкоскольный, как его называли еще недавно, - противоположность яркому. Это когда гончая на гону отдает свой голос редко, через достаточно большие промежутки времени. Он может быть и равномерным в своём замедленном темпе или иметь значительные пропуски, когда собака продолжает работу на следу, но временами без голоса, что порой граничит с совершенно недопустимой работой по следу - молчком.

Ординарный голос - противоположность фигурному. По своему смыслу - это обыкновенный, заурядный. У гончатников принято так называть однотонные голоса

Голос с гнусью. По характеристике П. М. Губина (8, ч. I, с. 81): «Этот голос скорее всего можно было бы назвать «томным», потому, что когда такая гончая отзывается, то звук её голоса напоминает как будто вопль, плач и такой заунывный, томный, что невольно хватается за сердце, но назван охотниками этот голос «голосом с гнусью», не без основания, так как действительно голос у такой гончей как бы гнусит, как бы выливается с помощью носовых органов». От себя еще добавлю, что хотя голос с гнусью и представляет собой одиночные выкрики, но по своей продолжительности, музыкальности и силе эмоционального воздействия на охотника он, вне сомнения, должен быть поставлен в своей оценке вровень с фигурным голосом.

Фигурный голос - певучий, музыкальный, сложный по своему звуковому рисунку, достигающий максимального выражения в голосах с заливом. Кроме своей красоты и силы эмоционального воздействия, фигурный голос обычно просто удобен в охоте, т.к. всегда более доносчив, чем однотонные, тем более низких регистров голоса. В фигурном голосе, как правило, есть и высокие ноты, которые ясно слышны издали, когда более низкие уже не достигают нашего слуха, и мы все равно слышим эту часть, как однотонные

дисканты и альты.

Кроме того, П. М. Губин выделяет еще понятия: «Тонкий голос» - у гончей походит чрезвычайно на звучные, высокие теноровые ноты. «Ровный голос» - у гончей подходит к средним звукам между контральто и басом. «Крупный голос» - у гончей совершенно подходит к басовым звукам. К этому можно лишь добавить, что крупный голос по П. М. Губину в среде гончатников называется еще «башур».

Верность отдачи голоса - 5 баллов.

Верность отдачи голоса гончей во время работы - существенное качество её полевого досуга, которое не предусмотрели отцы-основатели первых правил полевой пробы гончих в 1901 году. Более того, и в 1925 году, когда эти правила приспособили для испытания гончих и в одиночку, верность гона также не нашла самостоятельного отражения в правилах. И только в 1947 году её выделили как отдельное качество в полевом досуге и сразу же установили лимит в 3 балла для присуждения диплома любой степени. Позднее, в 1959 году последняя норма была пересмотрена: проходной балл в 3 единицы оставили лишь для диплома III степени, а для дипломов I и II степени установили минимальный балл в 4 единицы. Эти нормы существуют и поныне.

Конечно, такое развитие воззрений на это, в общем-то, существенное качество в определенной степени озадачивает - неужели слабоголосость гончих раньше так редко наблюдалась среди них, что не представляла угрозы для пород гончих и не заслуживала пристального внимания? На мой взгляд, это, скорее всего не так. Ведь об этом недостатке, переходящем в порок, говорят и говорили все, начиная с Н. П. Кишенского. Дело, по-моему, в том, что в прежние времена, когда охотились с групповыми единицами гончих - со стаями, стайками или как минимум смычком, выявление пустобрехов и слабоголосых собак производилось, прежде всего, не охотником, а самими собаками, составляющими сборную единицу. «Для самой стаи, - говорил Н. П. Кишенский (23, с. 52) - пустозвон не особенно вреден, если в ней нет молодых гончих, которых он сбивает с толку; старые скоро узнают своего безумного товарища, не обращают на его гон ни малейшего внимания

и никогда к нему не подваливают». Надо добавить, что и молодые собаки сравнительно быстро понимают, что к чему и «безумство» такой гончей вычисляют очень быстро и наглядно.

Но люди не гончие собаки, и определить, когда собака врет, а когда действительно гонит, для нас подчас крайне сложно. Вот почему при испытании гончей в одиночку потребовалось ввести в расценочную таблицу графу верности отдачи голоса, и вот почему это несущественное и легко решаемое прежде дело для нас сейчас переросло в очень сложную и трудно разрешаемую проблему.

На мой взгляд, слабоголосость вслед за недостаточной вязкостью - это и есть два основных подводных камня, мешающих плодотворному развитию полевого досуга наших гончих. Правда, против недостаточной вязкости мы вроде бы нашли действенное «лекарство», установив минимум времени для получения диплома в один час. Но с искоренением слабоголосости пока ничего рационального придумать не смогли, и у меня все чаще и чаще возникают подозрения, что слабоголосость культивирует сама система наших полевых правил, поощряющая, прежде всего слабоголосых собак. Ведь ни для кого не секрет, что многие из присужденных дипломов I степени часто присуждаются за работы по принципу - «хоть не наработаю, так напою». Настолько сложно и трудно вычленишь для экспертов из общего гона время действительного преследования зверя по следу с голосом и отбросить все «песни» гончей без следа или около него.

«Гнать зверя по следу голосом есть врожденная и наследственная способность одних только гончих», - с этим заявлением Н. П. Кишенского (23, с. 78) трудно не согласиться. Хотя, наверное, каждый из нас может привести примеры из своей практики, когда спаниель, фокстерьер или ягдтерьер давали кружок, а то и два в голос; бывают испорченные пойнера, которые мерным сочным баритоном вполне породным для гончей неплохо работают по зайцу; знал я и одного дратхаара способного, хотя моровато и с редкой отдачей голоса, провозиться на гону до 2-х часов. Так что гончие в этом плане не совсем оригинальны.

Но, тем не менее, все-таки есть в работе гончих единственное свойство, действительно уникальное и присущее только им, на что,

пожалуй, первым обратил внимание А. И. Эмке (53, с. 35-36) - это добор: *«Добор по красному есть неотъемлемое качество породных гончих: полукровные гончие, беспородные гончие добора по красному не имеют, и я не думаю, что в этом могли бы быть какие либо исключения. Даже добор на заячьих жировках присущ породистым гончим. Если гончая на заячьих жировках отдает голос скуп, изредка отдельными короткими возгласами, то это иногда бывает и желательно»*.

Верность гона многие гончатники по его значимости в полевом досуге гончей ставят и ставили сразу же за вязкостью. Максимальной верностью можно считать только отдачу гонного голоса лишь по горячему гонному следу преследуемого зверя и голос в добор по красному до начала гона по нему. Все прочие варианты отдачи голоса относятся к её неверности и это или «пустозвоны» по Н. П. Кишенскому или «врали» по П. М. Губину, последнюю характеристику из которых считаю полезным тут привести полностью: *«Враль - которая отзывается в острову не по следу зверя, а зря: нередко по собачьему следу и по следу выжлятников; также вралем называют такую гончую, которая кричит в «жирях», т.е. в том месте, где заяц «жировал», т.е. играл, но не лег; или водит зверя «в пята», т.е. ведет зверя по следу в голос не по тому направлению: куда зверь бежал, а наоборот: ведет туда, откуда он бежал, т.е. взаг»*.

И, конечно, вралем и пустозвоном надо называть гончую, исправляющую скол, не прекращая отдачи голоса, а также с гонным голосом проверяющую следы ранее пройденные гоном, но уже без преследуемого зверя.

Противоположность слабоголосости является редкоскалость и её крайний вариант - гон молчком, что в настоящее время встречается крайне редко.

Чаще мы встречаемся со слабоголосостью в разной степени её выраженности, крайним пределом которой является пустобрехство. О пустобрехстве много написано и одним из ярких примеров его является описание работы Говера С. П. Покровского в третьем издании

книги В. И. Казанского «Гончая и охота с ней» (27, с. 138-139).

В моей практике был еще более поразительный пример этого порока, о котором я хочу сообщить ниже.

У одного из моих приятелей - Н. П. Курилова был англо-русский выжлец Заливай, работу которого мне пришлось наблюдать неоднократно и я, наверное, никогда бы не поверил никому, если бы не наблюдал её собственными глазами. Этот выжлец с утра принимал жировку и без всякого добора доводил её до лежки. Затем следовала помычка и яркий гон на хороших кругах, но уже без зайца. Мне так и не удалось проследить, сколько метров при этом выжлец преследовал зайца - удавалось перевидеть его только с подъёма. Но весь последующий гон всегда был без зайца и, тем не менее, ровные и достаточные по своему размеру круги ложились друг за другом; иногда случались перемолчки и короткие сколы; иногда гон терял свою яркость, словно зверь удалил, но стоило ему вернуться на место подъёма, как он вспыхивал с новой силой. И так круг за кругом, но без всякого зайца гон продолжался как минимум часа полтора, после чего выжлец появлялся у владельца и падал без сил в его ноги. Если бы не многократные случаи прохода его гоном без зайца, а противоположных, так и не пришлось наблюдать, то создавалась полная иллюзия блестящей и очень продуктивной работы. Вот только бы заяц бежал перед собакой, чего, к сожалению, не наблюдалось. Правда, при большой физической нагрузке он временами бросал эту дурь и переходил на работу по следу, которая у него очень плохо получалась. Он моровато и редкоскало кое-как путался на следу, а на яркий гон переходил лишь на сколе - вот тут он полностью отдавался своей страсти и без всякого следа мог накрутить много маленьких кружков.

Справедливости ради надо отметить, что среди наших гончих слабоголосость более характерна для англо-русских, чем для русских, хотя и те не без греха. Но, тем не менее, это так. Недаром один из известных заводчиков англо-русских гончих и один из наиболее грамотных экспертов по гончим Е. К. Чекулаев в конце концов расстался со своей любимой породой и перешел на русских, и причину этого он никогда и ни от кого не скрывал - из-за их слабоголосости.

Вне сомнения, верность или неверность отдачи голоса гончей результат состояния её нервной системы, её темперамента. С этих позиций нельзя не согласиться с заключением А. Сафонова: «служба регулятором голосового материала, темперамент собаки, при чересчур утонченной впечатлительности, порождает качество, составляющее у гончей большой порок, именно - чрезмерную склонность к лению или «пустобрешество». Ближайшей причиной его является излишняя слабонервность, в соединении с плохим чутьём».

Перечитывая страницы старых изданий, мы постоянно наталкиваемся на публикации, в которых говорится о верности отдачи голоса, и суждения эти совершенно созвучны с нашими. Вот, к примеру, выдержки из статьи А. Дубинского «Ружейная охота с гончими» от 1890 года (13): «Итак, главное капитальное свойство есть вязкость. Второе, безусловно, главное качество хорошей гончей - верность. Верность гончей собаки проявляется в том, что она подает голос исключительно по гонному (на ходу) на горячем следу... Мало мне впрочем на моем веку приходилось встречать верных собак; но странно еще то, что много охотников держится мнения, что собака, подающая голос на старых следах, обладает большим чутьём, чем собака безусловно верная... Однако, взглядевшись глубже, мы увидим, что собственно недостаток чутья заставляет её отзывать по старому следу. Отсутствие верности в гончей проявляется в очень разнообразной форме. Самая трудная задача для охотника - это определить неверность собаки на «сколах»... если собака, пройдя раз с голосом по следу при проверке, на том же месте отзовется опять, то это служит верным признаком её пустолайства... По-моему, гон шумовых равным образом относится к отсутствию как вязкости, так и верности в собаке, а также имеет отношение к её злобе. Мне не случалось встречать верных собак, которые бы обладали этим недостатком».

Очень интересно объясняет поведение неверной гончей на сколах другой автор этого же времени - С. Гейер (5): «Порочная в рабо-

те,... которая врет на сколах; причина этого - слаболодость, или излишняя горячность. Первая - неисправима; вторая же проходит, но есть и такие, что при частой работе бросают врать на сколах, а чуть дать ей отдохнуть и посидеть без работы, опять начинает то же... Прислушавшись к голосу и присмотревшись к такой собаке на сколах, легко определить, что она врет по слаболодости или от излишней горячности. Если она слаболода, то она отзывается почти во весь голос, сохраняя его полный характер, и на маленьких кругах лазит, чуть ли не шагом. Если собака врет от горячности, то отзывается отрывистыми нотками и во все ноги носится на кругах, и такие очень часто первые натываются на след или на зверя, наткнувшись, заливаются полным голосом, с особенной страстностью. Из последних вырабатываются часто охватистые собаки, незаменимые работники по красному зверю. Первых же, не задумываясь надо браковать».

Конечно, беспрерывно отдающая голос после подъёма зверя гончая дезориентирует охотника и, вне всякого сомнения, порочна. Поскольку гон по следу это не скачка с голосом по рельсам, а преследование зверя только с помощью чутья и мастерства по следу, который подчас имеет сложную конфигурацию в виде резких поворотов и тупиков на двойках, где собака не может не проскакивать его, а, следовательно, и смолкать.

К сожалению, наши правила экспертизы гончих в поле в определенной степени провоцируют поощрение слаболодых собак, подталкивая многих к суждению, что идеал работы гончей - это беспрерывный гон. К этой грани, прежде всего, подводит гипотетическая формулировка высшей степени мастерства в ориентированной шкале примерных оценок: «Высшим баллом оценивается пристальный и яркий гон без сколов, с редкими и короткими перемолчками в течении 60 минут» А от неё «рукой подать» к логическому заключению, что еще лучше гон без всяких сколов и перемолчек. Это глубокое заблуждение.

«С каждым годом росло её мастерство. Сейчас она может

гонять зайца без перемолчек и сколов до двух часов, отдавая при этом голос без умолка», - вот заключение эксперта Всероссийской категории П. А. Яровицкого (56), после того как он в 1978 году присудил полевой чемпионат на Московских состязаниях Кенарке 2612/рг А. П. Кобринова - этой явно слабоголосою выжловке, красная цена которой была бы при более вдумчивой экспертизе в лучшем случае диплом III степени с верностью отдачи голоса 3 балла.

Печальнее всего то, что П. А. Яровицкий не одинок в своих заблуждениях. Совсем недавно среди нас нашлись два «чудака» - А. В. Камерницкий и А.Ю.Матушкин (19), предложившие новый вариант полевых испытаний, в которых одной из оптимальных оценок чутья является именно непрерывность гона. Кстати сказать, первый из них имеет также всероссийскую категорию. Так что же сказать об экспертах более низких категорий, которые в простоте душевной и в меру своих заблуждений всех «любителей вокального искусства» среди гончих награждают высокими дипломами, которых они не стоят.

Каждому гончатнику надо твердо усвоить, что непрерывный гон говорит только об определенной степени слабоголосости гончей и больше ни о чём, т.к. она не может гнать, не теряя временами следа. И у нормальной гончей можно прощать только незначительные проносы в пределах 10-15 метров в голос, а все остальное: исправление скола с голосом, повторение в голос уже пройденных гоним следов, значительные проносы в голос, яркая отдача голоса на жирах и просто отдача голоса походя, без всякого следа, являются дефектами работы и, конечно, должны бескомпромиссно исключаться из времени гона и отражаться на балле за верность отдачи голоса.

Я, наверное, сейчас выскажу крамольную мысль, но у меня сложилось твердое убеждение, что гончая с дипломом II степени и верностью отдачи голоса в 5 баллов, более ценна для племенного использования, да и для охоты тоже, чем перводипломник с верностью между 4 и 3 баллами, - ведь разница только в том, что первая «говорит только правду», а вторая, делая такой же объём работы, а то и меньше, изрядно при этом подвирает.

И я все более склоняюсь к предположению, что рано или поздно,

но нам все равно со временем придется ограничить присуждение диплома I степени 5 баллами за верность отдачи голоса. Тогда и градации по этому разделу получат логическую стройность: диплом III степени - 3 балла, диплом II степени - 4 балла, диплом I степени - 5 баллов.

Говоря о слабоголосости гончих, на мой взгляд, нельзя обойти и еще очень важный аспект нашего дела. Ведь сама по себе слабоголосость не так уж страшна, если о ней судит грамотный и опытный гончатник - она достаточно быстро распознается на практике. Самое же страшное, когда нам приходится оперировать официальными дипломами, полагаясь лишь на компетентность экспертов, присудивших эти дипломы. Вот тут мы сплошь и рядом можем прогадать. Дело в том, что уровень полевой экспертизы гончих во многих регионах еще недостаточно высок, и среди наших экспертов есть просто опасные люди, во многом мешающие и вредящие дальнейшему совершенствованию пород наших гончих, награждая высокими дипломами слабоголосых собак.

Сравнительно недавно это слово писалось и произносилось с буквой «о» в первом слове - поратость, а не паратость. Сейчас же общепотребителен его второй вариант.

В первых правилах полевой пробы от 1901 года характеристика этого качества записана следующими словами: «*Поратость ценится как достоинство, так как при её наличности все остальные рабочие качества гончих нагляднее проявляются*». В ныне действующих правилах она характеризуется так: «*Паратость - быстрота гончих при преследовании гонного зверя*».

Кроме того, в последних правилах в ориентировочной шкале примерных оценок дается дополнительная расшифровка, что высшей паратостью, оцениваемой максимальным баллом - 10, следует считать, когда «*Гончие преследуют зверя быстрым галопом, выходя за зверем не более чем через 1 - 1,5 минуты*». При небыстром галопе паратость рекомендуется оценивать в 7 - 8 баллов, а при гоне рысью - в 6.

Не надо только забывать, что паратость - это, прежде всего скорость самого гона, а не способность собаки к быстрому бегу. В охоте с гончей совершенно не нужно, да и вредно «много движений без продвижений». Главное - постоянное поступательное движение гонного зверя и преследующей его гончей, что, в общем-то, не столько зависит напрямую от способности собаки к быстрой скачке, а во многом определяется её мастерством и чутьём, позволяющим «сидеть» на звере и держаться от него на минимально возможном расстоянии. Конечно, много зависит в преследовании гонного зверя и от самого зверя: бежит ли он по собаке или сам по себе; не опытен и не «образован», или гончая встретила со старым «бойцом», побывавшим во всевозможных переделках, повидавшим на своем

веку много разных гончих и благополучно от них ушедшим.

Зверь, который бежит по собаке, обычно это прибылой - темп бега ему диктует сама гончая, паратая она или пешая, и разница только в величине кругов: они большие при паратом гоне и значительно меньше при пешем. Правда, хотя время прохода за зверем гончей примерно одинаково в этих крайних случаях, то расстояние, на котором идет зверь от собаки, всегда меньше при пешем гоне, т.к. любой зверь хорошо понимает безопасную для себя дистанцию.

Совсем другое дело, когда зверь быстро отрывается от гончей, далеко её опережая, и становится удалелым со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. След остывает, становится менее доступен для чутья, да и сам зверь уже делает, что ему заблагорассудится. В этом случае, конечно, гон пешей гончей теряет свой смысл, т.к. работа уже протекает как бы волнами: зальётся собака, подбравшись к беляку, а затем все бледнее и бледнее голос переходит на ровный гон, затем мороватый, а то и откровенный добор, пока вновь до него не доберется. Да и заяц при такой работе: то он под носом, то опережает гончую чуть ли не на круг, и встретиться с ним охотнику очень проблематично. Другое дело, конечно, с гончей, у которой хватает паратости не отпускать от себя зверя и поспевать за ним.

Думается мне, хотя многие со мной могут не согласиться, что при ружейной охоте с гончими требование к паратости должно сводиться, прежде всего, к требованию успевать за зверем в любой ситуации, но не более того. Ведь суть ружейной охоты с гончей диаметрально противоположна требованиям псовой охоты, где нужно в максимально короткое время «выбросить» зверя из острова в зубы борзым.

«В ружейной охоте зверь предоставляется самому себе, и вся задача состоит в том, чтобы излишне не подпугать зверя и дать ему скорее успокоиться, чтобы он весь был заинтересован гончими, а самому лагить по гончим или выжидать на лазах, когда успокоенный зверь начал кружить», - сказал в свое время С.Гейер (5). И я полностью разделяю это суждение.

Надо только, чтобы гончие действительно водили зверя, постоян-

но наступая ему на пятки и не теряя. Требование же некоторых охотников - чем паратее гончая, тем лучше, на мой взгляд, в принципе абсурдно. Чрезмерная паратость, как правило, проявляется накоротке, характерна для собак излишне возбудимых, и чаще всего сопровождается неоправданными проносами и частыми потерями следа, что в итоге приводит к рваному и неровному гону, под который трудно подставиться. Такая работа сильно нервирует и зверя, который может при излишнем напоре гончей выскочить из своего места обитания и начать плутать в незнакомых угодьях. Ошибочно думать, что чем быстрее преследует собака зайца, тем меньше у него остается времени на его уловки - все равно свои задачи он гончей задаст, как бы быстро его не гнали. Кроме того, усиленная скачка очень сильно утомляет собаку и быстро доводит до состояния зарялости и отказа от работы.

Недаром П. М. Губин (8, ч. I, с. 79-80), давая характеристику паратости, напрямую связывал её с нестомчивостью да, пожалуй, он единственный, кто дал очень ёмкие и по сути дела исчерпывающие описания разных степеней этого качества: *«Паратая» - которая при присущей ей резвости может водить, как говорится, «одними ногами» весь день, т.е. как с напуска, так и к концу поля не слабея...*

Примечание. Есть сорт гончих очень резвых с напуска (и потому ошибочно называемых паратыми), но за тем они скоро ослабевают и к вечеру не только не ведут по зверю, но даже и в остров не лезут, едва поспевая шагом за доезжачим. Таких гончих охотники называют «слабцами», и это самый плохой сорт гончих...

«Средней ноги» - такие гончие, которые не особенно резвы, но и не «пеши», притом не «стомчивы» и водят зверя «во все ноги». Таких гончих некоторые охотники называют «ногастыми». Из гончих «средней ноги» чаще всего бывают мастера - гонцы, но которые никогда ни в каком случае не могут сравниться с мастерами - гонцами из паратых гончих.

«Пешие» - такие гончие, которые водят зверя «шагом», т.е. очень тихо. От пеших гончих зверь никогда не бежит,

а беспрестанно останавливается, прислушивается к гону гончих и потихоньку, не спеша, удаляется от гончих в противоположную сторону. У пеших гончих всякий зверь держится «на кругах», и из большого острова из под таких гончих в поля зверя не дождешься, а потому пешие гончие для псовой охоты совсем не пригодны и могут только составлять достояние ружейных охотников».

Конечно, Петр Михайлович Губин псовой охотник, почему он и акцентирует внимание на мастерах из паратых гончих, хотя и признает, что мастера - гонцы чаще бывают все-таки из гончих «средней ноги».

А вот если мы обратимся к наследию Н. П. Кишенского - уже нашего ружейного классика, то обнаружим: он с полной определенностью считал, что по условиям охоты в России, *«требовалась гончая средней паратости»* (23, с. 4).

Конечно, нужно всегда учитывать, что, высказывая какое-либо суждение, мы чаще всего допускаем определенные условности. Так и с паратостью, когда мы говорим о её необходимости, мы обычно не подразумеваем её максимальную степень, а лишь её оптимальный вариант, т.е. нам не нужна гончая, которая «пеньки сшибает» и может убиться о дерево, а нам нужно, чтобы она близко держалась от гонного зверя, не давала ему «вольничать» и достаточно быстро его подавала. При этом темп гона был бы рациональным для самих физических способностей гончей, сохраняющий скоростную выносливость на большие дистанции её бега и позволяющий к тому же постоянно свободно чутать и вести след, что невозможно при бешеной скачке.

Развитие взглядов за последние сто лет на роль гончей в охоте вроде бы толкает нас на предпочтение пеших собак: зверь кружится недалеко, идет тихо, да и гончая себя напрасно не изнуряет, и ей легче работать. Однако мне думается, это не совсем так. Да, по неразумному осеннему белячку или прибылой лисичке пешей гончей вполне достаточно. Но, когда она встречается с взрослым, старым зверем, тут нужны другие ноги и уже нужна «ногастая» гончая, по меткому выражению П. М. Губина, иначе ничего не получится.

Так что, на мой взгляд, в настоящее время для нашей подружей-

ной охоты с гончими оптимальной паратостью все-таки нужны гончие «средней ноги», способные долго и в хорошем темпе на галопе водить любого зверя. И я целиком согласен с В. И. Казанским (17, с. 133), который написал: *«Какая же паратость гончей должна считаться лучшей? Та, которая при хорошем мастерстве позволяет гончей выходить по следу за зверем через 1 минуту (конечно, во время ровного гона, а не при подьеме или сколах). Для такой паратости гончая вовсе не должна нестись опрометью, вполне достаточно, если она скачет хорошим быстрым галопом, не переходя на рысь, даже при выправлении сколов».*

Казалось бы, на этом заключении и можно закончить раздел о паратости, но я считаю все-таки полезным задержать внимание читателей и на конкретных скоростях гончих, которые мне удалось найти в старых публикациях. Конечно, наиболее полную сводку этих данных дал в свое время Н. П. Пахомов в книге «Полевые пробы гончих» (34, с. 48-49).

Николай Павлович приводит данные о парфорсных охотах бывшей Петербургской кавалерийской школы по искусственному следу: всего 7 охот на расстоянии от 3 км. 100 метров до 9 км. 170 метров с временем пробега от 7 мин. 15 сек. до 15 мин. 55 сек. Кроме того, им приводятся данные, что в Германии охота по искусственному следу доводится до 20-24 км в 50-58 минут. Также есть в этой книге скорости трех гончих на дистанции в 60 метров от 5,8 сек. до 8 сек.

Мне удалось, кроме этого, найти в старых изданиях статью А. Далматова от 1907 года (9), где приводятся результаты не только охот по искусственному следу, но и по живому зверю. Зверем была лань, которую автор называет даниелью, а собаки «чистокровные английские, причем тихие, не паратые, усиленно выбраковываются». Всего охот по живому зверю приводится шесть на расстоянии от 4.267 метров (я пересчитал версты в метры) до 12.802 метра, которые в среднем проходились со скоростью 26 км/час. На мой взгляд, для нас особенно интересны скорости на наиболее дальние дистанции. Так вот, их оказалось две по 12.802 метра, которые проходились: первая в 25 минут 30 сек., а вторая в 40 минут,

соответственно со скоростью в 30,1 км/час и 19,2 км/час.

Нынешние гончие, на мой взгляд, (конечно, я говорю умозрительно, не опираясь ни на какие измерения) при хорошей работе выдерживают среднюю скорость по зайцу в пределах 12 - 15 км/час, а по лисице и до 20 км/час. Думаю, что для правильной охоты этого вполне достаточно.

ПРИЕЗДКА

Это качество полевого досуга гончих действующими правилами характеризуется следующими словами: «*Приездка (послушание) - подчинение ведущему и быстрота подхода на сигнал ведущего.*»

Позывистость гончих определяется в то время, когда они не гонят».

Максимальная оценка этого качества для одиночки - 5 баллов.

Любопытно, что в первых правилах - 1901 года, эта графа расценочной таблицы называлась не приездкой, а позывистостью с максимальной её оценкой для смычков и стай также в 5 баллов со следующей характеристикой: «*Позывистость гончих оценивается исключительно в то время, когда собаки не гонят и не справляют утерянного следа.*»

Слово «приездка» появилось в правилах лишь с 15 декабря 1925 года, когда впервые они стали применяться для испытаний и одиночек, в следующей формулировке: «*Приездка (грессировка) гончих определяется в зависимости от того, насколько гончие в руках выводящего их охотника.*» При этом графа «позывистость» была сохранена. И как она, так и «приездка» оценивались максимально по 5 баллов.

Позднее, с 1939 года, сочли целесообразным объединить их в одну графу под названием «приездка» с максимальным баллом для одиночки в 5 баллов, аннулировав при этом графу «позывистость».

В конечном итоге все-таки пришли к выводу, что к приездке одиночки требования правил должны быть более мягкими, чем к приездке смычка и стаи, почему сейчас максимальный балл оценки последних в два раза выше - 10 баллов, о чем разговор будет ниже.

Использование слова «приездка» в нашем языке - это дань традиции и уважению истории гончих, т.к. термин этот сохранился со

В.И. Казанский

времен псовых охот, когда ружейной охоты с ними еще не существовало, а все действия с гончими производились только на лошадях. Сейчас мы все это совершаем в пешем порядке и часто уже применяем другие слова для характеристики этого понятия, хотя более ёмкого и всеобъемлющего термина еще никто не придумал.

Строго говоря, приездка это не только послушание и позывистость. Это еще и общая постановка и добронравность гончей, как результат вдумчивой подготовки гончей к охоте, так и отбора мягких и отзывчивых на дрессировку особей для последующих поколений. Ведь нрав и характер гончей не только результат непосредственной работы с нею, но и наследственная предрасположенность к послушанию и контакту с охотником. Конечно, ближе всего по смыслу к понятию «приездка» стоит слово «дрессировка», но нам все-таки по духу лучше применять наше отечественное слово.

В понятие «приездка», конечно, входит не только уровень послушания гончей в выполнении отдаваемых ей команд. Но также и поведение в полазе по отношению к охотнику, когда она без всяких команд руководствуется направлением хода самого охотника и придерживается его - это, вне сомнения, относится уже к понятию «постановка», которое, как и послушание, входит также в понятие «приездка». Так что мы опять в этих рассуждениях приходим к суждениям легашатников, которые в своих правилах оценивают максимально по 10 баллов по отдельности постановку и послушание в общей графе «дрессировка». Это и оправданно, т.к. дисциплина легавой в охоте должна быть значительно выше, чем мы на практике предъявляем к гончей.

Для гончей-одиночки эти требования, в общем-то, довольно просты:

- 1) до наброса спокойно идти у ног охотника на поводке, а лучше без поводка;
- 2) после наброса - в полазе быть в контакте с охотником, придерживаясь его хода и желательнее быть на слуху;
- 3) после окончания работы по зверю или безрезультатного полаза тотчас выходить на вызов охотника и свободно даваться в руки.

Четкое исполнение гончей одиночкой этих требований и заслужи-

вает высшей оценки, а всё остальное дань традициям стайных охот.

Особым шиком считается и многими увлеченными гончатниками на полевых испытаниях демонстрируется, уровень приездки, какой добивались в стаях прежних охот. Гончая идет у ноги без поводка и ошейника, стоит по команде «стоять», по этой же команде остается на месте, когда охотник отходит в сторону и даже скрывается из её глаз, стремглав является к нему по первой команде «ко мне». А некоторые, уже посланные в полаз, даже возвращаются по команде к ногам, и опять замирают на стойке в ожидании последующих распоряжений. Правда, в определенной степени, это с позиции требований к одиночной гончей похоже, скорее, на цирк, а не на выполнение команд и навыков, необходимых для охоты. В охоте с одиночной гончей требуется только лишь её общее послушное поведение и охотный выход к рукам охотника по его желанию и команде.

Самый, конечно, щекотливый вопрос в приездке одиночной гончей - это окончание её работы. Если собака страстная и вязкая, то даже, стеряв зверя окончательно, она все равно продолжает его искать и подчас делает это часами. Именно поэтому из требований к позывистости убрали в своё время слова: «и не справляет след», а оставили лишь: *«Позывистость гончих определяется в то время, когда они не гонят»*.

Иногда все же приходится прекращать и гон, особенно к сумеркам, когда уже пропадает возможность добыть зверя, или в нагонке при необходимости сберечь зверя и здоровье собаки. Тут, вне сомнения, самое верное средство - четкое выполнение гончей команды «стоять» в любой ситуации, но для этого надо перехватить гончую на гону. Не менее верное средство - приход гончей на рог, если она действительно хорошо приучена к нему и охотно является на его призыв.

К сожалению, все эти рассуждения относятся к области теории, поскольку нам чаще приходится встречаться как раз с непослушанием наших гончих. Более того, и наши правила в этой ситуации очень лояльны. По правилам даже нельзя снять непослушную гончую, как это делают на испытаниях легавых, да и цена дрессировки в правилах испытаний легавых суммарно в 4 раза выше, чем оценка одиночной

гончей по её приездке. Ориентировочная шкала примерных оценок, которая является приложением к правилам, гончую, не дающую подловить себя, рекомендует оценивать по приездке в I балл, и, тем не менее, её не снимают с испытания. Снять её можно только, если она окажется скотинником или пустобрехом, или молчуном, или вообще откажется идти в полах.

Такое терпимое отношение к недисциплинированности имеет свои причины и, прежде всего, конечно, отражает общий уровень дрессировки наших гончих и их общего послушания. Мало того, что, готовя гончих к охоте, мы мало уделяем внимания их дрессировке, они и сами по своей природе не очень-то поддаются этой процедуре. Не секрет ведь, что гончая по натуре более упряма и самостоятельна, чем любая кровная легавая, послушание которой культивировалось в огромной череде поколений. Особой дикостью и вольностью в истории наших гончих всегда выделялись именно местные собаки. Именно неукротимость прежних русских гончих толкнула русских охотников обратить внимание в конце XIX века на иностранные породы. Вот что пишет Н. П. Пахомов по этому поводу в своей книге «Породы гончих» (35, с. 70): «Самая главная причина бешеного успеха англичан заключалась в их вежливости уже от природы, в том, что они страшно легко поддавались любой приездке, легко повиновались, что нельзя сказать про русских, которые были настоящими дикарями, часто срывались даже на смычках и нередко были неисправимыми скотинниками. Мы знаем, что изумительные зверогоны Арапова водились не иначе как сомкнутыми, окруженные со всех сторон конными выжлятниками, что не гарантировало владельца от того, чтобы они не срывали по стагу».

В настоящее время русская гончая уже культурная порода, а её представители значительно мягче и послушнее, чем их полудикие предки. Но, тем не менее, уровень её послушания и дисциплинированности все-таки отстает от послушания англо-русской гончей, в которой еще сильна наследственная основа английского фоксгаунда. Хотя объективности ради следует отметить, что и этой породе не помешало бы повысить её восприимчивость к приездке.

Хорошая приездка одиночной гончей, вне сомнения, важное её полевое достоинство, украшающее и превращающее охоту с ней в очень приятное занятие для любого гончатника.

ЗЛОБНОСТЬ

Злобность или злоба к красному зверю - это наследственное породное полевое качество современной кровной гончей страстно преследовать хищного зверя - также характерна для неё, как и гон па зайцу. Недаром при оценке способностей гончей на испытаниях гнать по лисице мы пользуемся теми же правилами, что и по зайцам, правда, при несколько других нормах.

Злобность или злобу к красному зверю не следует путать со злостью гончей к людям, поскольку эти два проявления характера и нрава собаки ничего общего между собой не имеют и чаще всего взаимноисключают друг друга. Мне, к примеру, еще не пришлось в жизнь встретить гончую, которая, обладая большой злобностью к зверю, в то же время могла исполнять роль охранной цепной собаки. Напротив, все по-настоящему злые к людям собаки в моей практике ничего не стоили как красногону. А с другой стороны, все красногону были мягки и дружелюбны к человеку или лишь строги, но также без активной агрессивности.

Злобность гончей - это не только её пристрастие гнать по лисице, это общее агрессивное поведение, как выразился Н. П. Кишенский (23), «ненависть» к любому хищному зверю. В своей книге «Русская гончая» (51) я уже приводил перечень этих зверей и выстраивал их в определенный ряд: медведь, волк, рысь, барсук, лисица, енотовидная собака, по которым требуется разная степень злобности.

В настоящее время большинство гончих уже не обладает такой злобностью, которая позволила бы им работать по всем зверям этого ряда с одинаковой страстью и настойчивостью. Подавляющее большинство современных гончих боится медведя и обходит его стороной. Очень мало среди них и способных гнать по волку, хотя изредка и появляются собаки, которым неизвестными для нас путями передалась от предков эта благородная страсть. Даже среди

близкородственных гончих мы наблюдаем как гоняющих рысь, так и лишенных этого качества. Многие гончие, хотя и гонят по барсuku, но боятся к нему сунуться, когда он займет оборону. Немало таких собак и в случае с лисицей - некоторые способны её загонять до изнеможения, но как только дело доходит до расправы, «почтительно» побреживают на неё с безопасного расстояния. Даже обнаруженная гончей енотовидная собака подолгу отбреживается частью из них, хотя достаточно лишь посунуться к енотке вплотную, как она притворится мертвой.

Бесспорно, злобность наших гончих явно угасает, и причина тут одна - мы прекратили охотиться с гончими по волку и ведем отбор исключительно по результатам их работы по зайцам. Даже лисица из всего ряда хищных зверей для нас уже второстепенный вид, работа по которому в глазах подавляющего большинства охотников лишь желательна, а вовсе не обязательна. Конечно, это результат разных условий охоты на бескрайних просторах нашей родины. На юге нашей страны - в степной и лесостепной зонах, где местами беляка, как говорится, отродясь не было, а русак давно выбит теми же гончачниками и машинными браконьерами, единственным объектом охоты с гончими остается лисица. Кстати, и брать её из-под гончих там не так и сложно. Совсем другое положение на севере, где в сплошных массивах лесов и моховых болот лисица редкий зверь, к тому же живущий очень широко, из-за чего гон по ней чаще всего кончается потерей гончей, по крайней мере, на полдня, а то и насовсем, т.к. волки в этих лесах «не дремлют». Вот откуда все споры о красногону в нашей охотничьей печати, и вот почему «степняки» никак не могут понять «таежника» в этом вопросе.

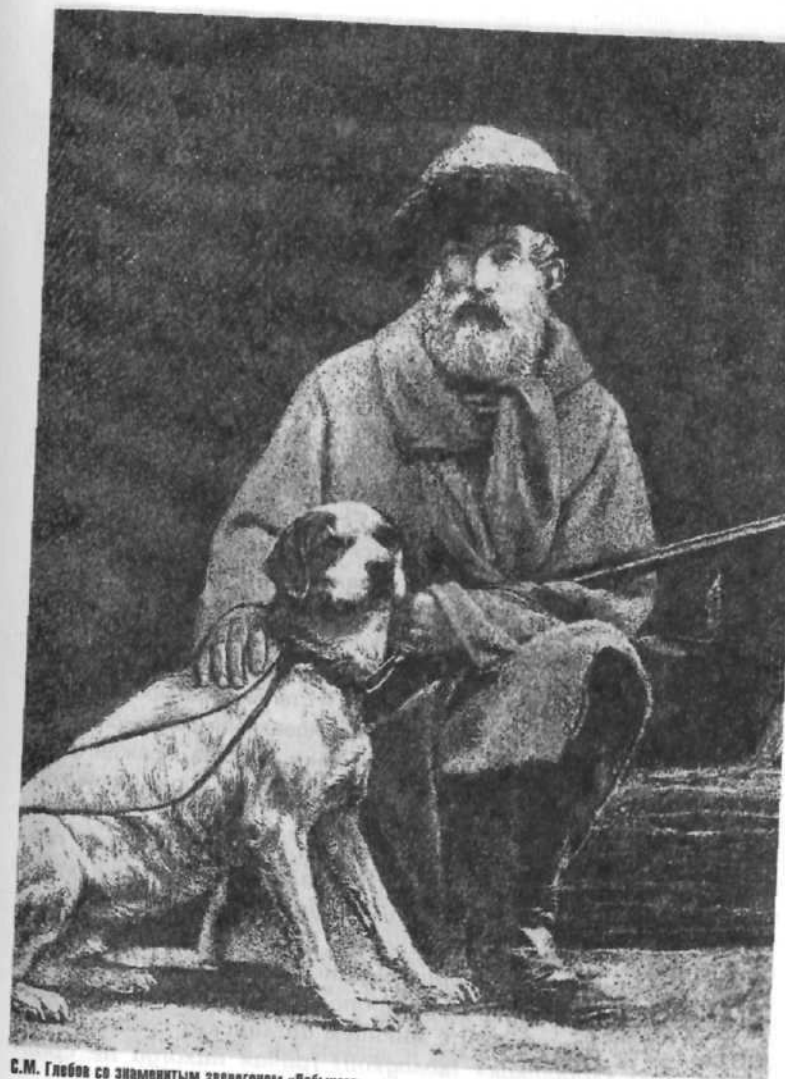
Тем не менее, действующие правила полевых испытаний гончих предусматривают оценку гончих в поле как по зайцам, так и по лисице. Конечно, лисица это не волк, а только зверь, по которому требуется лишь минимум злобности - вот этот минимум и требуют наши правила. В них нет определения злобности как таковой, а степень проявления её находит лишь косвенное определение посредством присуждения дипломов трех степеней. Условия же присуждения этих дипломов существенно ужесточены в своих нормативах против

присуждения их по зайцам. Так, чтобы получить низшую оценку - диплом III степени по лисице, необходимо работать по ней, выполняя нормативы работы по зайцу на диплом I степени, т.е. чистого гона в расчете из часа было бы не менее 75% общего времени работы, и сколов суммарно из часа не более 15 минут. На мой взгляд, это правильно и объективно, т.к. работать по лисице гончей несравненно проще, чем по зайцу.

Нормативы для присуждения дипломов II и I степени по лисице - в 10 и 5 минут суммарного скола из часа работы, на мой взгляд, слишком незначительны по своей градации, и, учитывая практически повальную слабоголосость большинства наших гончих, слишком ненадежны для суждений в условиях практической экспертизы. Наверное, было бы более целесообразно ограничиваться в оценке гончей за работу по лисице лишь дипломом III степени с условием суммарного времени скола из часа работы менее 15 минут, хотя это в данном случае только моё мнение.

Кроме того, правила подчеркивают, что при своей работе гончая должна явно предпочитать лисицу при гоне зайца, и переходить на работу по ней, если собака, гоняя зайца, пересекает свежий след лисицы. А переход с гона лисицы на гон по зайцу - это порок, за который гончую снимают с испытаний. Добор по лисице в отличии от добора по зайцу недостатком не считается.

К сожалению, злобность гончей к красному зверю, как её вязкость, чутьё и голос, свойства строго наследственные и никакой нагонкой, притравкой или дрессировкой их привить или исправить невозможно. Закрепить и развить свойство злобности возможно только отбором и разумным подбором носителей этого качества в условиях активной практической охоты.

С.М. Глебов со знаменитым зверегоним «Добычей»

Способность гончей искать и гонять зверя в продолжении двух-трех дней подряд характеризует её как нестомчивую», вот как определил это качество автор книги «Охота с гончими» Б. Д. Протасов (39), и я полагаю, что все гончатники с этим согласятся.

Нестомчивость гончей или выносливость, безусловно, важный компонент её полевого досуга, без которого она теряет всякую ценность для практической охоты. К сожалению, по действующим правилам оценить её невозможно из-за кратковременности испытания конкретной единицы - ведь правилами разрешено это делать лишь в пределах от одного часа до двух. Есть определенная категория гончих, которые с успехом справляются с такой нормой времени их испытания, но не способны работать далее. И эти «рыцари на час», к нашему сожалению, попадают в производители, что не способствует повышению уровня нестомчивости наших гончих.

Конечно, предрасположенность гончей к нестомчивости во многом зависит от её физического здоровья и степени тренированности. Фундамент её - это крепость сложения, идеальная сбалансированность её статей и совершенство внутренних органов, прежде всего сердца и легких, на фоне достаточного тренинга и разумной кормежки.

Вот несколько высказываний наших авторитетных знатоков - гончатников прошлого, имеющих отношение к характеристике этого качества. С. В. Озеров (31): «Лучшими гонцами в моей стае были собаки небольшого роста, и даже не богатыри собой. Но сухие, чрезвычайно пропорционально сложенные, и вовсе не на высоких ногах, как теперь проповедуют некоторые охотники... Я вполне согласен с мнением английских собаководчиков, что «короткая» (колодкой) гончая никогда не срав-

нится выносливостью с более длинной, но, конечно, свясно сложенной... Наши тульские знаменитые глебовские гончие... были невелики. «Добыч», например, около 14-ти вершков (62,3 см - Р. Ш.)».

Де-Коннор (11): «Переходя к вопросу о росте гончих вообще, для работы по какому бы то ни было зверю (принимая во внимание, что у нас одна и та же гончая работает по всякому зверю), лучший рост для гончей средний - 13-13^{1/2} вершков (58-60 см - Р. Ш.). Гончие среднего роста всегда лучше сложены, крепче, выносливее, не так подбиваются и разбиваются ногами, поворотливее, живее и лучше идут в крепь, чем большие. Поэтому они паратее, ползистее и лучше справляются на сколах... Положим, большинство восхищающихся большим ростом - не охотники (у англичан существует примета: «У кого восхищение собакой пропорционально росту её, тот не охотник»)».

А. И. Эмке (53): «Общий вид имеет наибольшее значение, главные условия симметрия и соразмерность всех частей. Паратость и выносливость обуславливаются полной гармонией лагов и сильно развитой мускулатурой. Большой рост считается хуже среднего. Еще Бекефорд и Сомервиль полагают, что крупные собаки устают скорее».

С. Гейер (5): «К началу охоты гончие должны быть в настоящем полевом теле - сыты только настолько, чтобы на глаз не выдавались костяцы; в общем, собака должна быть подсушена, подобрана и иметь веселый, бодрый, энергичный вид. Это достигается правильной умеренностью корма и более частыми проводками... Такую гончую и в начале осени хватает на два, на три дня поля».

К нашему великому сожалению, ни соразмерность лагов, ни идеальный рост и прекрасное физическое состояние гончей собаки еще не гарантируют нам её хорошую нестомчивость, если у неё нет полного согласия её сложки и здоровья с желательным для нас уровнем нервных процессов в её мозгу и её поведением. Ведь на полевых испытаниях мы сплошь и рядом видим, что по первому

впечатлению: вроде бы вполне готовая гончая, способная к длительной и пристальной работе, однако на деле оказывается безнадежной повесой или в лучшем случае, по выражению Н. Н. Челищева (49), «гонящей по охотке». Такие гончие весело и энергично начинают работу, но после 30-40 минут все также весело и кончают её, начиная в свое удовольствие просто болтаться по лесу или, не задерживаясь, отправляются к владельцу с докладом, что «работа выполнена». Самые же несносные из них сразу отправляются в ближайшую деревню в поисках приключений. Конечно, ни о какой нестомчивости у такой гончей говорить не приходится, - она может быть и вернется к владельцу, но не в силу своей чрезмерной усталости и физического истощения, а тогда, когда ей просто надоест болтаться в округе или она проголодается.

О нестомчивости гончей можно говорить только в том случае, если в ней горит тот негасимый священный огонь охоты, который называется вязкостью. Сравнивать можно только сравнимое. А сравнивать по выносливости действия безнадежной шалавы, в своё удовольствие болтающейся в лесу, и лишь изображающей работу, с работой действительно рабочей собаки - вещь совершенно недопустимая.

Поэтому, на мой взгляд, определять степень нестомчивости гончих и сравнивать их по этому качеству можно только среди действительно вязких, настойчивых полевых работников, способных поднятого зверя водить часами до его полного утомления или своего физического истощения. Конечно, таких гончих в настоящее время единицы, но гон в два-три часа для достаточно вязкой и выносливой гончей, по-моему, уже норма. За мою долгую охотничью жизнь мне пришлось лишь однажды быть свидетелем, когда ублюдок гончей, прекрасно гонявший по зайцу, проработал восемь дней от зари до зари, хотя на восьмой день его и пришлось поднимать и провожать до опушки, расстреляв половину патронташа. Это, пожалуй, предел нестомчивости гончей.

При длительной стационарной охоте все-таки не следует злоупотреблять выносливостью гончих, приняв за правило после двух дней работы давать им день отдыха. При достаточно большом количестве

зверя и многократных работах гончих за день лучше даже изменить режим работы - по одному дню через день. Даже при такой системе и двухразовой кормежке в сутки все равно за две-три недели интенсивной охоты гончие сильно спадают с тела.

Диапазон же степени нестомчивости различных, по-настоящему работающих гончих, тем не менее, достаточно велик. Есть собаки, которые очень резко начинают гон, уже на втором часу работы переходят на рысь, затем на шаг и вскоре встают, полностью обессилив. А есть гонцы, которые круг за кругом водят поднятого зверя, словно железные, и на пятом-шестом часу работы все тем же хорошим наметом, как и вначале, выходят за зверем.

Все это можно познать только при нагонке и охоте с гончими, но никак не на испытаниях.

КРЕПКОНОГОСТЬ

Способность ног собаки противостоять неблагоприятным условиям тропы и выдерживать большие нагрузки во время длительной работы среди гончатников принято называть крепконогостью. От неё в определенной степени зависит и нестомчивость гончей, хотя не всякая крепконогая собака обязательно будет вынослива и способна к длительной работе - прямой зависимости тут нет.

Крепконогость, прежде всего, зависит от строения лапы гончей, которая должна быть собранной, сбитой в комок с когтями в землю, а также от условий её содержания и тренированности. Много зависит и от грунта, на котором содержатся и работают собаки, т.к. только жесткий грунт делает ноги собаки настолько крепкими, что они могут противостоять и каменистой мерзлой почве, и пестрой жесткой тропе со льдом и пятнами черствого смерзшегося, не растаявшего в своё время, снега. К сожалению, иногда встречаются собаки от природы со слабыми лапами. У их товарок в одних и тех же условиях ни кровинки, ни царапинки, ни на подушках, ни у ногтей, а они уже со стесанными пятками кровенят своими следами по всему лесу. Конечно, это природный недостаток, о котором обычно принято говорить - «Бог не дал».

У собак со слабыми ногами, да и не со слабыми тоже, обычно сбиваются сами лапы, т.е. пятка и пальцы, хотя мне приходилось встречаться и со сбитыми в кровь запястными суставами при целых лапах.

Что удивительно - иногда крепконогость зависит не только от природных данных и тренированности, а и от ума собаки. Приходилось наблюдать работу гончих по мерзлому жесткому чернотропу, когда они, гоняя беляка в заболоченном лесу, по мху гнали рысью и шагом, осторожно пробивая лапами ледяную корку, покрывающую болото, и только на гривах вели след своими ногами. Один раз мне довелось быть свидетелем работы очень паратой русской выжловки,

хорошо мне знакомой по прежним охотам, которая по ледяной корке поверх свежеснежавшей пороши гнала только шагом. Правда, и это ей в тот раз не помогло - все равно к вечеру ноги её были в крови. Тем не менее, сокращение хода и осторожность в беге часто помогают собаке сохранить свои ноги.

Крепконогость все-таки в основном природное свойство гончей, которым надо дорожить, и которое надо поддерживать в наших гончих.

ОРИЕНТИРОВКА

Впервые это качество полевого досуга гончих в перечень их обязательных компонентов в нашей литературе внес В. И. Казанский в своей книге «Гончая и охота с ней» (17, с. 141-145), хотя сами примеры этого свойства приводились неоднократно и задолго до него. Назвал он его «ориентировка» или точнее «инстинкт направления». В этой книге достаточно подробно на серии убедительных примеров показано, насколько важна хорошая ориентировка гончей, казалось бы в очень сложных ситуациях. В ней есть пример, когда десятимесячная выжловка ночью в лесу вывела автора напрямик к дому. В другом случае, два еще не погодовавших выжлеца, увязавшись за рысью, вернулись только на следующий день со стороны, где они никогда раньше не бывали. Еще более интересный пример описывает возвращение собаки на квартиру в Москву, увезенной за 50 км, которые она никогда не проходила своими ногами. Как она прошла этот неведомый для неё путь, и как нашла свой дом в огромной Москве - нам неведомо и может только поражать.

Но, что особенно важно, Василий Иванович осветил и большую, во многом определяющую роль способности собаки хорошо ориентироваться во время самой работы: *«Если гончая не огарена способностью точно «чувствовать» направлений и точку, где она находится, то и хорошая вязкость не поможет ей достигнуть отличного мастерства. Не раз приходилось видеть на испытаниях как у места, где зверь сделал тычек и ушел назад, гончая, сделав маленький кружок и расширяя свой поиск, уходит на более широких кругах в сторону и не выдерживает экзамена явно потому, что потеряла место потери следа, не имея способности точной ориентировки».*

Способность гончей хорошо ориентироваться в пространстве имеет решающее значение в её работе, и даже вязкость, которую

я считаю главным качеством подружейной гончей, нужна только в том случае, если собака полностью отдает себе отчет в том, где она находится, и где осталось место её последней встречи со следом преследуемого зверя.

В противном случае, это качество приобретает уродливое и совершенно непереносимое свойство, превращая такого бестолкового «гонца» в непослушную и неуправляемую собаку, бесконечно рыскающую в своих тщетных попытках найти столь возжеланные для неё следы где угодно, но только не там, где они утеряны. Такая гончая, обделенная от природы инстинктом направления, никогда не научится мастерству, будь она хоть сверхчуткой, и никогда не будет хотя бы удовлетворительным работником по зверю. Гончая такая вызывает у нас лишь чувство досады и раздражения, хотя я лично этих собак больше жалею. Как это так, - имея от своих предков огромную страсть к охоте, вязкость и чуткость, только из-за того, что нет «царя в голове», нет чувства ориентировки, они так бесславно проявляют себя в поле, создавая и для себя и для владельца сплошные огорчения, а хорошие и полезные качества так и остаются у них невостребованными. Если при этом нет у неё и чуткости, то трудно даже представить себе более жалкое создание.

Хорошая ориентация гончей нужна ей не только в работе, чтобы поступательно и продуктивно водить гонимого зверя. Она нужна также в ползае, где важен контакт с владельцем. Важна она также и после окончания работы, когда нужно вернуться к владельцу.

Обычно нормальная гончая не выхаживает в пята все свои следы, чтобы вернуться к владельцу - она напрямик по кратчайшему направлению идет на место, где последний раз видала или слышала его, и оттуда уже по следу приходит к нему. Если же на этом месте хозяина нет, и найти его по следам затруднительно, она также напрямик отправляется домой, если охота производится из дома, или на то место, откуда началась охота. Способность гончей найти правильную дорогу поразительна, хотя в этом и нет, наверное, никакого чуда - она просто твердо знает куда идти.

Есть, конечно, собаки, у которых нет этого чувства ориентации и, завернув за первый же куст, они начинают выть и беспорядочно

метаться, разыскивая не зверя в лесу, а владельца. Это по сути дела уже не гончая, и ею не следует дорожить, т.к. всё равно рано или поздно она пропадет. Но есть гончие, которые хотя и ориентируются в угодьях, но делают это плохо, постоянно плутая в лесу и теряясь - тут уже ничего не поделаешь - так и будешь трубить в рог до одурения, и бить ноги по дорогам в надежде встретиться со своей бедолагой.

Вне сомнения, понять и оценить способность к хорошей ориентации гончей можно лишь в условиях практической охоты. Так что побольше проводите время на охоте со своими гончими, и вы узнаете несравненно глубже и полнее все индивидуальные качества ваших питомцев, чем это могут дать официальные полевые испытания.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОЛЕВОМУ ДОСУГУ СМЫЧКА И СТАИ

Излагать этот раздел представляет для меня большую сложность, т.к. работающую слаженную стаю гончих я никогда не видал. Много охотился я только со смычком или тремя сгоненными собаками - полуторным смычком, о чем и могу говорить, опираясь на свой опыт. Стая для меня - «темный лес», и только знакомство с литературой о гончих поможет мне коснуться вкратце этой темы без больших огрехов.

Действующими правилами полевых испытаний гончих оценка смычков и стай производится по отдельной особой шкале, которая во многом повторяет требования, предъявляемые к одиночной гончей, но с существенными коррективами, позволяющими оценивать и эти сборные единицы. И если требования в баллах к добычливости, мастерству, вязкости, силе голоса, его музыкальности, верности отдачи и паратости остаются такими же, как для одиночки, то есть добычливость - 5 баллов; мастерство - 25; вязкость - 15; сила голоса - 10; фигурность его - 5; верность отдачи голоса - 5; паратость - 10, то требования к полазу сокращаются вдвое - всего 5 баллов. А по отношению к приездке, наоборот, увеличены вдвое, т.е. 10 баллов, вместо 5. Кроме того, образованы две дополнительные графы, каждая по 5 баллов: свальчивость и ровность ног.

Таким образом, принципиальной разницы в оценке одиночки и сборной единицы по основным элементам их работы в требованиях правил нет. И совершенно естественно повышены требования к приездке и введены графы свальчивости и ровности ног, без чего невозможно себе представить ни смычка, ни стаи.

Главное же различие оценочных таблиц одиночной гончей и сборной единицы заключается в том, что для одиночки отдельной графой оценивается её чутьё, а у смычка и стаи нет.

Откровенно говоря, вразумительно объяснить это расхождение

в оценочных таблицах я не могу. Казалось бы, какая разница - и для одиночки, и для смычка - чутьё важнейший компонент их работы, и тут, и там его оценка, казалось бы, совершенно необходима. Правда, оценка чутья, как одиночки, так и сборной единицы, «спрятана» нашими правилами в большей своей части в оценке мастерства, но, тем не менее, для одиночки есть отдельная графа «чутьё», куда мы заносим свои суждения от полученных впечатлений. Точно также мы можем наблюдать проявления степени чутья, как отдельными собаками из смычка, стаи, так и их товарками. Возражение, что нельзя поставить средний балл за чутьё смычку и стае, как нельзя вычислить среднюю температуру тела пациентов в больнице, не выдерживает критики, поскольку вязкость и мастерство сборной единицы также не рассчитываются как средний показатель, а определяются преимущественно работой лучших собак смычка и стаи.

Скорее всего, это дань традиции, т.к. такой графы в оценке не было с момента зарождения правил, а может быть и по более прозаической причине: реформаторы правил не находили дополнительных баллов из столбчатой шкалы на чутьё для стаи, т.к. не решались внести резкие расхождения между двумя этими таблицами. Так или иначе, но оценки чутья сборной единицы в правилах нет и это, наверное, надо принимать как должное.

Приездка смычка и стаи, без сомнения, фундамент этих сборных единиц, а её характеристику наиболее разумно заимствовать из самого авторитетного источника - «Полного руководства ко псовой охоте» П. М. Губина (8, ч. II, с. 115):

«Хорошая приездка гончих собак должна заключаться:

- 1) в стайной течке гончих за доезжачим;*
- 2) в спокойной и верной стойке гончих под островом;*
- 3) в молчаливом (т.е. не в голоса) приеме полаза гончих с напуска;*
- 4) в стайной гоньбе гончих;*
- 5) в неограниченном послушании гончих доезжачему;*
- 6) в позывистости гончих к рогу;*
- 7) в вежливости гончих собак к домашней скотине и птице».*

Принимая данное определение приездки, как исчерпывающее объяснение этого понятия, не следует также забывать, что Петр Михайлович в своём руководстве очень четко определил, как само понятие «стая», так и дал рекомендации по её формированию.

Стаю он характеризует так: *«Под словом «стая гончих собак» подразумевается: съезженное и назначенное «в напуск» необходимо достаточное количество гончих собак для самостоятельной охоты с ними по каждому зверю, т.е. по зайцу, лисе и волку. И вот такое-то количество гончих собак всегда и называется «стаей», а для того, чтобы можно было самостоятельно производить псовую охоту по всякому зверю и, в особенности по волкам, необходимо чтобы «в напуск» было не менее восемнадцати и не более сорока собак гончих».*

А по формированию её особо подчеркивал, что создаваться она должна однопородной и желательно «из однопородных щенков «однокорытников» при обязательном участии доезжачего. Воспитание гончих щенков заключается в неограниченном послушании и беспредельной привязанности их к доезжачему. Для этого доезжачий обязан постоянно ласкать щенков, оглаживая их руками, прикармливать их прикормкой и, по возможности, большую часть времени проводить со щенками,

стая А. Ф. Ильина. слева — направо Зорька, Набат, Колдун, Плякса.

разговаривая и играя с ними, независимо от постоянно находящегося при гончих щенятах назначенного ловчим псаря».

Совершенно однозначно П. М. Губин во всём своём сочинении везде проявляет здравый смысл и даже в суждениях, которые он считает незыблемыми, чему мы видим подтверждение хотя бы в его словах о количестве гончих в стае: «Не количество брошенных гончих собак доставляет удовольствие на охоте, а качество слаженной мастерски стаи составляет прелесть, гармонию псовой охоты и удачу поля».

Кроме того, в самой стае, как едином рабочем организме, очень важны установившиеся и стабильно доброжелательные отношения между всеми собаками, составляющими её. «Стая должна быть свычна, т.е. гончие должны знать, «любить» друг друга и жить между собой мирно... Во всякой настоящей стае строго соблюдается правило, что младший должен уважать и уступать старшему, а суки - кобелям... Гончие в стае отлично знают друг друга, знают у которой можно отнять корм, которую можно согнать с места, на которую допускается положить голову... конечно, и в самой свычной стае бывают драки, но это не больше, как семейные ссоры... но если такой стае придется залучить чужую собаку или зверя, то ссора мигом превращается в самый тесный союз, и стая расправляется с общим врагом общими силами» - вот как характеризовал стаю Н. П. Кишенский (23, с. 45), и думаю, что лучше сказать трудно.

Конечно, каждому владельцу стаи крайне важно было отработать её как дружный и единый рабочий организм, состоящий из собак примерно равных как характером, нравом, привычками, досугом, так и своими физическими данными, для которого были также чрезвычайно важны свальчивость и ровность ног собак, составляющих стаю.

Правда, в наше время приходится уже «спускаться с небес на землю» - ведь требования классической псовой охоты, присущие её «золотому веку», а это XVIII и XIX века, давно канули в Лету, как и сама псовая охота. Пределом наших мечтаний остался лишь

хороший рабочий смычек, что пока доступно, хотя культура работы с ним также сильно деградировала.

Вот буквально, что записано в действующих сейчас правилах:

«К испытанию допускаются... нагоненные и работающие вместе смычки и стаи, независимо от принадлежности гончих разным владельцам, зарегистрированные в охотничьих обществах, как сборные единицы.

Смычком считаются две однопородные гончие.

Стаей считаются однопородные гончие от двух и более смычков.

Изменение состава смычков в течение одного года не допускается».

В определении же понятия «приездка» даже не сделано попытки констатации её особенностей для сборной единицы - смычка и стаи, а есть лишь очень лаконичная фраза: «приездка (послушание) - подчинение ведущему и быстрота подхода на сигнал ведущего», как универсальная и для одиночки и для сборной единицы.

Правда, при этом есть по тексту два ограничения:

1) «При испытании... смычков допускается только один ведущий, при стае два ведущих»;

2) диплом любой степени смычку и стае может быть присужден лишь при оценке их приездки не менее чем в 6 баллов, в отличие от одиночки, для которой никаких ограничений по этой графе не предусмотрено.

Уровень приемлемой приездки в определенной формулировке сами правила нам не дают, хотя в рекомендательной - ориентировочной шкале примерных оценок можно прочитать, что высшей оценки по приездке сборной единицы заслуживают гончие, которые «без смычков идут за ведущим, разомкнутые стоят по приказу ведущего и быстро выходят на его вызов (если не гонят)». А проходной балл в 6 баллов по смыслу рекомендации могут получить при условии, если и идут за ведущим, и стоят перед набросом только сомкнутыми на смычках, но, тем не менее, не тянут на поводке, стоят по команде, идут на вызов ведущего и дают ему возможность подловить себя.

Как видите, нынешние требования к приездке сборной единицы, в сравнении с определением П. М. Губина, упростились чрезвычайно и свелись по сути дела лишь к соблюдению возможности довести без особых хлопот гончих до места охоты и собрать их по окончании ее.

Правда, разрушать понятие «приездка», данное П. М. Губиным, начали не мы, а наши предшественники, отцы - основатели дела испытания гончих еще в первых «Правилах полевой пробы гончих» от 7 марта 1901 г. для смычков и стай. В них приездка была разбита на два компонента: свальчивость и ровность ног (для смычков - 10 баллов, для стай - 15 баллов при минимуме в 5 баллов для присуждения диплома) и позывистость (и смычкам, и стаям - 5 баллов).

Позднее - 15 декабря 1925 года единую графу «свальчивость и ровность ног» разбили на две самостоятельные: свальчивость - и смычку, и стае в 5 баллов; ровность ног - в 10 баллов, введя новую графу «приездка» для одиночек, смычков и стай в 5 баллов, при сохранении самостоятельности «позывистости» также в 5 баллов.

Ныне действующие правила предусматривают для смычка и стаи отдельные требования к свальчивости и ровности ног по 5 баллов на каждое из этих качеств, и отдельно к приездке в 10 баллов, ограничивая её послушанием, включив в него также позывистость.

Свальчивость гончих смычка и стаи очень важный компонент их коллективной работы, и действующие правила дают достаточно четкую характеристику этого качества:

«Свальчивость смычков и стай - быстрота, с которой собаки подваливают к помкнувшей гончей своего смычка или стаи, предельное время на свальчивость смычку и стае - 5 минут.

Примечание. Если гончие одновременно погнали по двум зверям и гон продолжается более 5 минут, смычок и стая считаются разорвавшимися, и такая работа не оценивается».

Кроме того, правила устанавливают минимальные баллы для присуждения дипломов по графе «свальчивость»: для диплома I степени - 4 балла, для дипломов II и III степени - по 3 балла. Это по ориентировочной шкале примерных оценок соответствует: 4 балла - гончие

сваливаются с момента помычки одной из них в течение 2-х минут, а 3 балла - в течение 5 минут.

На мой взгляд, хотя свальчивость и выделена в правилах в отдельное качество, но, вне сомнения, всё также остается составной частью приездки, и я полностью согласен со словами П. М. Губина (8, ч. II, с. 118), когда он сказал: *«Стайная гоньба гончих, хотя преимущественно и зависит от характера, возраста, ног и породы гончих собак, но, тем не менее, и приездка гончих имеет большое значение в деле стайной их гоньбы, для чего доезжащий и доводит, т.е. «доезжает» стаю частыми «нагонками», вниманием и толковостью стаешников или подгонщиков».*

Свальчивость надо понимать не только как быстроту подваливания гончих друг к другу в момент начала работы, т.е. в момент помычки одной из них по поднятому зверю, а и быстроту подваливания во время самого гона - во время сколов, когда все собаки, составляющие сборную единицу, моментально прекращают самостоятельную работу по исправлению его и стремятся без задержки во все ноги мчатся к своей товарке, нашедшей продолжение следа. При этом подваливание не должно сопровождаться отдачей голоса, т.к. это только мешает правильной работе сборной единицы, сбивая с толку и охотников, и собак, составляющих смычек или стаю, и очень часто сбивает и гонного зверя с его хода. Свальчивые гончие, если они дружны и свычны, прекрасно знают голоса своих товарок и, где бы ни услышали жаркий гон товарища по сборке единицы, спешат туда со всех ног. При этом они все прекрасно и, вне всякого сомнения, лучше владельца знают и степень слабеголосости своих товарок, подваливая лишь в тех случаях, когда та не врет. Как они узнают подвох, для нас часто неизвестно, наверное, они улавливают какие-то нюансы в её голосе, недоступные нашему слуху.

Очень часто гончие с хорошей свальчивостью не реагируют на гон чужой собаки, и это также одно из достоинств хорошей свальчивости. Гончая, вытаращив глаза, бегущая на любой собачий голос в лесу, испорченная гончая, и охотиться с ней особенно в местности, где охотится несколько компаний, практически невозможно.

Конечно, в каждой сборной единице есть свои вожаки, которые

В.М. Филатов со стайкой

пользуются безграничным доверием своих товарищей. Мне, к примеру, насколько раз доводилось наблюдать за смычком, поднявшим сразу двух зайцев, когда менее авторитетная в работе из них сразу же бросала свой гон, и подваливала к своему «мастеру».

Но, с другой стороны, свальчивость гончих сборной единицы не должна принимать уродливую форму, когда работает одна собака, а остальные ей лишь «подпевают». Я на всё жизнь запомнил работу смычка, - Колдун - Канарейка, - известного в своё время заводчика и гончатника из Павлово на Оке Нижегородской области А. С. Серова, который на испытаниях, где мне довелось участвовать в составе экспертной комиссии, получил диплом III степени. Так вот, ни в полазе, ни в гону, ни на сколах эта Канарейка ни на шаг не отставала от Колдуна. Она словно была его тенью в буквальном смысле этого слова, и отдача её голоса была эхом голоса Колдуна. Мы дали им смычковый диплом, хотя всю работу сделала одна собака - Колдун в одиночку.

Свальчивость в работе сборной единицы хороша только тогда, когда смычок или стая действуют как единый организм, и все собаки, составляющие её, в то же время работают в полную меру своих полевых способностей.

Ровность ног. Это непереносимое полевое качество сборной единицы гончих - смычка и стаи - действующие правила излагают следующими словами: *«Ровность ног - кучность гончих на гону в смычке или в стае»*.

Максимальная оценка ровности ног, установленная правилами, равна 5 баллам. Кроме того, установлены и лимиты по этому качеству для присуждения дипломов: для дипломов I и II степени минимум - 4 балла, диплом III степени - 3 балла.

В ориентировочной таблице примерных оценок делается определенная попытка дать конкретные рекомендации для проставления этих баллов. На мой взгляд, она не бесспорна, а в определенном смысле и неясна.

Так определение максимального балла 5 положением собак в гону, когда *«Гончие гонят кучно, растягиваясь не более, чем на 5 метров одна от другой, меняясь местами»*, а снижение его до 4

баллов за «то же, но впереди идет одна и та же гончая», по-моему, не совсем правильно.

Да, гончие в смычке во время гона при условии их одинаковой паратости меняются в зависимости от разных обстоятельств своими местами, но в хорошо слаженном смычке всегда есть ведущий и ведомый, и вот этот-то ведущий чаще и оказывается впереди. Хотя, объективности ради надо сказать, что это не обязательное правило: ведущая гончая может оказаться не первой или по ряду обстоятельств гона, или просто в силу своей средней паратости по сравнению со своими товарками, но, тем не менее, во всяком своем положении играет решающую роль при исправлении следа. Часто меняются местами собаки лишь в недостаточно сгоненном смычке, где преобладает дух соперничества, конкуренции, и обе собаки вместо того, чтобы совместно делать одну работу, из последних сил стремятся занять лидирующее положение. Это отнимает силы у гончих, составляющих смычок, и в итоге ни к чему хорошему не ведет - такой смычок никогда не даст пристальной, упорной, а главное продолжительной работы. Так что, на мой взгляд, разумнее было бы ограничиться приведенной формулировкой, но без слов: «меняясь местами». Так же разумно убрать и пункт, в котором считается недостатком, когда в плотной группе гончих на гону впереди идет одна и та же собака.

Кроме того, на практике очень редко случается, чтобы сборная единица на гону не разрывалась более 5 метров друг от друга - это все-таки скорее теория. Более прагматичный взгляд, в противоположность нашим правилам, высказал в своё время известный опытный гончатник и авторитетный эксперт по гончим В. И. Казанский (17, с. 148): «Редко гончие в смычке или стае гонят, что называется «ухо в ухо», да это и не так необходимо; если стая растянется на 20-30 метров, то это почти норма. Иное дело, когда одна из собак отстаёт на 100-200 метров и более». Наверное, рекомендации Василия Ивановича более реальны, чем туманные формулировки ориентировочной - таблицы: «растягиваются незначительно» и «растягиваются значительно».

Ровность ног сборной единицы, по-моему, это не только одинако-

вая паратость гончих, составляющих эту единицу. Это еще и социальный климат в этом коллективе, дух дружбы, товарищества и всех взаимоотношений, порожденных крепко установившимися иерархическими отношениями в этом собачьем сообществе, основанных на взаимоподчинении младших «по рангу» и уважении старших, а также, вдумчивой приездкой и нагонкой. Вот только в этом случае собаки, составляющие сборную единицу, не будут на гону «вытягивать последние жилы» друг перед другом, а каждая займется своим делом и займет своё место, положенное ей в этой совместной работе.

Конечно, без удовлетворительной приездки, свальчивости и ровности ног не может быть и самой сборной единицы - смычка и стаи - это бесспорно и это с полной определенностью подчеркивают наши правила. Ко всем остальным качествам, составляющим комплекс полевого досуга гончих, за исключением чутья, требования к сборной единице практически идентичны требованиям к одиночке. Да это и понятно - и одиночка, и сборная единица всё равно единица, производящая одну и ту же работу, хотя возможности для этого у них и существенно разнятся. Лишь только разница в этих возможностях диктует некоторые ограничения для сборной единицы по сравнению с одиночкой.

Так время, предоставляемое на полав, в результате которого гончие должны поднять зверя, в отличие от одного часа для одиночки, для смычка установлено лишь в 50 минут, а стае - всего 40 минут.

Для сборной единицы установлены также и более жесткие квоты на время исправления скола. Если для одиночки даётся 20 минут на его исправление, при безрезультатном истечении которых одиночка снимается с испытаний, как не проявившая минимума мастерства, то для смычка это время сокращено до 15 минут, а для стаи - до 10-ти.

Все остальные различия несущественны и не стоят нашего внимания.

В заключение разделов о полевого досуге гончих, как в одиночку, так и в сборной единице, мне хочется сказать несколько слов о перспективах нашей любимой охоты.

Я, конечно, не увижу, что будет с нашей охотой в будущем, т.к. мне немного осталось жить, но я остаюсь оптимистом и надеюсь, что

черная полоса всеобщего обнищания и развала России когда-то кончится. И, дай Бог, чтобы будущие поколения российских гончатников, как в старые добрые времена, начали считать достойным охоты и самого охотника лишь сборную единицу - стаю, на худой конец, смычок, а не одиночку.

Одиночка же в поле, её индивидуальная работа должна остаться лишь объектом её испытания в целях отбора племенного поголовья для последующего воспроизводства существующих пород.

О СУДЕЙСТВЕ НА ПОЛЕВЫХ ИСПЫТАНИЯХ

Первоначально я не предполагал завершать свою книгу этим разделом. Но так получилось по мере изложения материала, что все мои заключения и рекомендации по оценке полевых качеств гончих практически напрямую связаны с действующими правилами и моими толкованиями их.

Возможно причина в моей многолетней практике экспертизы, и я не могу в силу привычки смотреть на работу гончей глазами рядового гончатника, а не эксперта. С другой стороны, правила испытаний и система оценки досуга гончей в баллах являются как бы своеобразным эсперанто - единым общеупотребительным языком для всех причастных к этому делу, и только пользуясь им, мы все начинаем понимать друг друга.

Поэтому, на мой взгляд, нельзя противопоставлять полевые испытания самой охоте, - испытания составная часть нашей охоты, и без них нельзя совершенствовать досуг наших гончих. Правда, испытания не могут нам дать исчерпывающей оценки рабочей единицы для охоты, да они и не ставят перед собой такой цели, поскольку полевой диплом является лишь своеобразным пропуском конкретной собаки в состав племенного поголовья. Диплом все-таки даёт основание считать, что получившая его собака несет в себе удовлетворительные полевые качества, и есть надежда на передачу их будущему потомству.

С этих позиций практика испытаний совершенно необходимое дело как в самой охоте, так и в деле совершенствования конкретных пород. Вот почему я счел необходимым в заключении книги коснуться некоторых вопросов и самой экспертизы на полевых испытаниях гончих.

К слову сказать, мне не нравится замена термина «судейство» словосочетанием «производство экспертизы», т.к. по своему

смыслу они идентичны, и итогом их всегда даётся заключение о каком-то объекте или событии. Наверное, не стоит менять установившееся выражение новомодным и не для всех понятным термином.

Кроме того, мы как-то совсем забыли, что без малого 50 лет испытания гончих назывались пробами. Да и сейчас они у нас все-таки пробы, т.к. испытываемой единице дается, как правило, лишь одна работа, и продолжительность её в очень редких случаях ограничивается максимум двумя часами, а чаще всего одним часом. Сама оценка, которая ей присуждается - это не заключение о возможностях гончей работать в разных условиях охоты, а всего лишь итог её работы в конкретном месте, в конкретных условиях угодий, погоды и тропы и по конкретному единственному поднятому ею зверю в это конкретное время.

Надо признать, что испытания гончих из всех испытаний охотничьих собак, пожалуй, самое трудоёмкое мероприятие. Хотя ныне действующими правилами они сведены до минимума: час на подъём и час на работу на гону, все равно в процессе испытаний на каждую

Перед набросом на состязаниях, судейская команда (слева — направо):
Д.Н. Остащенко, Н.Т. Васильев, Д.Н. Федорин

единицу приходится тратить около двух-трех часов. И это не считая повторных работ, которые судьи должны предоставить в тот же день неудачникам по первой работе. Кроме того, нужно еще время для согласования оценки после окончания работы каждой испытывавшейся единицы, её объявления, вызова следующего номера, а часто и смены места работы комиссии.

Так что в итоге получается, что за световой день при работе от зари до зари можно испытать, если, конечно, делать это ответственно и полностью выполняя правила, три - четыре рабочие единицы. На испытаниях осенью надо принять за правило испытывать за день лишь по три единицы, а весной - четыре. На состязаниях любого ранга этой нормой должно быть как максимум - четыре единицы. Не думаю, что это необходимо записывать в правила, но в практике проведения испытаний и состязаний это должно быть общепринятой нормой.

Сама система организации и проведения испытаний для нас сейчас привычна. Естественно, что собаку судят трое компетентных гончатников, и их коллективное мнение является её оценкой. «Правила испытаний и состязаний охотничьих собак», утвержденные Главприродой МСХ СССР от 29.09.1972 г., еще действуют и определяют порядок наших испытаний.

К сожалению, эти правила, кроме положительного, имеют «подводные камни», мешающие в определенной степени совершенствованию дела испытаний, в том числе и по гончим. Дело в том, что в них запрещается судейство в качестве судей наряду с вполне понятным требованием не проводить экспертизу собак, «принадлежащих лично им и членам их семей», также «б) потомков первого поколения собак, принадлежащих им в настоящее время до достижения ими десятилетнего возраста; в) приобретенных непосредственно у них; г) натасканных ими или под их руководством в течение последних двух лет. Выход из состава экспертных комиссий председателя и членов их для проведения оставшимся составом экспертизы указанных в настоящем пункте собак запрещается».

Данные требования по сути дела исключают из работы по оценке

собак в поле всех заводчиков, т.е. всех тех, кто наиболее активно занимается породами, разводит их, наганивает и совершенствует, и в тоже время толкает охотничьи организации отдавать дело оценки полевого досуга гончих в руки людей, далеких от их разведения, подчас не имеющих элементарных понятий и знаний. Ведь не секрет, что среди судей по гончим сейчас уже много таких, кто никогда не держал и не нагонял ни одной гончей, а некоторые из них и не видали в своей жизни ни одной по-настоящему дельной собаки в поле. И это можно наблюдать не только на уровне районных и областных испытаний - такие «знатоки» есть и среди тех, кто сейчас пытается даже корректировать наши правила. Судья с официальным званием эксперта, но не державший и не нагонявший за свою жизнь ни одной гончей - опасная фигура в собаководстве, и мой совет - не использовать таких людей в деле полевой оценки гончих.

Жаль, что мы забыли установки наших предшественников, которые даже в мыслях своих не могли себе представить такой перечень запретов. Всё ограничивалось лишь запретом судить своих собак, а «в случае участия на пробе собак, принадлежащих судье, судья замещается при их пробе кандидатом». (Правила полевой пробы от 7 марта 1901 г.). Ведь так можно «доиграться» и до запрета судить собак друзей, приятелей и даже соседей.

Наверное, из этих же заблуждений и установка, что «на испытаниях звание эксперта по испытаниям данной группы пород собак должен иметь председатель экспертной комиссии, члены комиссии могут иметь звания по испытаниям любой группы пород собак». Вообще-то забавно, если бы это не было так грустно, представить себе троицу судей из борзятника и норника во главе с лаечником, получившим какими-то путями звание эксперта по гончим, на полевых испытаниях, куда ставят своих собак настоящие гончатники, знающие гончую собаку и которые действительно «зубы съели» на этой охоте.

В своей практике мы нарушаем эти установки и, как правило, при невозможности набрать полный комплект судей с официальными званиями по испытаниям гончих, включаем в состав комиссии опытных гончатников без категорий и даже меняем их в процессе

испытаний. Если это делается при опытным и авторитетном председателе комиссии, а в состав комиссии включаем действительно знающих гончатников, то это, вне сомнения, значительно разумнее, чем присутствие в комиссии лиц, хотя и сведущих в своем деле, но к гончим отношения не имеющих.

Важно, чтобы гончих судили гончатники, имеющие большой опыт нагонки и охоты с ними. Не менее важен и дух солидарности, взаимопонимания и взаимопонимания в самой судейской комиссии. Надо твердо усвоить, что трое гончатников, взявших на себя труд судить гончих, одинаково равны и ответственны в принятии решений, а председатель лишь ответственное лицо за порядок и установленные правила их проведения.

Разумеется, самое важное это компетенция и уровень знаний людей, проводящих судейство. К нашему сожалению, они не всегда и не везде на должном уровне. *«Не секрет, что в собаководстве наряду с серьёзными вдумчивыми экспертами всегда было много так называемых «знатоков». Практически биологически неграмотных и с очень бедным запасом кинологических знаний, пытающихся заменить знахарством. Эти знахари в некоторых обществах занимали ведущее положение и пытались диктовать свое видение племенной работы в охотничьем собаководстве»*, сказал в своей последней статье «Размышления после состязаний» Н. Н. Пышкин (40), с чем я полностью согласен.

Отмечая издержки и извращения в деле судейства, я, тем не менее, должен подчеркнуть, что не эти «знатоки» с их фантастическими дипломами определяют уровень и направление нашей работы с гончими. Это все-таки досадные отклонения, которые со временем «всплывают» наружу и не находят поддержки у основной массы гончатников.

Дело в том, что сама охота, а не охотников среди гончатников нет, и более чем столетняя практика проведения полевых испытаний гончих подняли культуру собаководства среди любителей гончей собаки на очень высокий уровень. Я, к примеру, не устаю повторять стажерам и начинающим судьям: *«Старайтесь внятно объяс-*

Открытие Московской станции 1930 год. Судейская комиссия (слева — направо):
В.С. Мамонтов, С.А. Садовников, Н.А. Пахомов

нять все свои действия и принятые оценки присутствующим на любом мероприятии по собаководству. И всегда помните, что за флажками ринга или среди болельщиков на испытаниях всегда есть люди, которые знают и понимают гончую собаку лучше, чем вы».

Да, иногда им не хватает общего образования, не каждый из них может написать понятно своё мнение или изложить его устно, но знаний гончей и цены её рабочих качеств очень часто и у рядового гончатника вполне хватает для сравнения с качествами любого официального полевого судьи.

Правда, для проведения судейства на испытаниях, кроме обширных знаний их полевого досуга, необходим также и опыт самого судейства, т.е. способность перевести свои внутренние убеждения о степени приближения этих качеств к определенному идеалу на общепонятный язык действующих правил с помощью установленной балловой расценки. Но и этого мало, если в нем отсутствует определенное творческое начало. «Для расценки собак выбирают судей, т.е. людей способных к суждению и даже рассуждению, а не простых отметчиков и счетчиков. Именно потому, что по существу дела всегда будет и не может не быть широкого места для личного суждения, так как все разнообразные работы собаки нельзя свести к некоторому числу четких формул с определенным баллом в виде расценки предусмотренных случаев. Если вы боитесь этого широкого места и не надеетесь найти на нем правильную дорогу, то лучше не беритесь за судейство», очень метко сказал в своей книге «Полевые испытания легавых подружейных собак» Р. Ф. Гернгросс (6, с. 137), о чем не мешает помнить и в нашем деле.

Судейству нельзя выучиться лишь по правилам. Никакое руководство не может подменить опыт эксперта, на основании которого он только и может высказать с помощью проставленных баллов своё суждение о качестве того или иного элемента работы гончей, выражение которого, в свою очередь, зависит от её способностей, опыта и тренированности, а также от массы крайне разноречивых и многочисленных условий местности, погоды, вида, возраста,

поведения зверя и прочих обстоятельств.

Полевые испытания гончих составляют основу работы по ведению и совершенствованию их пород, вот почему так важна объективная оценка их природных рабочих качеств. Но, с другой стороны, нигде на полевых испытаниях не бывает столь грубых и пагубных ошибок, как на испытаниях гончих, этих, несомненно, самых трудных, повторяю, среди всех испытаний охотничьих собак. Как-то у нас не принято об этом говорить, но в деле испытаний гончих несоизмеримо возрастают требования не только к знаниям судей, а в не меньшей мере и к их общей порядочности и честности, т.к. в процессе испытаний есть масса возможностей на разного рода махинации и жульничества. Я не хочу сказать, что все судьи жулики. Подавляющее число их люди достойные и объективные, и крайне важно, чтобы их высокие человеческие качества были у всех на виду.

Говоря так, я хочу лишь подчеркнуть, что на любые испытания гончих необходимо смотреть как на святое дело, которое делается, по сути дела, не для тех, кто в этом участвует, а для будущего нашей охоты и наших пород. Поэтому совершенно недопустимо, когда два-три эксперта, договорившись с группой охотников, выезжают судить их собак, не поставив никого в известность, и приезжают затем с «темными» дипломами, присужденными в их узком кругу. К сожалению, такая практика во многих регионах часто становится своеобразной нормой, а некоторые судьи, возомнившие себя независимыми от общественных организаций, по рекомендации которых они и получили свои судейские категории, начинают заниматься частнопредпринимательской деятельностью в охотничьем собаководстве.

На мой взгляд, все такие попытки уйти из-под контроля охотничьей организации должны пресекаться в зародыше и самыми жестокими мерами. Каждое мероприятие в собаководстве и особенно полевые испытания должны быть публичными, общедоступными и гласными. Надо чтобы каждое испытание, не говоря уже о состязаниях, предварялось соответствующим приказом или распоряжением о его проведении, месте, времени, составе судейской комиссии и условиях записи желающих участвовать в них. И такой документ должен быть обнародован не позднее, чем за 10-15 дней до его

проведения. Вот только тогда мы ликвидируем всю «мышиную возню» вокруг дипломов и сделаем присуждение их гласным и доступным для критики общественностью.

Не следует забывать также, что и само выдвижение судей в состав полевых комиссий должно предварительно исходить из коллективного мнения членов той охотничьей организации, от лица которой и будут проводиться эти испытания. Конечно, эти рекомендации должны, прежде всего, учитывать знания и авторитет в деле охоты рекомендуемых судей, но не меньшую роль должна играть также объективная оценка их физических возможностей. Дело в том, что судье на полевых испытаниях гончих приходится выполнять очень тяжелую физическую работу, находясь на ногах в постоянном движении от зари до зари. При этом иногда надо и пробежать какое-то расстояние, стараясь не спустить собаку со слуха или поспешая на предполагаемый лаз. При этом он, безусловно, должен и слышать и видеть на уровне хотя бы нормального человека. На практике очень часто у нас этого не получается - судят, хотя и уважаемые, но полуглухие, полуслепые и немощные эксперты, у которых уже все в прошлом. Поверьте мне - я старый уже человек и опыт судьи у меня немалый: какими бы знаниями не обладал судья, но слушая гон, а не наблюдая его на местности, он никогда не сумеет объективно оценить работу, будь он хоть семи пядей во лбу. Вот почему я, хотя продолжаю держать гончую и охотиться, после 70 лет отказался от работы судьи в поле, поскольку пришел к выводу, что это уже не по силам старику. Будь моя воля, я и в правила вписал бы запрет судить гончих в поле в возрасте выше 70-ти лет, со слуховыми аппаратами, глухим на одно ухо, а также всем физически неполноценным.

Как видите, я может быть слишком много говорю об организационной стороне судейства, но без этого, на мой взгляд, не обойтись. Что же касается судейства непосредственно в процессе испытаний, то и тут есть смысл отметить определенные сложности и распространенные ошибки. Конечно, я не буду пытаться как-то переучивать экспертов - они все люди самостоятельные и себе на уме, но о некоторых заблуждениях сказать все-таки стоит.

Прежде всего, следует сказать несколько слов о перевиденном

зверю. При этом я не считаю нужным акцентировать внимание читателя на тех судьях, которые постоянно «видят» беляка в ситуациях, где они были лишены такой возможности - это чистое жульничество. Не меньшую опасность представляют и судьи, действительно перевидевшие зверя в первые 10 минут работы, и с чувством исполненного долга сразу рассаживающиеся по пенкам и начинающие отсчитывать только время лая гончей в лесу с твердой уверенностью, что она его гоняет. Зверь, будь-то заяц или лисица, перевиденный с подъема или вскоре после него - это только начало работы, и никто не может гарантировать, что в дальнейшем гон будет именно по нему. Гончая за время, предоставленное ей для работы, может погонять несколько зайцев, переходя с одного на другого, может перейти с зайца на лисицу, или наоборот, а может гонять уже пройденные гоним следы или бегать с лаем по всему лесу вообще без всякого следа.

Перевиденный зверь в начале работы - это хорошо. Но еще лучше, если он будет многократно перевиден за время всей работы. И, что особенно важно, - во второй половине часа, когда заяц начинает ходить своими тропами и гонными следами, на которых гончую встречает большой соблазн погнать эти следы и без свежего гонимого следа или не в ту сторону, куда он побежал. Вот именно в этой сложной для гончей ситуации к концу часа работы и требуется разобратся полевым судьям, а не сидеть на пенках и смотреть на часы.

За последние годы моей работы полевым судьей мне пришлось неоднократно наблюдать гончих, которые после кратковременного скола по второму, а то и по третьему, разу гнали уже пройденные гоним следы, опять возвращались гоним к сколу и иногда его справляли, создавая впечатление непрерывной и жаркой работы. Хотя на самом деле зверя они за это время не гнали, а только неверно отдавали голос. Я не буду называть конкретных собак, чтобы не разжигать страстей, но таких пустобрехов сейчас немало и среди наших знаменитостей с дипломами I степени.

Возможно, я заблуждаюсь, но в настоящее время, на мой взгляд, примерно половина гончих, получивших дипломы I степени, на самом деле их не заслуживает и дипломы эти не заработаны действительно блестящей работой, а являются вольными или невольными ошибками

судей, засчитавших всю пустую брехню вокруг следа и около него за время гона.

Сейчас стало почти нормой, что одна и та же собака у нас на испытаниях получает или диплом I степени с очень высокими баллами, или едва натягивает только III, как правило, с 3 баллами за верность отдачи голоса. Тут всё ясно - в первом случае намеренно или без злого умысла не разобрались, высоко оценив гончую, а во втором определили истинную цену, а может быть даже, и несколько завысили её оценку с оглядкой на ранее полученный высокий диплом. Примеров я думаю приводить не надо, т.к. у каждого грамотного гончатника они есть свои.

Печальнее всего то, что такой «любитель вокального пения» у нас часто ходит в чемпионах и основных производителях, медленно, но верно снижая верность отдачи голоса в породах гончих.

На мой взгляд, пустобрехство - это ахиллесова пята всего нашего дела испытаний гончих собак, поскольку определить неверность собаки на сколе - одна из труднейших задач. И этот порок в процессе испытаний не всегда удается выявить и вычленив всю откровенную брехню из времени гона, что по силам действительно понимающим гончатникам. А ведь среди судей не всегда есть опытные гончатники, иногда встречаются и «чудаки», убежденные, что гон, не закрывая рта, и есть идеал гона. Я, к примеру, всегда, когда навожу справки о каком-то перводипломнике, сразу же спрашиваю: «А кто судил?» - и это ограждает от ошибок в племенном деле значительно вернее, чем изучение его расценки. Пустобрехи встречаются не только среди перводипломников, но, что особенно печально - есть они и среди судей по гончим.

Другой распространенный недостаток нашего судейства гончих это трактовка понятия «запавший заяц». Дело в том, что многие судьи почему-то считают зайца очень хлипким зверем, который вынужден из-за своей слабосильности постоянно западать под гоним и таким образом отдыхать.

Такое суждение верно только в отношении заячьего «ребенка» с рукавичку, который действительно без конца западает, поскольку не надеется на свои ноги. Но совсем другое - взрослый здоровый

беляк, вне сомнения, являющийся достойным соперником любой гончей, и еще «бабушка надвое сказала», кто в этом состязании победит. Чаще всего все-таки побеждает заяц, и в подавляющем большинстве случаев именно гончая скорее истратит свои силы и откажется от работы, чем он попадет в её зубы. Я, наверное, не погрешу против истины, но практически на любом участке для нагонки есть так называемые «профессора», которые постоянно одурачивают любых способностей гончих, годами обитают в избранном ими участке угодий и, видимо, процветают, несмотря на постоянное беспокойство, выдерживая при этом очень длительные по ним работы в несколько часов гона.

Так почему же беляк, способный выдержать столь длительное преследование, часто западает после первых полкруга или круга своего хода? Может быть, ему действительно нужен отдых, хотя бы кратковременный, чтобы и дальше спастись от преследования? Наши «знатоки» в этом уверены, но я полагаю, что они просто выдают желаемое за действительное, а объясняется это совсем другой причиной.

Заяц западает в начале работы собаки, не оттого что он устал, а оттого что сама гончая «западает», чем провоцирует его на такой маневр. Всё дело в том, что заяц животное сумеречно-ночное и нормальное его состояние в дневное время, если, это не в период размножения, - лежать, а не бежать, что он и делает при любой возможности. Замешкалась гончая с подъема, не преследует зверя по пятам, он свободно и спокойно от неё оторвался, - ничего другого и не остается, как лечь, т.е. запасть. Разберется она, доберет его по следу - опять толкнет, и опять начнутся эти своеобразные качели: гон накоротке, когда она на него «наступит», а затем по удалелому постепенно переходящий в добор, если заяц сильно отрос и уже не бежит перед собакой, а лежит. Затем все повторяется по той же схеме. Вот именно при такой работе заяц почти сразу и постоянно западает, но совсем не по причине своей усталости, а из-за плохой работы гончей, которая в силу своей копотливости, слабочутости и недостаточного мастерства не в состоянии вести его по - настоящему. Тем не менее, такая гончая под многими судьями часто получает

диплом, хотя доля настоящего гона, когда заяц бежит перед собакой, а она преследует его по пятам, в общем объеме этой «тягомотины» минимальна.

Совсем другое дело, когда гончая висит на зайце и ведет его «как на вожжах», выходя за ним в пределах минуты. Тут у беляка нет повода ложиться, поскольку преследователь всегда рядом и, как говорится, собака не даёт ему западать. Западать он начнет при таком гоне только тогда, когда действительно устанет, что всегда хорошо видно по его ходу. *«Замученный заяц уже не кружит, но тыкается в разные стороны по ограниченному месту и поминутно западает. Гончие отлично это чувствуют и такого упалого (запавшего) ищут особенно старательно»* очень точно сказал А. И. Эмке (53, с. 92), с чем я полностью согласен.

Не менее интересно привести по этому поводу и высказывания В. В. Де-Коннора (12): *«Ведь пока заяц идет, гончие не бросят и на сколах сейчас же справляют, а как вымотают его хорошенько, начнет он крутиться на двух десятинах зарослей, да западать каждые 100-150 шагов, так и нет у нас хладнокровия и терпения выстоять, пока гончие каждый кустик обнюхают и найдут там его заостеневшего. Рассказывают, что запавшего де зайца чутьистая гончая не станет раскапывать, а издали почует верхним чутьём. Бывает, - только свежего, а не загнанного; чтобы стоненного зайца гончая почуяла, когда верхним чутьём, этого я никогда не видал; в упор наткнется, на глаз возьмет, а чаще сам найдешь... раненного другое дело: этого они, чем дальше, тем лучше чуют».*

К сожалению, такое развитие событий в охоте, обычное при хорошо слаженной и высоких качеств стайке гончих, очень редко доступно одиночной собаке. Даже при достаточно пристальной работе одной гончей удастся действительно замучить беляка лишь на втором, а то и третьем часу гона, да и это бывает крайне редко. А запавший заяц в 30-40 минутной работе чаще всего не результат какой-то особой злокозненности беляка, а естественная реакция на «промашки» в работе гончей, позволившей себе значительный

перерыв в его преследовании.

Конечно, каждая работа гончей по зверю уникальна и неповторима, поскольку любое существо на свете, в том числе и зайцы, и лисы, всегда индивидуальны и в чем-то отличаются от себе подобных, как своими привычками, манерами, так и накопленным опытом. Поэтому при судействе гончих, несмотря на отработанные у каждого из нас стереотипы, надо прежде всего руководствоваться непосредственными наблюдениями за поведением зверя и преследующей его собаки и только, опираясь на них, строить свои заключения.

Для этого у нас есть правила, и они необходимы в этом деле, как официальный стандарт идеальной работы гончей. А дело судей перевести свои внутренние убеждения о степени приближения этих качеств к определенному идеалу на общепонятный язык действующих правил с помощью балловой расценки. Высший балл, указанный в каждой графе – это идеал качества, и чем больше мы наблюдали выдающихся собак, тем объективнее будет наша оценка.

Чрезмерная щедрость судьи, как правило, говорит о его малограмотности в деле знакомства с полевым досугом гончей или его непорядочности. Поэтому в процессе работы на испытаниях не следует поддаваться эмоциям, необходимы трезвость ума и чувство огромной ответственности перед делом совершенствования наших пород. При сомнениях лучше занижить, чем завысить. Обсуждая окончательные баллы, важно путем взаимного убеждения их согласовать, предварительно коллективно воссоздав картину всей проделанной работы оцениваемой единицы.

Не надо забывать, что правила существуют для судей, для знатоков этого дела, почему в них излагаются только основные определяющие положения, представляющие исполнителям известный простор в суждениях и определении некоторых основных деталей по косвенным признакам. Действующие правила не свободны и от недостатков, ошибочно трактуя которые, можно извратить или поколебать основные установленные понятия полевого досуга гончих. Но основная часть правил все-таки излагает требования, обязательные для исполнения, и нужны лишь знания и здравый смысл, чтобы ими успешно пользоваться.

Другими глазами, на мой взгляд, надо смотреть на приложение к правилам, т.е. на так называемую ориентировочную шкалу оценок.

Она ведь не напрасно называется ориентировочной, поскольку всё многообразие ситуаций в работе гончей практически невозможно предусмотреть и описать в каком-то руководстве. Да, она полезна, как определенная помощь для начинающего судьи или в безнадежных случаях, когда и речи не может быть о дипломе - вот тогда открываешь таблицу и, не ломая головы, записываешь эти рекомендованные баллы.

К сожалению, ни по правилам, и ни по приложению к ним, судить гончих научиться нельзя. Боюсь, что и эта книжка без обучения у зайцев, лисиц, гоняющих их гончих, большого опыта нагонки и практической охоты, мало чем может помочь в этом деле.

Так что работайте со своими собаками, побольше охотьтесь, повнимательнее оценивайте свои действия и суждения - тогда может быть и от написанного мною будет какой-то толк.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артынов Е. Д. «Собачий хор»
Охотничья газета. 1891. № 49. (9 дек.); 1891. № 50. (16 дек.).
2. Баковецкий К. «Ответ Ружейнику Антону»
Псовая и ружейная охота. 1906. № 31.
3. Братолюбов Б. А. «Подготовка легавой собаки к охоте»
Краснодар, 1929.
4. Гавеман А. В. «Повышение чутья у собак»
Информационное письмо районным обществам и первичным коллективам Московского общества охотников. М., 1958. № 12.
5. Гейер С. «Гончая в ружейной охоте»
Псовая и ружейная охота.
1899. кн. III (январь); 1899. кн. XI (сентябрь).
6. Гернгросс Р. Ф.
«Полевые испытания легавых подружейных собак»
Изд. 3-е, пересмотренное и доп. М.-Л., 1935.
7. Глебов С. М. «Записки старого охотника»
Журнал охоты. 1876. т. V, № 4.
8. Губин П. М. «Полное руководство ко псовой охоте» М., 1890.
9. Далматов А. «Два месяца в Поставах» (Парфорсная охота).
Охотничья газета. 1907. № 48. (15 декабря).
10. Де-Коннор В. В. «На заметку г. Груздева»
Псовая и ружейная охота.- 1899. кн. VII, (май).
11. Де-Коннор В. В. «О росте гончих»
Псовая и ружейная охота. 1903. № 9.
12. Де-Коннор В. В. «Письма к приятелю»
Псовая и ружейная охота, 1899. кн. V, (март).
13. Дубинский А. «Ружейная охота с гончими»
Охотничья газета. 1890.
№ 6. (5 февраля); № 7. (12 февраля); № 8. (19 февраля).

14. Дюбек Е.
«Из материалов к истории зверовой охоты в Костромском крае» Буй, 1920.
15. Зворыкин Н.А. «Оценка легавой на охоте»
Зворыкин Н.А. «Избранные произведения» М., 1955.
16. Казанский В. И. «Гончая и охота с ней» Тула, 1960.
17. Казанский В. И. «Гончая и охота с ней» Изд. 3-е, доп. М., 1973.
18. Калинин М. В. «Рабочая память гончей»
Охота и охотничье хозяйство. 2003. № 3.
19. Камерницкий А. В., Матушкин А.
«Полевые испытания охотничьих собак» М., 2003.
20. Кишенский Н. П. «Выбор гончих»
Природа и охота. 1881. № 5.
21. Кишенский Н. П. «Голоса гончих»
Русский охотник. 1894. № 2.
22. Кишенский Н. П. «Несколько слов о полевых испытаниях гончих»
Охотничья газета. 1889. № 47 (2 декабря).
23. Кишенский Н. П. «Ружейная охота с гончими»
Руководство для охотников и любителей. М., 1906.
24. Корьтин С. А. «Поведение и обоняние хищных зверей» М., 1979.
- 25. Крушинский Л. В. и др. «Новые данные по изучению чутья у собак»
Зоологический журнал. 1946. т. XXV, вып. 4.
- 26. Крушинский Л. В. и др. «Чутьё собак и его роль в поиске по следу»
Бюллетень МОИП, отд. биологии. 1960. т. LXV, вып. I.
27. Крушинский Л. В. и др. «Экстраполяционный рефлекс и его роль в эволюции поведения животных»
Проблемы кибернетики. М., 1966. вып. 16.
28. Луканичев В. «Чудная песня гона»
Охотничьи собаки. 2001. № I.
29. Мачеварианов П. М.
«Записки псового охотника Симбирской губернии»
Изд. по книге 1876 г. М. - Минск, 1991.
30. Менделеева-Кузьмина М. Д. «Типы работы легавой»
Собаководство и дрессировка. 1926. № 4, (июль); № 5, (август).
31. Озеров С. В. «К статье В. В. Де-Коннора»

- Псовая и ружейная охота. 1903. № 10.
32. «Охота на зайца» (Перевод с французского из книги
«Руководство к охоте с гончими»
графа Ле Кутё де Контелэ В. В. Де-Коннора).
Псовая и ружейная охота. 1901. кн. III; кн. IV.
33. Павлов М. П. «Чутьё»
значимость его оценки на полевых испытаниях охотничьих собак»
Современные проблемы охотничьего собаководства. Киров, 2004.
34. Пахомов Н. П. «Полевые пробы гончих»
Правила, организация и судейство на них. М., 1932.
35. Пахомов Н. П. «Породы гончих» М., 1931.
36. Платонов А. «Запах, обоняние, чутьё»
Охота и охотничье хозяйство. - 1969. № I.
37. Правила испытаний гончих на призы Русского Охотничьего Клуба.
Охотничья газета. 1889. № 2 (14 янв.).
38. Правила полевой пробы гончих.
Родословная книга охотничьих собак. М., 1902.
39. Протасов Б. Д. «Охота с гончими» М., 1957.
40. Пышкин Н. Н. «Размышления после состязаний»
Охотник и рыбовод Поволжья. 2005. № 4 (149).
41. Пышкин Н. Н. «Старые или новые правила испытаний?»
Охотник и рыбовод Поволжья. 2002. № 11 (120).
42. Райт Р. Х. «Наука о запахах» Пер. с англ. - М., 1966.
43. Рахманов В. Л.
«Воспоминания о Московских садках 1830-1840 годов»
Журнал охоты. 1877, т. VI, № 2.
44. Рождественский В. П. «Легавые»
Охотничье собаководство. М., 1966.
45. Сафонов А. «Стая, как предмет музыкального изучения»
Охотничья газета. 1892. № 21. (30 мая); 1892. № 22. (6 июня).
46. Селюгин В. А. «О верхнем чутье у гончих и о нижнем у легавой»
Охотник. 1928. № 12.
47. Флесс Д. А. «Опыты по усилению обоняния у собак»
Природа. 1958. № 3.
48. Хейкинен-Лехконен П.

- «Финская гончая - лучшая охотничья собака» Друг. 1998. № 4.
 49. Челищев Н. Н. «Гончая и охота с ней» Изд. 6-е.- М.-Л., 1938.
 50. Чижевский А.Л. «Земля в объятиях солнца» М., 1995.
 51. Шиян Р. И. «Русская гончая» М., 1995.
 52. Шмит Э. В. «Из опыта нагонки гончих»
 Охота и охотничье хозяйство. 1964. № 10.
 53. Эмке А. И. «О гончей» М., 1926.
 54. Эмке А. И. «О полевой пробе гончих»
 Собаководство и дрессировка. 1927. № 16 (ноябрь).
 55. Эмке А. И. «По поводу статьи об арлекинах:
 Выставки, полевые состязания, садки и пр.»
 Псовая и ружейная охота. 1904. № 33.
 56. Яровицкий П. А. «Московские областные»
 Охота и охотничье хозяйство. 1979. № 10.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Введение	7
ПОЛЕВЫЕ КАЧЕСТВА ОДИНОЧНОЙ ГОНЧЕЙ	15
Полаз	16
Добычливость	28
Мастерство	40
Чутьё	59
Вязкость	84
Голос	100
Паратость	116
Приездка	122
Злобность	128
Нестомчивость	132
Крепконогость	136
Ориентировка	138
ТРЕБОВАНИЯ К ПОЛЕВОМУ ДОСУГУ СМЫЧКА И СТАЙ	141
О СУДЕЙСТВЕ НА ПОЛЕВЫХ ИСПЫТАНИЯХ	153
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	169

ОТЗЫВЫ О РУКОПИСИ КНИГИ Р.И. ШИЯНА «ПОЛЕВОЙ ДОСУГ ГОНЧИХ»

■ Имя автора «Полевого досуга гончих» широко известно в среде охотников России как основного современного теоретика и практика ведения отечественных пород гончих. Свидетельством этого являются его книга «Русская гончая», выдержавшая два издания (1995 и 2000 гг.), десятки статей по разным аспектам состояния и оценки рабочих качеств современных гончих, а также его непосредственное участие в разработке отечественных нормативных материалов, касающихся их. Надо добавить к этому и его публикации, как специалиста зоолога, в научных сборниках по вопросам экологии и охраны животных Нижегородской области.

«Полевой досуг гончих» - это книга о соотношении рабочих качеств гончей собаки с теми требованиями, которые ей предъявляются в системе их испытаний. Такую книгу давно ждут охотники, поскольку подобное издание Н.П. Пахомова «Полевые пробы гончих», вышедшее в 1930 году тиражом в 5 тысяч экземпляров, практически сразу же стало библиографической редкостью, все последующие публикации касались этой темы лишь фрагментарно.

Написанная хорошим литературным языком, она рассчитана на широкий круг охотников, включая начинающих судей - экспертов по гончим.

Привлечение большого количества высказываний авторов - классиков изучения гончих, ссылки на опубликованные научные работы для аргументации спорных положений, приведение массы примеров из своей практики делают книгу настоящим пособием как для искушенных, так и начинающих любителей этого дела. Совмещение же знаний специалиста зоолога с колоссальным опытом судьи по гончим выделяют ее из всего ряда подобных изданий.

Учитывая все вышесказанное, считаю, что книга «Полевой досуг гончих», написанная Р.И. Шияном, заслуживает опубликования.

А.В. Молодовский
Доктор биологических наук.
Профессор кафедры зоологии
Нижегородского госуниверситета.

■ У меня на рабочем столе лежит рукопись книги «Полевой досуг гончих». Автором ее является один из знатоков охотничьих собак, известный стране эксперт-кинолог Всесоюзной категории, много лет возглавлявший комиссию по гончим Росохотрыболовсоюза.

Опираясь на свой богатый опыт ведения пород гончих, многолетнюю практику судейства на испытаниях и выставках, автор подробно, с глубокими знаниями предмета рассказывает о том, какое значение имеет правильно организованный досуг гончих для дальнейшего улучшения качественного состава рабочих собак.

Много сведений книга содержит и о том, как вести себя охотнику с гончей при нагонке, на охоте, а также на испытаниях и состязаниях.

Очень важно подчеркнуть, что при написании книги были использованы широкие научные данные современного состояния пород гончих и проблем, стоящих перед охотниками и кинологами.

Внимательно прочитав рукопись Р.И. Шияна, я пришел к выводу, что его книга «Полевой досуг гончих» лучшее из изданий на эту тему за последние 50-60 лет. Не умаляя заслуг наших известных, маститых собаководов, хочу сказать о том, что в своих трудах они не уделяли должного внимания полевому досугу, больше говорили об истории возникновения пород гончих, об их становлении. Рабочим качествам собак внимание не уделяли, как правило, ограничивались упоминанием о рабочих качествах гончих, об элементах полевого досуга. Р.И. Шиян поставил перед собой грандиозную задачу и успешно решил ее и в своей книге подробно и глубоко ведет речь о полах собак, добычливости, мастерстве и т.д. и для рассмотрения элементов работы собак отвел целые главы. Например, разделу «мастерство» посвящено 17 страниц убористого машинописного текста. Как говорится есть где развернуться. И действительно, автор подробно разбирает, что такое мастерство гончей, какие недостатки встречаются в работе гончих и что можно предпринять чтобы эти недостатки изжить.

Книга Р.И. Шияна - это своеобразная охотничья энциклопедия, справочник по охотничьему собаководству. Прочитав книгу Р.И. Шияна, охотники, эксперты-кинологи могут избежать многих ошибок при работе с гончими. Книга Р.И. Шияна очень полезна для собаководов. В завершающей ее части автор подробно говорит о подготовке и проведении испытаний и состязаний гончих, рекомендует судьям строго придерживаться правил этики экспертизы, объективно оценивать полевые достоинства гончих.

Выход в свет книги Р.И. Шияна надо горячо приветствовать как добрый и полезный шаг к решению большой и важной задачи по дальнейшему улучшению качественного состава гончих, развитию охотничьего спорта в целом.

Д.Н. Федорин
Эксперт-кинолог Всероссийской категории.
Почетный член Росохотрыболовсоюза.
Почетный член Соколиного ордена Австрии.

Издательский дом «РИПОЛ классик»
Р. И. Шиян «ПОЛЕВОЙ ДОСУГ ГОНЧИХ»
Дизайн и верстка ЗАО «СиБиТек»
Подписано к печати 07.09.06.
Формат 60x84 1/16. Объем 11 п. л.
Тираж 3000 экз. Заказ № 4690050.
ISBN 5-7628-0407-0

Отпечатано на ОАО «Нижеполиграф»
603950, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32